

18+

Горос

ПИРАТЫ ЭМЕРИ

Горос

Пираты Эмери

«Издательские решения»

Горос

Пираты Эмери / Горос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988150-2

Ольга Гирина посвятила жизнь спасению людей. Потому, когда она получает письмо от смертельно больного ребенка, готова немедленно броситься на помощь. Но, оказывается, спасти его совсем не просто. Ведь ребенок живет на острове, населенном кровожадными пиратами...

ISBN 978-5-44-988150-2

© Горос
© Издательские решения

Пираты Эмери

Горос

© Горос, 2020

ISBN 978-5-4498-8150-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Что вы знаете о Грасии? Большинство жителей нашей планеты, услышав этот вопрос, лишь пожмут плечами. Кое-кто даже воскликнет: «Кто это?» или «Что это?» На самом же деле тут уместен вопрос: «Где это?»

Грасия – жемчужина Атлантического океана. Да только находится она так далеко, что блеск ее не заметен с больших континентов. Даже великолепный климат – лето круглый год – не способен привлечь туда туристов из-за дороговизны поездки, а неудобное стратегическое расположение не вызывает военного интереса у мировых держав. Потому Грасия, или, как ее еще называют, Грасийский архипелаг (ведь это десять больших, четыре десятка мелких и около сотни крохотных островов), живет своей, обособленной от всего мира жизнью. Впрочем, отшельничество не сделало островитян дикарями. Благодаря постоянным контактам с «большой землей» грасийцы вполне цивилизованны и пользуются всеми благами современности.

Грасию населяют восемь разных народов, которые мирно уживаются между собой, при этом сохраняя родной язык и национальные традиции. Так сложилось исторически. Когда вовсю шло освоение Нового Света, расположенные примерно на половине пути от Европы до Америки острова долго оставались незамеченными мореходами. До тех пор, пока в 1630-х годах к берегам архипелага не подошло сбившееся с курса судно с английскими переселенцами, посланными колонизировать Северную Америку. Архипелаг оказался бесхозным, если не считать эмерийцев – аборигенов, которые жили на одном из островов.

Узнав о пока еще ничейном клочке земли, в Грасию сразу же ринулись европейские колонизаторы. Архипелаг был поделен между Великобританией, Швецией, Соединенными провинциями Нидерландов, Данией и Австрией. Но европейцы довольно быстро поняли, что, как говорится, овчинка выделки не стоит. Никаких ценных ресурсов острова не поставляли, так что содержание там колоний оказалось попросту невыгодным. Конечно же, отказываться от земель ни одно государство не собиралось, и все же к концу XVII века в сторону грасийских колоний более не устремлялись взоры правителей. Говорят даже, когда в 1716 году король Великобритании Георг I увидел графу в бюджете о содержании Грасии, он удивленно воскликнул: «Это что еще за леди?» Европейцы к тому времени острова почти не посещали, там жили в основном потомки первых переселенцев. Иногда в качестве перевалочной базы Грасию использовали пираты, да и те появлялись там крайне редко, так как в тех краях попросту нечего было грабить.

Когда в конце XVIII века во Франции грянула революция, а затем Бонапарт Наполеон ввел войска в Италию, на архипелаг прибыли итальянские беженцы, не пожелавшие жить при новом режиме. Впрочем, даже там надолго скрыться им не удалось, так как режим пришел следом за ними: в начале XIX века, у берегов архипелага появились и французские корабли, посланные взять под контроль колонии, подчиняющиеся врагам Империи. Когда французский адмирал Люсьен Вилларе со своей немногочисленной армией высадился в Грасии, он

поразились гостеприимству встретивших его «врагов». Оказалось, грасийцы лишь понаслышке знали о европейских войнах и совершенно не интересовались политикой. Вилларе объявил им о том, что отныне все эти земли являются собственностью императора (к чему островитяне отнеслись с полнейшим равнодушием), и отправил один из кораблей доложить Бонапарту об успешности военного похода. Когда же корабль наконец вернулся, матросы привезли весть о том, что Империи больше нет, французская армия разгромлена, а сам Наполеон в ссылке. Адмирал Вилларе собрался было вернуться в Европу, но тут поймал себя на мысли, что совсем не хочет покидать островной рай, в котором он провел два счастливых беззаботных года. Тем более что правительства, которому он служил, уже не существовало и во Франции его могла ждать гильотина. Грасийцы же намекнули, что в архипелаге есть еще немало пустующих островов – хватит и французам. Кончилось тем, что Вилларе сложил с себя полномочия командующего и объявил своим подчиненным, что распускает армию. Корабли же он отдал желающим вернуться в Европу. Некоторые так и поступили. Впрочем, несколько кораблей вскоре снова появились у Грасии, и на берега архипелага сошли не пожелавшие жить в обновленной Франции матросы, а также их семьи. Среди них были жена и дети самого экс-адмирала Вилларе.

Это событие оказало огромное влияние на политическую жизнь Грасии. Вместе с французскими переселенцами на архипелаг прибыл один из бывших революционеров – бежавший из Европы масон Джозеф Бернар. Проникнутый идеями свободы, равенства и братства, Бернар мечтал выстроить, как он выражался, идеальное государство. Он созвал глав всех грасийских колоний на совет и заявил:

– Почему мы должны подчиняться монархам, которым на нас плевать? Пора провозгласить новое независимое государство – Грасия!

Это предложение было встречено с восторгом. Тут же общим собранием сформировали правительство, а Джозеф Бернар был единогласно избран первым президентом. В 1818 году новые правители архипелага составили Хартию независимости Грасии. Текст ее был разослан всем монархам – бывшим владельцам колоний. Некоторые из них, конечно же, попытались подавить бунт, однако прибывшие в Грасию немногочисленные войска обнаружили там укрепленные форты и армию объединенных бывших колонистов. В итоге Грасию оставили в покое – никто не хотел воевать за не приносящие никакого дохода клочки земли, да еще и в то время, когда европейские державы потрепаны недавней войной с Наполеоном.

В 1826 году в Грасии высадилась еще одна волна поселенцев – беженцы из Российской империи, бывшие повстанцы потерпевшего поражение так называемого восстания декабристов.

Ну а в середине XX века у грасийских берегов появились ялги...

Возвращение

Солнце скрылось за высотками Магнуса, когда вдали на востоке в сгущающихся сумерках среди искрящихся океанских волн показалась темная точка. Ее появление вызвало смутение среди людей, столпившихся на причале столичного порта Ориенс. Они с любопытством вытягивали шеи, мелькали вспышки фотоаппаратов, некоторые приподняли транспаранты с надписями «Добро пожаловать!», «С возвращением!». Устроившиеся удобнее всех на возвышениях, словно снайперы на позициях, операторы новостей включили камеры и направили в океанскую даль объективы. Вызвавший столь сильное оживление объект медленно приближался, вырастая из точки в небольшой катерок. Наперерез ему уже мчались два патрульных суденышка, сверкая сине-красными маячками.

– Катер с бортовым номером КМ-34, немедленно пристаньте к берегу! – пролаял громкоговоритель на одном из них. – В случае неподчинения по вам будет открыт огонь на поражение!

На причале народ оживился, люди удивленно переглядывались. Названный «каэмом тридцать четвертым» катер послушно пошел к полному зевак причалу. Вот уже стали различимы на носу белый флажок с красным крестиком, черные кляксы оплавленного металла на бортах, среди которых с трудом просматривался номер КМ-34, и пулевые отверстия на лобовом стекле рубки. Суденышко заметно «прихрамывало» на правый борт, и создавалось впечатление, что оно вот-вот затонет прямо на глазах восторженной публики. Когда его искореженный борт наконец ударился о причал, любопытная толпа подалась вперед, но ее тут же оттеснило оцепление из пары десятков вооруженных полицейских.

– Внимание! – гаркнул в громкоговоритель стоявший здесь же на пристани офицер службы госбезопасности и поднял руку.

Ему ответил хор щелчков затворов автоматов. Стволы полицейских, объективы репортеров, любопытные глаза зевак – все теперь нацелилось на дверцу рубки катерка.

Раздался скрип отпираемой задвижки. Дверца медленно откатилась в сторону. Из темного недра корабля вышла белокурая молодая женщина. К ее коленям, испуганно озираясь, прижималась темноволосая болезненного вида девочка лет десяти. Следом показались седобородый мужчина в форме флотского капитана и миловидная медсестра в перепачканном кровью белом халате. Их появление вызвало ропот толпы, фотовспышки засверкали с удвоенной частотой, полицейские настороженно приподняли автоматы.

– Ольга, можете ответить на пару вопросов?.. – затараторили наперебой репортеры, с трудом оттесняемые темно-синим строем полицейских. – Как вы прокомментируете сложившуюся ситуацию?.. Вы будете делать официальное заявление?..

Не произнося ни слова, белокурая женщина с девочкой сошли на причал и двинулись под гул толпы по живому коридору, в конце которого их поджидала патрульная машина. Полицейские с трудом оттесняли людей, чтобы расчистить им дорогу. Рука женщины время от времени нервно сжимала плечо дрожащей девочки, но взгляд ее был полон решимости. Навстречу ей выступил офицер госбезопасности.

– Ольга Гирина, – громко объявил он, – вы и ваша команда обвиняетесь в краже государственного имущества, сопротивлении силам правопорядка, убийстве граждан Объединенных островов Грасийского архипелага, незаконном пересечении государственной границы, а также в измене родине и сговоре с террористами! – И тихо, с усмешкой, добавил: – Не думали же вы, что все это сойдет вам с рук?

Женщина остановилась, обвела долгим взглядом окружавших ее и замерших в ожидании людей и произнесла, обращаясь большей частью к телекамерам, старающимся взять крупным планом ее лицо:

– Я признаю свою вину!

По толпе прокатился ропот.

– Да, признаю! – продолжала она. – Но я официально заявляю, что все совершенное сделано исключительно во имя милосердия!

20 дней до возвращения

Из динамика грянула торжественная музыка государственного гимна Грасии, и хор детских голосов пропел: «Островной наш рай! Наш лучший справедливый рай!» По экрану монитора ноутбука заскользила вереница сверкающих звезд и выстроилась, имитируя расположение крупнейших островов Грасийского архипелага. Снизу появился шпиль телебашни Ротондус и, подобно взлетающей ракете, пронзил это созвездие. По экрану заскользили слайды, стилизованные под вырванные страницы: идущие по улице улыбающиеся люди, город Магнус, снятый с высоты птичьего полета, танцующая молодежь на пляже, гигантский круизный лайнер у причала, группа военных катеров, несущаяся мимо боевых крейсеров. Наконец заставка пропала,

а вместо нее на экране возникла тоненькая девушка с каштановыми волосами, одетая в отливающее серебром платье.

– Доброго времени суток! На островах сейчас вечер, и с вами снова Лара Минина с выпуском новостей, – объявила она. – Сегодняшний день можно назвать одним из самых значимых для нашего архипелага, ведь прямо сейчас на столичном острове Магнус происходит открытие Центра Милосердия при правительстве нашей чудесной островной страны!

Лара исчезла с экрана. Вместо нее появился сияющий белизной просторный, ярко освещенный десятками ламп коридор. Изображение поплыло вперед, заглядывая по пути в распахнутые двери кабинетов, демонстрируя уставленные медицинским оборудованием помещения, ухоженные палаты с аккуратно застеленными кроватями и улыбающийся персонал в белых халатах. Камера завернула в очередной кабинет и остановилась на темноволосой девушке с золотистой эмблемой на халате, сидящей за стеклянным столом, заставленным медицинской всячиной. Рядом с ней появилась Лара Минина с микрофоном в руке.

– Поприветствуем Мишель Бернар, заведующую медицинским отделением нового Центра Милосердия! – воскликнула Лара. – Мишель, расскажите, пожалуйста, в двух словах о своей новой работе.

Репортерша протянула медичке микрофон.

– Наш Центр Милосердия создан, чтобы помогать всем нуждающимся, – поглядывая куда-то в сторону, неуверенно проговорила Мишель. – Он оснащен самым современным оборудованием и профессиональным персоналом и способен лечить практически любые заболевания. Мы готовы помочь каждому!

– Спасибо, Мишель. Мы же отправляемся дальше путешествовать по этому великолепному центру.

Изображение сменилось видом океана, сверкающего в лучах солнца.

– Расположен новый Центр Милосердия в здании, из которого открывается чудесный вид на побережье, – продолжала Лара. – Место это выбрано не случайно, так как наши спасатели еще и мобильны: у причала всегда готов к старту новенький, оснащенный по последнему слову техники катер, способный мгновенно домчать спасателей до любого острова архипелага.

Камера скользнула по серому корпусу небольшого суденышка, задержалась на красующейся на его носу золотистой эмблеме – силуэте человека со сложенными на груди руками и исходящими из-за его спины лучами – и взяла крупным планом мускулистого высокого парня в серой форме капитана. Рядом с ним тут же очутилась Лара.

– К службе готовы? – кокетливо подмигнула она парню.

– На «Стреле надежды» мы всегда готовы прорваться сквозь любые преграды! – белозубо улыбнувшись, гордо объявил тот и, указав на камеру пальцем, добавил: – Вы в беде? Значит, мы уже в пути!

– Именно такой девиз у капитана этого великолепного корабля! – торжественно заключила Лара.

Теперь ведущая оказалась в кабинете, сквозь огромное окно которого открывался все тот же вид на океан. Помимо нее там находились еще два человека: улыбающаяся полная черноволосая, смуглая дама, закутанная в длинный расшитый золотом плащ, и хмурая худощавая женщина в строгом сером костюме с собранными в пучок на затылке желтыми волосами.

– И, конечно же, этот щедрый дар – великолепный Центр Милосердия – мы с вами обрели с помощью самого духовного и светлого народа нашего архипелага – ялгов. – Лара плавным взмахом руки указала на женщину в золотистом плаще. – Именно ялги продолжают одаривать нас своим безграничным милосердием и любовью. Доан Ваалг, прокуратор ялгов и по совместительству советник дукса Грасийского архипелага по международным отношениям, пришла лично поздравить с назначением Ольгу Гирину, главу нового Центра Милосердия.

– Островитяне! – воскликнула прокуратор Ваалг, воздев руки к скрытым потолком небесам. – Когда-то наш народ испытал немало горя, и теперь мы прилагаем максимум усилий, чтобы подобная участь не затронула другие нации. Именно на этот путь наставляет нас учение Милосердного Яина. Мы хотим, чтобы люди жили, процветали и были абсолютно счастливы не только во всех концах нашей островной родины, но и во всем мире. И я торжественно вручаю этот ключ от дверей нового центра Ольге Гириной, призывая ее быть милосердной и не обходить никого своей заботой. Примите же и вы, жители свободного архипелага, наш безвозмездный дар!

Прокуратор Ваалг протянула женщине в сером костюме блестящий ключ и по-матерински поцеловала ее в лоб.

– Также, чтобы выразить благодарность ялгам за их щедрый дар и дать свое напутствие в этом благородном деле, открытие нового Центра Милосердия посетил представитель Организации Объединенных Наций... Джон Мак... – Лара быстро взглянула куда-то, видимо, сверяясь. – Джон Макгил! Прошу... Прошу!

В комнату, озадаченно озираясь, вошел человек в черном костюме. Появившаяся следом за ним Мишель коротко перевела ему с латыни слова репортерши и объяснила, чего от него хотят.

– О... Je félicite, – сконфуженно сказал тот. – Je souhaite la chance.

Присутствующие сделали вид, что поняли его слова. На самом деле поняла лишь Мишель, чьи предки были родом из Франции.

– Спасибо! Спасибо огромное за добрые слова. – Лара Минина натянуто улыбнулась. – А теперь попросим слово у главы нового Центра – самой Ольги Гириной.

Лицо женщины в сером костюме тут же стало пунцовым. Она сделала шаг вперед, провела ладонью по и без того безупречно уложенным волосам и, сбиваясь от волнения, произнесла:

– Я... Я не подведу вас! – Она прижала ключ к груди. – Обращайтесь в наш Центр. Мы рады помочь любому!

Комната исчезла с экрана. Теперь там возникла городская улица с движущимся потоком людей.

– Наш канал традиционно решил опросить островитян. Давайте узнаем, как они относятся к инициативе ялгов, – сообщил голос Лары из-за кадра.

– Что ж, отличная идея! – воскликнул в камеру какой-то прохожий. – Эти ялги просто молодцы! Все бы народы занимались благотворительностью так, как они, вместо того чтобы тратить бюджетные деньги куда не следует...

Изображение мужчины пропало.

– Не удивлена, что этот Центр открывают именно ялги, – отвечала остановленная женщина. – Должен же хоть один из народов архипелага думать о нуждах простых людей, а не только решать глобальные вопросы: армия, промышленность, экономика...

– Ялги, мы вас любим! – хором прокричали три молоденькие девочки и послали в камеру воздушные поцелуи.

Улица пропала с экрана.

– Напоминаем, уважаемые зрители, что вы также можете принять участие в опросе, проголосовав по телефону, указанному внизу экрана... Итак, взглянем на результаты опроса. – На экране возникли столбцы с цифрами: красный, серый и зеленый. – Девяносто семь процентов опрошенных считают открытие Центра Милосердия в столице огромным вкладом в развитие нашего островного государства и благодарны милосердным ялгам за их самоотверженный труд. Нам же остается лишь пожелать удачи новому Центру и его главе Ольге Гириной. А теперь переходим к другим новостям...

Лара Минина выключила ноутбук.

– По-моему, получилось неплохо! – самодовольно заключила она.

– А вам не кажется, что несколько... не то? – осторожно спросила Ольга.

Она до сих пор стояла, прижав ключ к груди, словно копируя герб Центра Милосердия, который с сегодняшнего дня возглавляла.

– Если кто-то может отснять лучше – вперед! Делайте «то»! – обиженно воскликнула Лара.

– Нет, сам-то ролик в порядке, – быстро поправилась Ольга. – И все же... Ведь в нем показали не наш Центр! Где, например, ты видела в нашем единственном кабинете «метр на метр» коридоры и палаты, да еще и такое дорогое оборудование? И персонала у нас нет! Кроме Мишель и капитана, конечно...

– Вы сами подумайте: открылся новый Центр! И не какой-нибудь, а при правительстве архипелага! Пра-ви-тель-ствен-ный!.. – возразила Лара. – Не могли же мы показать, что в нем всего один кабинет. Сразу теряется значимость события. Скажите спасибо, что Магнусовский медицинский центр разрешил съемку в своих палатах...

Позади раздался кроткий кашель. Все присутствующие, включая человека в черном костюме, названного представителем ООН, обернулись.

– Извините... – В дверях сконфуженно стоял парень в рабочем комбинезоне и мял в руках серую капитанскую форму – тот самый, что недавно на экране белозубо улыбался около катера. – Это кому сдать?

– Положите на кушетку, я потом отнесу капитану, – распорядилась Ольга и снова повернулась к Ларе. – Все равно я не понимаю, для чего вместо капитана Уилкса нужно было подставлять этого работягу из порта?

– Да потому что ваш капитан – старый хрыч на пенсии! Весь скрюченный и мрачный: такое никаким гримом и монтажом не замажешь. Зато посмотрите на этого красавца – настоящий герой! Один в один – морской волк, каких изображают в фильмах про пиратов. Хорошо, что хоть ваша Мишель симпатяжка... Кстати... – Она обернулась к Мишель. – Ваша фамилия...

– Да-да, я пра-пра-пра... в общем, много раз «пра» внучка того самого Джозефа Бернара – первого дукса Грасии, – отмахнулась медичка. Видимо, ей часто задавали этот вопрос.

– О, здорово! – воскликнула Лара. – Хотя, говорят, мой предок тоже какая-то знаменитость. Веке в пятнадцатом или шестнадцатом спасал русскую столицу от каких-то оккупантов...

– И катер, – возмущенно пресекла Ольга попытку сменить тему разговора. – «Готов к старту новенький, оснащенный по последнему слову техники...» Он ведь списан из-за старости у военных! Он, возможно, даже и в океан-то выйти не сможет... – Ольга замолчала, покосившись на прокуратора Ваалг. – Я, конечно, благодарна милосердным ялгам и за это... Но все равно – для чего было так приукрашивать? «Стрела надежды»... Сама придумала?

– Не-а. Его идея... – Лара кивнула на оператора. – Олаф у нас вообще молодец на выдумки. Правда здорово получилось?

Пакующий аппаратуру оператор гордо выпрямился. Но, встретившись с сердитым взглядом Ольги, снова уткнулся в свой саквояж. Ольга отвернулась.

– Еще раз говорю: людям нужна картинка! – вздохнув, сказала Лара. – Да им по большей части все равно, сколько у вас кабинетов, какие люди в них работают и на чем бороздят океаны. Их интересует сам факт – новость. А наша задача – журналистов – ее красиво подать!.. Как считаете, прокуратор?

Лара повернулась к даме в золотистом плаще.

– Согласна, конечно, что получилось несколько приукрашено... – медленно произнесла та. – Но в целом, по-моему, нормально.

Лара облегченно вздохнула и пожала плечами, мол, «слово прокуратора – закон, тут уж и я ничего не могу поделать!» Ольга продолжала хмуро смотреть в окно.

– Пойми, дитя... – Прокуратор Ваалг обняла ее за плечи. – Важно ведь не то, как именно увидят событие люди, а то, какие выводы они сделают. А задача журналиста – подать новость так, чтобы событие не прошло незамеченным. Ведь так?

Лара поспешно закивала.

– Зато сегодня вся страна узнает, что в столице открылся Центр Милосердия, – продолжала прокуратор Ваалг. – И люди поймут, что есть теперь место, куда можно обратиться со своими бедами. Разве не это главное, моя дорогая?

– Даже посредством обмана? – Ольга обернулась и взглянула на прокуратора глазами расстроенного ребенка.

– А мы никого не обманули, – воскликнула Лара. – Центр ведь действительно открылся! Просто немного приукрасили... В общем, я позвоню нашим и скажу, чтобы ставили ролик в эфир как есть. Ага?

Ольга не ответила, лишь снова отвернулась к окну. Не услышав возражений, Лара поспешно достала телефон. Она быстро набрала номер своей редакции, видимо, опасаясь, что прокуратор может передумать и внесет в ролик еще какие-нибудь коррективы.

– Том, ты? Приветик. Это Лара. Можешь запускать материал про Центр Милосердия. Прокуратор дала добро. Ок?

Лара убрала телефон с видом героя, уцелевшего после побоища. Это и неудивительно: ялги за каждый ролик об их персонах сражались яростнее самых привередливых рекламоделей. Потому новостные каналы предпочитали как можно быстрее угодить ялгам. Взять даже этот сюжет: Лара еще делала репортаж, а в студии уже монтировали получаемый частями материал. Если бы она не успела, как говорится, не отходя от кассы, утвердить ролик, то потом могла бы неделями добиваться аудиенции у прокуратора Ваалг и раза три-четыре перемонтировать материал (если и вовсе не переснимать). Но все обошлось – новость уже в эфире.

– Ну ладно, мне пора. Дела! До свидания, дитя. – Прокуратор Ваалг снова поцеловала Ольгу в лоб. – Удачи в твоём благородном деле. Всегда буду рада принять по любому вопросу. Без стеснения обращайся. Будь милосердна и следуй путем Яина!

Прокуратор, приподняв подол своего длинного сверкающего плаща, направилась к выходу. Следом за ней поплелся человек в черном костюме. Мишель вышла их проводить.

– Я слышала, что это никакой не представитель ООН, а всего лишь какой-то их мелкий служащий, приехавший к нам на архипелаг с семьёй отдохнуть по турпутевке, – шепнула Лара Ольге, скорее, чтобы разрядить возникшее между ними напряжение. – Прокуратор уговорила его поприсутствовать, чтобы добавить значимости событию.

Едва за окном мелькнул отплывший золотистый катер прокуратора, на лице у Лары засияла озорная улыбка:

– Ну, брось, Оль... Подумаешь, какой-то репортаж... Мы ж с тобой столько лет не виделись!

Ольга все же оторвала взгляд от окна и взглянула на Лару.

– Я тоже очень рада. – Она попыталась улыбнуться.

– Девчонки, да вы, я вижу, знакомы? – удивился оператор.

– Со школьной скамьи, если не с пеленок! – воскликнула Лара.

– Да уж, столько лет прошло...

– Ты, я смотрю, как и в детстве, все «помогаешь и спасаешь»? – Лара возвела глаза к небесам.

– А ты, как и мечтала, «несешь людям правду», – вздохнула Ольга.

Вдруг совсем рядом раздался оглушительный грохот. Комната вздрогнула, задрожали стекла в окнах.

– Ой, что это? – Лара испуганно завертела головой.

– А ты не заметила? Наше здание находится у самого Онуса – грузового порта, потому, бывает, немного потряхивает, когда идет погрузка.

– И это, по-твоему, немного? – возмутилась Лара. – Эти ялги, что, не могли помещение поближе к центру города подобрать? Это ведь правительственное учреждение!

– «Место это выбрано не случайно, так как наши спасатели еще и мобильны...» – процитировала Ольга.

– Ну, Оленька, – прохныкала Лара, – ну не сердись. У каждого ведь своя специфика работы. Я ведь не учу тебя спасать людей. Просто нас так заставляют подавать материал. Что тут поделывать?.. Ну как, мир?

– Мир!

Ольга наконец смягчилась, и они обнялись.

– Ну, я готов, – сообщил оператор, забросив на плечо свой саквояж и взяв под мышку штативы. – Лара, ты как?

– Погоди... Слушай, Оль, я сейчас тороплюсь – еще один репортаж нужно сделать. – Взгляд Лары скользнул по настенным часам. – Давай сегодня попозже встретимся, например, на аллее Опус. Там около фонтана есть замечательная забегаловка. Посидим, поболтаем, вспомним прошлое... Около девяти. Идет?

– Конечно. – Ольга улыбнулась и добавила: – Лара, я, честно, очень рада тебя видеть. Вот только такую «правду» обо мне, пожалуйста, больше не неси.

Оставшись одна, Ольга позволила себе наконец расслабиться. Иногда за окошком раздавался грохот, когда портовые краны опускали очередной контейнер, отчего казалось, будто ветхое здание, в котором расположился Центр Милосердия, вот-вот рухнет. И все-таки Ольгу переполняла радость. «Неужели это мое?» – все еще не веря счастью, оглядывала она свой крохотный кабинет. Она осторожно прошла по блестящему полу, коснулась недавно перекрашенных стен. Ее мечта сбылась! «Если я раньше помогала людям, работая в самых отдаленных местах архипелага, так что же смогу теперь, находясь в самом его сердце!» – с мечтательной улыбкой думала она.

Ольга остановилась у окна и посмотрела вдаль на пылающий закатом горизонт. Солнечный диск уже коснулся верхушек столичных зданий и продолжал медленно опускаться. Справа же простирался океан настоящий – величественный, необъятный, полыхающий алыми волнами, а вдали, словно корабль-призрак, проступали туманные очертания острова Беннетт.

– Вид тут действительно великолепный, – с восхищением сказала Ольга. – Хоть в этом журналюги не обманули.

Она перешла к другому окну, за которым вдали виднелся похожий на средневековый замок Палатиум – главное правительственное здание Грасии. Выстроенный на скале, он был виден с любой точки города. А где-то там, у его подножия находится Империиум ялгов со статуей Милосердного Яина на крыше. И Ольгу в очередной раз охватил трепет благодарности и нежности к этому великому народу.

– На почту пришло новое сообщение, – раздался голос в прикрепленной к Ольгиному уху гарнитурке.

– Спасибо, Хела.

Ольга подбежала к столу с компьютером, дернула мышку. Экран засветился. Почтовый ящик показывал в папке «Входящее» десять новых писем. Какое-то время Ольга восторженно смотрела на эту ничтожно малую цифру: всего десяток посланий от совершенно незнакомых ей людей, но тех, кому, возможно, нужна ее помощь! Наконец она отважилась и ткнула стрелочкой в первое попавшееся письмо. Писал мужчина:

«Здравствуйте. Центр Милосердия? Меня зовут Жан Рибо. По телевизору сказали, что вы помогаете в решении проблем? Так вот, у меня проблемы! На днях меня незаконно уволили

с должности заведующего отделом нашего комбината и поставили этого выскочку Лоринца. Это что за самоуправство? Я пять лет отдал этому предприятию, а теперь меня снимают лишь потому, что директору нужно приткнуть своего зятя? Они думают, что на них управы нет?.. Я требую, чтобы вы немедленно приняли меры! Это что за бюрократия? Вы там сидите в своих конторах, штаны протираете, а мы, простые труженики...»

И дальше все в том же духе. Окончил мужчина на такой ноте, словно именно она, Ольга, виновата в том, что его незаконно сняли с должности. Ольга посидела какое-то время, соображая, чем же она может помочь. Потом собралась с духом, нажала «Ответить», и ее пальцы застучали по клавиатуре:

«Уважаемый Жан Рибо! Спасибо, что обратились в наш Центр Милосердия за помощью. Но дело в том, что решение вопросов трудоустройства не в нашей компетенции. Я обещаю, что перешлю Ваше письмо в Министерство социальной защиты населения, и искренне надеюсь, что Вам там помогут. С уважением, глава Центра Милосердия при правительстве Грасии Ольга Гирина».

В следующем письме какая-то женщина просила помочь устроить внука в консерваторию. Она утверждала, что «преподаватель – остолоп», говорит, что у мальчика нет слуха, и не хочет его брать. А ребенок просто гениален! Заслушиваются его пением всей семьей! К письму прилагалась ссылка выложенного на «ютубе» видео. Когда перед Ольгой появился пухлый мальчуган в белой рубашке с черным бантом и начал что-то фальшиво горланить, она переключилась на следующее письмо.

«...Мне необходимо льготное лечение в санатории первого класса, а мне от предприятия дали путевку во второй! Но я-то знаю, что с моими заслугами положен первый!..»

Следующее:

«...Целый месяц ходила к стоматологу, а доктор забыл отремонтировать один зуб! Теперь же мне говорят, что я должна заново становиться в очередь! Где справедливость?..»

Ольга отбросила мышку и обхватила голову руками. «Такого просто быть не может! – разочарованно подумала она. – Это и есть беды, которые беспокоят жителей архипелага?» Она с тоской посмотрела на догорающий за окном закат, впервые осознав, какая именно работа ее теперь ждет.

– Что-то случилось, Ольга Николаевна?

Ольга вздрогнула, выпрямилась, мельком взглянув на стоящую в дверях похожую на фотомодель медсестру. Медицинский халатик сидел на ней так, словно она вышла на подиум в новом наряде от известного кутюрье.

– Все в порядке, Мишель. Я просто просматривала свежую почту.

– Ого! По телевизору только показали сюжет, а уже есть отклики? Поздравляю!

– Да пока не с чем, – грустно ответила Ольга. – Ни одного письма по нашей части. Никто не заболел, не пострадал от пожара или наводнения, не попал в аварию...

– Так разве это плохо? – удивилась Мишель. – Ольга Николаевна, просто взгляните на это с другой стороны. Раз люди не нуждаются в нашей помощи, значит, у них все хорошо. А разве не к этому мы стремимся?

Ольга задумалась.

– Просто я с детства мечтала о работе в такой службе. Представляла, как буду спешить на помощь людям во все концы архипелага: экстренно доставлять пострадавших в больницы, карабкаться на скалы, чтобы спасти попавших в беду туристов, разгрести завалы после землетрясений... А теперь, когда я добилась всего этого – создала такую службу, оказывается, что спешить-то и не к кому. Но, пожалуй, ты права. Нельзя быть такой эгоисткой. Ведь если я буду искренне желать, чтобы у меня появилась работа, я, по сути, буду хотеть того, чтобы у кого-то случилась беда. Но наше-то призвание – помогать людям! Такой вот парадокс.

– Не переживайте, будет и у нас работа. Мы ведь только открылись. У людей всегда что-нибудь плохое случается, желаете вы этого или нет. – Мишель вынула из кармана зеркальце и поправила свою модную прическу. – Ну а сейчас наш рабочий день окончен, тогда как в ночных клубах он только начинается... Вы как, идете?

– Нет. Побуду еще.

– Ну, тогда до завтра.

Медсестра грациозно зашагала к выходу.

– Мишель!

Та оглянулась:

– Да, Ольга Николаевна?

– Называй меня лучше Олей. А то чувствую себя как-то неловко. Я ведь хоть и начальница, но почти твоя ровесница.

Мишель с сомнением окинула ее взглядом. Ольга смутилась, вспомнив, что сестра не раз ей говорила, что ее чрезмерная серьезность и манера одеваться накидывают ей лет десять, не меньше.

– Хорошо, Ольга Ник... То есть Оля... – Мишель улыбнулась. – Пока!

Когда за медсестрой захлопнулась дверь, Ольга снова повернулась к экрану. Она терпеливо ответила на все письма и хотела уже выключить компьютер, как вдруг раздалось уведомление еще об одном письме. Подумав, Ольга снова опустилась на стул. К ее удивлению, сообщение оказалось пустым. Она уже собралась закрыть почту, но заметила, что к письму прикреплен файл – видеоролик. Ольга сохранила его на рабочий стол и запустила. На экране возникло изображение темноволосой девочки – на вид лет десяти. Ольга сразу отметила ее болезненный вид. Девочка молча смотрела вниз и прижимала к груди грязную обтянутую коричневой кожей коробочку. «Ну, можешь говорить», – подсказал ей мужской голос откуда-то со стороны. Девочка подняла глаза, в них было столько печали, что сердце Ольги сжалось.

«Здравствуйте, – сказала девочка так тихо, что Ольге пришлось прибавить громкость и придвинуться поближе к динамику. – Меня зовут Луиза, я с острова Эмери. Я сильно заболела, у меня туберкулез. Врачи говорят, что жить мне осталось недолго. Мне сказали, что вы можете мне помочь...»

Девочка запнулась. Ее лицо исказила боль. Видимо, ей было трудно говорить.

«Пожалуйста, приезжайте, – с трудом продолжала она. – Я живу в городе Нумеросо. Я обязательно вас дождусь. Я так хочу жить и тоже научиться помогать всем людям...»

Изображение дрогнуло и пропало.

Какое-то время шокированная Ольга смотрела на пустой экран.

– Надо же, – произнесла она вслух, – я думала, что в нашей стране давно лечат такие болезни...

При этом в голосе ее невольно мелькнула не столько жалость, сколько радость: вот оно – настоящее дело, которого ты так ждала! Как только Ольга поняла это, она тут же устыдилась и мысленно отругала себя: «Ты еще чужим бедам не радовалась!..»

Ольга вернулась к письму и быстро написала ответ, заверив девочку, что завтра же к ней придут спасатели. Но когда она нажала «Отправить», к ее удивлению, выскочило сообщение, что такого адреса не существует.

– Что значит не существует? Но откуда-то это письмо пришло!.. Хела, который час? – пробормотала Ольга.

– До встречи с Ларой Мининой осталось тридцать две минуты, – отозвался в ухе «внутренний голос». – Примерное время пути отсюда до аллеи Опус – двадцать минут. С учетом пробок.

– Я всего лишь спросила время! – возмутилась Ольга.

– Но наверняка думала именно об этом.

– Ты еще мысли мои читать будешь?

– К сожалению, у меня нет такой опции. Но догадаться о твоих намерениях несложно, достаточно элементарной логики, которая у меня, к счастью, есть! – ответил «внутренний голос» и обиженно добавил: – Если не нравится, смотри время на часах!

Ольга махнула рукой: сейчас есть дела поважнее, чем спорить с компьютером.

– Так, Эмери... Эмери... – повторила она. – Что за остров такой? Может, не из нашего архипелага?

Но почему-то это название ей показалось очень знакомым. Причем вызывало какие-то неприятные ассоциации.

– Что у нас есть об этом острове? – спросила она.

Тишина.

– Эй, Хела! – Ольга постучала ногтем по гаджету у виска. – Спишь, что ли?

– А, так это был вопрос мне? – прозвучало в ухе. – Я уж не стала вступать. А то опять скажешь, что я проявляю ненужную инициативу против твоих желаний...

– Ну, Хелочка... Ты что, обиделась? Прости!

– В интернете на запрос «Грасийский архипелаг, остров Эмери» найдено более двадцати тысяч ссылок, – недовольно отозвался «голос».

– Выведи, пожалуйста, на монитор самые свежие.

На экране появилась вереница синих ссылок. Ольга принялась раскрывать одну за другой и поразились: «Проблемы регио Эмери», «Решение эмерийского конфликта», «Эмерийские пираты», «У острова Эмери атаковано торговое судно»... Ольга пробежала глазами пару десятков ссылок, и все они оказались подобного содержания.

– Странно! – озадаченно воскликнула она. – Разве у нас на архипелаге такое может быть?

– Если это вопрос, прошу сформулировать его более конкретно, – тут же отозвался «внутренний голос». Все еще обижается!

– Нет-нет, Хела. Это я так... сама с собой.

Ольга вышла на один из сайтов по истории страны. Там говорилось, что последние масштабные боевые действия на архипелаге – во время вторжения аарцев – закончились 65 лет назад. При этом страничка о войне была обильно снабжена фотографиями детей с распухшими от голода животами, напоминающих живые скелеты людей, и изуродованных трупов. Ольга с отвращением закрыла сайт. Ее вообще мало интересовало все, что касалось войн и разрушений.

О современных боевых действиях на архипелаге информации почти не было. Упоминались лишь небольшие стычки военных патрулей с пиратскими кораблями – грабителями, браконьерами и контрабандистами.

Ольга снова запустила видеопослание от девочки Луизы и принялась прослушивать ролик фраза за фразой.

«...Пожалуйста, приезжайте, – говорила девочка. – Я живу в городе Нумеросо. Я обязательно дождусь...»

– Стоп! Нумеросо! Хела, есть что-нибудь по нему?

– В интернете о таком городе информация не обнаружена.

Ольга озадаченно намотала на палец выпавшую из прически прядь волос. Тут взгляд ее упал на часы. До встречи с Ларой осталось меньше десяти минут! Ольга еще раз вскользь просмотрела ссылки по Эмери, не заметила ничего нового и, вздохнув, выключила компьютер.

Когда Ольга припарковала свой катерок у аллеи Опус, уже стемнело, по всему Магнусу зажгли фонари. Она быстро пошла по центральной дорожке к видневшемуся вдали подсвеченному фонтану мимо сотен памятников, символизирующих различные профессии. В полумраке проплывали бронзовые фигуры: пилот, выглядывающий из кабины самолета, матрос в лодке, биолог с микроскопом, программист за металлическим столом перед таким же металлическим

монитором и многие-многие другие персонажи, выхваченные из трудовых будней архипелага. Но любимая статуя Ольги находилась в самом конце аллеи, у фонтана – бронзовая девушка в комбинезоне спасателя со сложенными на груди руками, отчего похожая на образ Милосердного Яина. Под ее ногами на постаменте выгравирована короткая фраза: «Помогать и спасать!» Впервые Ольга увидела эту скульптуру еще в детстве, когда отец решил показать ей столицу. Она прохаживалась по аллее, рассматривая фигурки, и вдруг замерла, раскрыв рот.

– Леля, чего ты? – дернул ее за руку отец. – Пойдем дальше.

Но она продолжала стоять, с благоговением разглядывая бронзовую деву.

– Папуля, а это кто? – прошептала она.

– Спасатель. Они помогают и людям, и зверушкам.

– Когда-нибудь я тоже стану спасателем! – серьезно заявила маленькая Оля, тем самым предопределив свою судьбу.

Она и сейчас остановилась перед этим символом милосердия и взглянула на него все с тем же благоговейным трепетом.

– Оля!

Она вздрогнула и посмотрела по сторонам.

– Эй, я тут!

Ольга обошла статую спасателя, минула металлического солдата с автоматом в руках и надписью «Служить и защищать!» и увидела Лару. Ну конечно! Где же ей еще быть!.. Лара стояла у подножия скульптуры парня и девушки: первый – с камерой на плече, вторая – с микрофоном в руке. Свободной рукой девушка указывала вдаль. Оператор и репортер.

Лара оказалась не одна, а в компании симпатичного темноволосого мужчины, на вид лет тридцати, в форме флотского офицера без нашивок. Ольга сначала решила, что они вместе, но ошиблась – Лара пошла ей навстречу, равнодушно бросив своего кавалера.

– А это кто? – спросила Ольга, кивнув на офицера, который не спускал с Лары глаз.

– Да так, очередной выскочка из тех, что цепляются на улице, думая, что неотразимы.

Лара повернулась и по-детски показала ему язык. Офицер театрально поклонился и ответил улыбкой. Лара тут же отвернулась.

Какое-то время давние подруги с интересом рассматривали друг друга, словно сравнивая сохранившийся в детских воспоминаниях образ с оригиналом. Ольга отметила чересчур молодежный стиль одежды Лары: темные обтягивающие джинсы сплошь покрыты дырами, на белой футболке красуется рисованный пират из какого-то мультфильма, на руках – бисерные феньки, на шее – наушники. Даже торчащие из-под кепки с Микки Маусом на козырьке каштановые волосы хоть и были стрижены по моде, но в стиле какого-то художественного беспорядка. Этакая пацанка-хулиганка. Так могла выглядеть девочка-подросток, а вовсе не молодая женщина – сотрудница ведущего канала страны. И все же, несмотря на беспечно-прогулочный стиль, все сидело на Ларе очень гармонично и подчеркивало ее миниатюрную стройную фигурку, а главное – ее вечно неунывающий характер. Именно такой Ольга и запомнила подругу с детства.

– А я так и не научилась одеваться стильно, – без особого сожаления сказала Ольга, подумав о своем строгом сером костюме.

– Тоже мне, удивила, – улыбнулась Лара. – Ты и в детстве могла по три года один свитер таскать.

– И что с того? Зачем покупать новый, если старый еще в самый раз? – возразила Ольга. – В одежде главное – удобство и практичность!

– Вот-вот, именно поэтому тот пижон липнет ко мне, а не к тебе, – хмыкнула Лара.

Ольга заметила, что мужчина в офицерской форме действительно направляется к ним. На мордашке Лары возникло: «Теперь точно не отвяжется...»

– Я вас вспомнил! – несколько громче, чем следовало, объявил тот. Ольга обратила внимание на хмельную веселость в его голосе. – Вы журналистка! Я вас видел сегодня по телеку!

– Да-да, «несем людям правду», – съязвила Лара, процитировав фразу с памятника репортера-оператора.

– Подружка ваша тоже из этих? – Хмельной офицер кивнул на памятник и смерил Ольгу таким взглядом, что та покраснела.

– Нет, моя подружка не из «этих»... А из тех, кто помогает людям. Но не таким, как вы!

– Чем же я хуже?

– Вы не хуже. Вы просто безнадежны!

– А я-то думал, что спасатели должны помогать всем без исключения. Ну да ладно, не очень-то и хотелось... – Офицер сделал вид, будто обиделся. – Кстати, меня Нико зовут. Николас Дуарте. И я, между прочим, был помощником капитана крейсера! – Он снова театрально поклонился, при этом едва не упал – он оказался пьянее, чем выглядел. – Правда, я теперь в резерве...

– Вот когда станете самим капитаном, тогда, может, и поговорим, – с кокетливой грубостью ответила Лара. – А сейчас до свидания! У нас с подружкой другие планы на вечер.

Но офицер не шелохнулся. Он продолжал пожирать Лару хмельными глазами.

– Кстати, вы верите в любовь с первого взгляда? – невозмутимо спросил он.

– Я журналистка, так что давно ни во что не верю, – усмехнулась Лара. – Эх, ну, что мне с вами делать?

– Думаю, самое верное – сказать «да»!

– Ого! Вы что, уже сделали мне предложение?

– Делаю прямо сейчас!

– И откуда вы такие беретесь на мою голову? – посетовала Лара, при этом так сверкнув глазищами, что Ольге сразу стало понятно «откуда».

Пьяный помощник капитана все же отстал, предварительно выторговав у Лары номер телефона. А спустя минуту после его ухода у нее зазвонил мобильник. Лара вынула из кармана миниатюрный дорогой телефон и, едва приложив его к уху, закатила глаза.

– Привет, красотка! – раздался из динамика хмельной голос Николаса Дуарте. – Рад тебя снова слышать!

– Достанет же теперь!.. – хмыкнула Лара, отключившись. – Тоже мне, помощник капитана... Да у него на морде написано, что он закладывает по-черному! Небось, алкаш какой-нибудь. Ладно, ну его...

Но Ольга заметила, что номер подруга все-таки сохранила.

– Кстати, о капитанах... – Ольга многозначительно улыбнулась. – Я помню, ты в детстве все мечтала выйти замуж за какого-нибудь капитана. Говорила, что и за тобой когда-нибудь приплывут под алыми парусами...

– Ага, а ты вообще заявляла, что никогда не выйдешь замуж! Ну и что, ты замужем?

– Нет. Все как-то не до этого... – смутилась Ольга. – А ты?

– И я нет! – Лара расхохоталась. – Видать, не нашла еще своего капитана.

Они медленно пошли мимо фонтана. Ольга оглянулась, чтобы еще разок взглянуть на любимую статую спасателя. И вдруг ее поразило странное открытие: она не замечала раньше, что статуи солдата, спасателя и репортера-оператора стоят совсем рядом. При этом ей показалось, что автомат солдата нацелен на спасателя, а камера оператора смотрит в их сторону, будто он снимает о них сюжет.

– Как забавно, – высказала она вслух свое открытие. – Казалось бы, три такие совершенно несовместимые профессии... Интересно, их специально так поставили?

– Кто знает? Вот буду брать интервью у скульптора, обязательно спрошу, – хихикнула Лара и тут же воскликнула: – Кстати, вот кафе, о котором я говорила. Зайдем, посидим? Есть время? Мы ведь столько лет не виделись. Думаю, у нас есть что вспомнить. Ведь я даже не знаю, как ты жила все эти годы, чем занималась.

– Чем-чем... Ты же сама видишь чем – «помогала и спасала». Сначала закончила двухгодичные курсы спасателей при Грасийской медакадемии на острове Хелс. Какое-то время поработала в приемном покое центральной больницы у нас на Елтине, также помогала в хирургическом отделении при операциях... Да, да, не смотри на меня так. Я работала в больнице!.. Затем состояла в различных организациях по охране природы и борьбе за мир. Кое-какие даже возглавляла. Пришлось заочно пройти обучение на факультете Управления в гуманитарном университете на Книжном. Помнишь, мы как-то встретились там, когда я приезжала на сессию? Параллельно несколько лет занималась волонтерской работой в обителях Милосердного Яина на различных островах архипелага.

– Но тебе и этого показалось мало, и тогда ты через ялгов добилась открытия Центра Милосердия при самом правительстве, – закончила за нее Лара. – Да, все это в духе нашей неутомимой всемилосердной Оли.

Они прошли под сияющей неоновой вывеской «Остров пиратов» и вошли в кафе. Оно было стилизовано под времена корсаров: грубые деревянные столы и стулья, старинные сабли и пистолеты на стенах и восковые фигуры лохматых и пестро разодетых пиратов и пираток. Тихая музыка, мало посетителей. Подруги сели за самый дальний столик.

– Люблю это место, – сказала Лара. – Иногда захожу сюда, когда охота побыть одной, отдохнуть от рабочей суеты. Спокойно, да и от инфоцентра «Ротондус» недалеко.

– Ты все мечтала с детства «нести людям правду». Ну и как твои успехи в поисках истины?

– Как-как... Окончив школу, я поступила в гуманитарный универ на упомянутом тобой острове Книжном, на журфак. Потом отправилась покорять столицу. Мечтала стать известной журналисткой. Как видишь, стала. Устроилась на самый престижный правительственный канал – «Первый грасийский», добилась даже неплохой должности – ведущего новостей. Между прочим, далеко не каждому так везет! – Лара с гордостью вскинула подбородок. – В общем, жизнь удалась!

Вдруг она повернулась к замершей в ожидании официантке в старинном наряде:

– Чего уставилась? – И скорчила озорную рожицу.

– Вы симпатичная девушка, и подобные гримасы вам совершенно не к лицу, – мягко ответила официантка.

Лара тут же залилась краской:

– Ой, извините! Я думала, что вы манекен...

– То-то мой муж уже два года меня не замечает. Быть может, он тоже так думает? – улыбнувшись, ответила официантка. – Что будете заказывать?

– Пожалуйста, два кофе без сахара, – сказала Ольга.

– О, нет! Мне лучше мартини, – вставила Лара и прыснула в ладошку, когда официантка пошла выполнять заказ. – Ой! Сейчас делают такие манекены, что уже не отличишь от человека...

– Ты, я смотрю, какая была, такая и осталась – вечное дитя, – заметила Ольга.

– Да и ты тоже несколько не изменилась. Вся такая строгая и серьезная. Недаром тебя еще в школе дразнили «девочка-киборг»...

– Что, правда? Меня так называли?

– Ну... некоторые... – Лара прикусила язык.

– Действительно? Киборг? – Ольга улыбнулась. – А я и не знала.

– Чему ты удивляешься? – хмыкнула Лара. – Мало того что замкнутая и высокомерная, так еще и вечно эта штука около уха: ни дать ни взять терминатор. Кстати, она до сих пор работает?

– Работает. – Ольга машинально коснулась прикрепленной у правого виска маленькой камеры с динамиком, словно проверяя, на месте ли.

– Значит, все, что ты видишь, до сих пор записывается? Даже наш разговор?

Ольга нехотя кивнула.

– Твой папаша – просто гений, если смог смастерить такое.

– По-моему, ничего особенного, – пожалала плечами Ольга. – Сейчас почти все водители ставят видеорегистраторы, которые записывают все, что происходит в пути, на случай аварий.

– Да, но водилы же не болтают со своими видеорегистраторами. Если они не шизофреники, конечно, – хихикнула Лара. – Как там ты называла свою виртуальную подружку? Что-то вроде Хины...

– Ее зовут Хела.

– Да, точно! Хела! Так вроде звучит Ольга на ялгский манер. Кстати, почему именно «ее»? Это ведь всего лишь гаджет и компьютерная программа.

– Так мне приятнее с ней общаться.

– И все же с таким же успехом ты могла называть это «он», «оно» или «ничто».

– Хела – не ничто! – сердито отрезала Ольга. И, вспомнив недавнюю ссору с «внутренним голосом», добавила: – Кстати, она тебя слышит и может обидеться.

– Ты так говоришь об этой программе, словно она личность.

– Для меня – именно так!

– Но ведь все ее ответы – лишь набор речевых оборотов, которые она автоматически вставляет в зависимости от ситуаций. Вот спроси ее: «Сколько времени?» Разве сможет она ответить, например, «Конфета»? Нет! Потому что твой папаша-программист прописал в логической цепочке действие: заглянуть в интернет, узнать, который час, и воспроизвести аудио-файл: «Столько-то, Ольга». Так что, как ни крути, ты разговариваешь с программой, а значит – не с личностью!

– У нее есть эмоции!

– Также прописанные программистом.

– Ответы большинства людей тоже всего лишь машинальные реакции в зависимости от ситуаций, – парировала Ольга. – Спроси у любого: «Который час?» – и он тоже ответит вовсе не «конфета», а посмотрит на часы и скажет время. А Расскажи ему смешной анекдот – рассмеется, а не заплачет. Так что мы тоже по-своему роботы. Зато попробуй сказать этим людям, что они – не личности... Чем, по-твоему, они отличаются от Хелы?

– Сказала б я тебе – чем... – Лара при этих словах покосилась на парня, сидящего за барной стойкой, который все поглядывал в их сторону. И прибавила: – Эх, мужика бы тебе, тогда бы поменьше заводила воображаемых друзей...

– А если ты продолжишь в таком же тоне говорить о моей давней подруге, мы обе обидимся и уйдем! – рассердилась Ольга.

– Так, спокойно, – тут же вскочила Лара. – Я вовсе не хотела обидеть ни тебя, ни твою... хм... давнюю подругу. Кстати, о давности. У тебя эта штука уже... Сколько тебе было, когда отец ее подарил?

– Шестнадцать. В 2000-м, десять лет назад. С той поры, конечно же, отец кое-что усовершенствовал...

– О, так ты можешь увидеть день собственного шестнадцатилетия!

– Могу. Если будет под рукой компьютер с интернетом. Изображение жметя в какой-то суперлегкий формат и сохраняется на сервере. Честно сказать, я в этом мало что понимаю. Знаю лишь, что все произошедшее за эти годы записано и где-то хранится.

– Круто! Эх, твой шестнадцатый день рождения!.. – мечтательно воскликнула Лара. – Помнишь, как я тогда с тем симпатичным парнем устроила...

– Только не проси меня это показывать. Терпеть не могу, когда кто-то, кроме меня и Хелы, копается в моих воспоминаниях, – смущенно отрезала Ольга.

Они с Ларой проболтали почти до ночи, вспоминая прошлое, рассказывая о настоящем и делясь планами на будущее. Несколько раз «внутренний голос» пытался вклиниться в разговор и напомнить Ольге про какую-то важную встречу, но та отмахнулась:

– Хела, не будь занудой. Могу же я хотя бы раз в жизни позволить себе не думать о делах?

Ольга игнорировала «голос» до тех пор, пока их беседу с Ларой не прервало дребезжание в сумочке. Она вынула телефон.

– Ого! – поразилась Лара. – Ты на каких раскопках вырыла эту допотопную трубу?

– Телефон – средство связи, а не роскоши, – гордо ответила Ольга и, увидев номер сестры Даши, сразу же вспомнила, чему планировала посвятить сегодняшний вечер. Так вот о чем пыталась напомнить Хела!

Ольга собралась с духом и нажала на телефоне кнопку:

– Слушаю.

– Ой, у тебя что, даже аватарки на страничке нет! – вместо «здрасьте» раздался из трубки полный ужаса возглас Даши. – Я зашла уточнить твой номер телефона к тебе на страничку в фейсбуке, а там такое!..

– Что такое аватарка? – удивилась Ольга.

– О горе на мою голову! – прохныкала Даша. – Сестра, не позорь меня! Аватарка – это такая картинка на страничке. Твой портрет или какая-нибудь ерунда.

– Зачем мне на страничке ерунда? – ответила Ольга, при этом покраснев, словно она сама выглядела ужасно, а не какая-то там страничка в интернете. – Вообще-то у меня в жизни есть дела куда важнее, чем заботиться о каких-то картинках.

– Как же ты отстала от жизни, сестренка! Да порой то, какие у тебя аватарки, гораздо важнее того, как ты выглядишь на самом деле! – продолжила негодовать Даша, видимо, уже позабыв, зачем вообще позвонила. – Посуди сама: я, например, провожу в интернете большую часть дня. Так что люди все это время видят вовсе не меня – а что? Правильно, мою аватарку!

Ольга наконец вспомнила, где и когда уже слышала это слово. Как-то она приезжала домой в отпуск и видела, как ее сестренка фотографировалась для интернет-странички. Пригласила какого-то приятеля – профессионального фотографа, полдня наряжалась, тщательнее, чем перед походом в ночной клуб: прическа, макияж – все по высшему разряду. Потом фотограф перенес пытку, делая десятки снимков Даши в разных позах, изображающей то порочную невинность, то невинный порок. Потом сестра неделю мучила родственников, интересуясь, какое фото выбрать, и если их мнение не совпадало с ее собственным, сильно обижалась. Наконец образ был выбран, и весь следующий месяц Даша получала лайки и восторженные комментарии друзей о том, какая она сногшибательная «на аве». При этом, читая эти отзывы, сама Даша могла сидеть за компьютером заспанная, ненакрашенная, растрепанная и одетая как попало. Но ведь ее в этот момент никто не видит! Все смотрят на ее аватарку!.. А спустя месяц лайки и восторги прекратились. Даша поняла, что это знак – пора обновлять страничку! И все началось по-новому...

– Я живу в реальном мире, а не виртуальном, – ответила Ольга. – Мне гораздо важнее, как я выгляжу на самом деле.

– Ты просто, сестренка, мало бываешь в современном обществе, – поучительно возразила Даша. – Вечно пропадаешь на каких-то закоулках страны, жизни не знаешь. В наши дни виртуальный мир реальнее реального. Да сейчас люди больше проводят времени на чатах и форумах, чем на пляжах и тусовках. Некоторые вообще неделями не выходят из дому – сидят в интернете!..

– Ты мне за этим и позвонила? Спросить, почему у меня нет какой-то там картинки? – прервала ее Ольга.

– Ах да, я чего звоню-то... – тут же спохватилась сестра. – Надеюсь, ты не забыла, что мы этим вечером собирались сходить на открытие Центра ялгской культуры и заодно отметить твое назначение? Мы уже готовы, а тебя все нет! Ты где?

Ольга уже поняла свой прокол и теперь лишь с отчаянием вздохнула. От сестры не ускользнула ее реакция.

– Оля, а ты где сейчас? – повторила Даша. – Там музыка... Ты что, в баре? Ты?!.. В баре?!..

– У меня сейчас важная встреча... Прости, я совершенно забыла о нашем походе.

– Ее три года не понять где носило по архипелагу, а теперь она даже получаса не может родным уделить! – раздался голос отца из телефона.

– Отец говорит... – начала Даша.

– Можешь не повторять. Я все слышала.

Ольга виновато взглянула на Лару. Та пожала плечами, мол, я все прекрасно понимаю.

– Хорошо. Буду через час. – Ольга отключилась.

– Мы же теперь обе работаем в столице, – сказала Лара. – Так что, я думаю, у нас еще будет много времени пообщаться.

По пути к парковочному причалу Ольга вдруг вспомнила про письмо от девочки Луизы.

Лара – журналистка. Она должна что-то знать.

– Эмери? – удивилась Лара. – Ты шутишь?

– Нет. А что?

– Ты правда никогда не слышала об этом острове? Ну ты даешь! Ты как будто не в Грасии живешь.

– В некотором роде так, – смущенно улыбнулась Ольга. – Последние несколько лет я работала на плавучей станции, мы исследовали экологию вблизи архипелага. Только вчера вернулась из экспедиции – по приглашению ялгов. Потому я как-то не в курсе последних событий.

– Последних? – усмехнулась Лара. – Да разборки в регио Эмери тянутся уже лет триста-четыре, не меньше...

– И вообще меня никогда не интересовали криминальные новости, – прибавила Ольга. – Ну, так что ты можешь мне рассказать об этом загадочном острове?

– Что-что... – Лара пожала плечами. – Обычная дыра, каких на планете осталось не так уж много. Кишмя кишит пиратами, живущими едва ли не как в Средневековье. Пожалуй, единственное место на нашем архипелаге, где до сих пор стреляют. Помню, я, еще будучи студенткой, писала реферат по Эмери. Даже хотела стать военной журналисткой, в горячую точку собиралась после института – правды искать. Глупая была...

– Почему?

– А что, умная? – Лара прыснула в ладошку. – Кому нужна эта правда...

– Итак, что там насчет Эмери?

– Да, честно говоря, я сама мало что знаю. В основном слухи. Вообще, об этом районе военные не очень-то любят трепаться. Знаю, что в регио Эмери стоит оцепление боевого флота, называемое Мурусом, то бишь «стена». Военные за него никого не пускают. Кстати, и правильно делают: слышала, из тех кораблей, которые случайно забредали в эмерийские воды еще ни один не вернулся. Журналистов туда, конечно же, тоже не допускают. Тех же бедняг, которым удавалось проникнуть за Мурус нелегально, никто с тех пор не видел. Говорят, что эмерийцы – дикий народ. Они настолько не признают цивилизацию, что живут в пещерах. И это правда! Я сама видела фотографии их подземного города, тайно сделанные на Эмери каким-то контрабандистом. Он продал эти снимки нашей редакции. Жуть! Вот, собственно, и все. Новости смотри – и сама все узнаешь... Ты что, правда никогда не слышала об эмерийских пиратах, Мурусе, кровавом культе Сорша, наконец?

Лара посмотрела на подругу с недоверием.

– Так, что-то такое припоминаю... – Ольга виновато улыбнулась. – Я интересуюсь в основном тем, что непосредственно касается моей работы.

– А это сейчас что, коснулось?

– Возможно.

На парковке Ольга подошла к старому, потрепанному серому суденышку.

– Это твой катер? – в который раз поразилась Лара. – Похож на музейный артефакт.

– Служебный. Ялги выдали как главе Центра. В качестве средства передвижения вполне подходит...

– Скорее уж как средство погружения. Смотри не утони на нем.

Сама Лара направилась к двухместному ярко-красному спортивному катеру.

– Что ж, пока, подружка! Рада была увидеться. Созвонимся! – Лара махнула рукой и исчезла внутри роскошного салона. Катерок рванул с места и скрылся за поворотом канала.

Ольга забралась в свой «музейный артефакт», повернула ключ зажигания – двигатель отозвался громким болезненным урчанием. Катер, покачиваясь, неуклюже поплыл между подсвеченных желтыми лампами гранитных стен канала.

Спустя минут десять она уже была в порту Септентрио, откуда отходил межостровной экспресс до Елтина. Ольга причалила к пирсу среди покачивающихся на волнах разнокалиберных суденышек, заплатила портовому рабочему за ночную парковку и поспешила на экспресс. Едва взошла на борт, судно протяжно загудело и, набирая скорость, устремилось в темную океанскую даль. Угнетающий небоскребами мегаполис остался шуметь за кормой. Ольга вышла на верхнюю палубу и с наслаждением подставила лицо соленому ветру. Она думала о маленьких домиках и цветущих садах Елтина и о том, как спустя столько лет она наконец-то снова ступит на родную землю.

От Магнуса до Елтина экспресс шел минут сорок и прибыл в порт около полуночи. Ольге повезло, она успела на последний аквабус. Иначе пришлось бы идти пешком, а от причала до родительского дома чуть больше четырех миль. Пройти-то несложно, но она и так слишком задержалась. Вскоре справа на берегу мелькнула табличка «Нагорная», и аквабус подошел к причалу. Примерно в половине первого Ольга вошла в родительский дом.

Едва ступив в темную комнату, она замерла. Прямо перед ней тянулась вдаль мрачная, освещенная лунным светом улица пустынного полуразрушенного города. Ветер гнал по дороге мусор, завывал в выбитых окошках, и от этого нагнетающего гула ее сердце сжалось и забилося так, что едва не выпрыгнуло из груди. «Сейчас что-то случится...» – мелькнула тревожная мысль, и в тот же миг где-то справа раздался тихий скрежет шагов и послышалось ровное тяжелое дыхание. Кто-то крадется!.. И вдруг прямо перед Ольгой возникло уродливое окровавленное лицо со слипшимися от крови черными волосами. Ольга так и застыла с распахнутыми от ужаса глазами, глядя на здоровенный мясницкий нож в руке этого чудовища. Тесак медленно поднялся вверх и вот-вот уже должен был обрушиться на жертву... Все замерло: и город, и нож, и уродливая окровавленная физиономия с выпученными глазами.

– Оля приехала! – раздался восторженный мальчишеский крик.

Вспыхнул свет, и рядом с Ольгой запрыгал десятилетний мальчик с игрушечным пистолетом в одной руке и пультом от телевизора в другой. – А мы тебя сегодня видели по телеку!

– И давно у вас это... чудовище? – все еще приходя в себя, промолвила Ольга, кивнув на раскинувшийся во всю стену телевизор. Она никогда в жизни не видела таких огромных экранов.

– Папа месяц назад купил. Правда круто?

– Просто чудесно. – Ольга с отвращением покосилась на все еще заполнявшую экран физиономию.

– Ну, наконец-то наша Оленька соизволила явиться. – На пороге появилась Даша. – Спасибо, что спасла нам жизнь. Я уж думала, папаша всех живьем съест, если ты не приедешь.

Тут Даша заметила все еще застывшее от ужаса лицо сестры.

– Вот и я говорю, Ромчик достал уже всех своими дурацкими ужастиками про пиратов. – Она вырвала из рук брата пульт. – Тем более сейчас как раз идет прямая трансляция концерта Дени Норта!

– Дашка, а ну-ка, отдай! – Рома запрыгал вокруг сестры, но та подняла пульт над головой и нажала кнопку. Мрачный город исчез с экрана вместе с жуткой физиономией. Из колонок грянула ритмичная музыка, а на экране заколыхалось море голов беснующейся на главном грассийском стадионе «Арена» толпы, перед которой на залитой огнями сцене скакал похожий на девушку парень в обтягивающей одежде и едва не облизывал микрофон, издавая слащавые звуки. Одно Ольгу приятно поразило – пел он на ялгском языке. Даша завизжала от восторга и принялась подпевать, фальшиво и невпопад перекрикивая динамики. Оператор между тем взял крупным планом лицо поп-звезды, тот сверкнул в объектив накрашенными глазами, подмигнул и послал воздушный поцелуй.

– А-а-а!.. – Даша едва не лишилась чувств. – Он такой лапочка! Правда?..

– Ладно... – Ольга забрала у сестры пульт. – Пусть твой Дени немного подождет. Посмотришь потом в интернете. Мне сейчас нужно кое-что глянуть... По какому каналу идут новости – так, чтоб были с регио Эмери?

– Эмери? – поразила Даша. – С каких это пор ты стала интересоваться бандитами?

– А я про Эмери знаю! – вскричал Рома, взмахнув своим игрушечным пистолетом. – Там постоянно солдаты воюют на крейсерах с пиратами. Когда я вырасту, тоже стану пиратом!

– Дурак ты, братец, – хмыкнула Даша. – Пираты таких мальчиков хватают и превращают в рабов. Хотя такого раба, как ты, проще сразу пристрелить.

– Почему это?

– Зачем им раб-вредина?

– Дашка, сама ты вредина! Вот я тебя... – Рома обстрелял сестру из игрушечного оружия.

– Так, а ну-ка, тихо! – рассердилась Ольга. – Где тут «Первый грассийский»?..

Она пощелкала каналы, пока не нашла нужный – на экране появилась Лара Минина с микрофоном в руке.

«...У заключенных столичного изолятора теперь появилась уникальная возможность посещать Обитель Милосердного Яина», – торжественно вещала она.

Лара стояла посреди небольшой мрачной комнаты с темно-зелеными стенами и решетками на окнах. Позади нее возвышалась золотистая статуя на черном пьедестале. Рядом, натянуто улыбаясь, мялись несколько человек в военной форме.

«Руководство нашего учреждения уверено: открытие Обители – огромный шаг к перевоспитанию сбившихся с пути граждан нашей островной страны и оздоровлению общества в целом», – сказал один из них явно заученный текст.

«А теперь новости с окраин...» – объявила Лара и исчезла с экрана. Вместо нее там появился молодой человек в камуфлированной форме и оранжевом спасжилете. Позади него синела океанская гладь с несколькими серыми военными кораблями. Изображение слегка раскачивалось, видимо, съемка велась с катера.

«Здравствуйте! С вами Тед Кэнби, специальный корреспондент по регио Эмери, – сообщил репортер. – Сегодня произошло очередное нападение пиратов на торговый корабль. За моей спиной вы можете увидеть то, что осталось от мирного судна, видимо, случайно попавшего в эти смертоносные воды...»

Тед Кэнби отошел в сторону. Позади него стал виден обгоревший каркас полужатопленного небольшого корабля. Из трюма все еще валил дым. Ольга с отвращением отвернулась, правда, успев заметить кровавые брызги на одном из иллюминаторов. «Если меня мутит от таких видов, как же я собираюсь спасать людей?» – к своему стыду подумала она и заставила себя снова взглянуть на экран. Камера уже заглянула внутрь корабля и выхватывала крупными

планами обожженные, изуродованные тела экипажа. Оператор словно смаковал эти кошмарные виды. «Ужасики братца ничто по сравнению с этим», – подумала Ольга.

«После того как судно ограбили, его облили бензином и подожгли вместе с еще живыми несчастными матросами, – комментировал картинку репортер. – Судьба двух членов экипажа пока неизвестна. Сейчас ведутся поиски, но прогнозы неутешительны. Скорее всего, этих людей постигла та же участь, что и пропавшие экипажи еще двух атакованных в этом месяце судов...»

– Чего людям мирно не живется? – задумчиво заметила Даша.

– Вот бы мне туда! – восторженно воскликнул Рома, взмахнув пистолетом. – Я бы там: бац-бах-бах!..

– Натэ, смотрите что хотите! – Ольга бросила пульт на диван и на непослушных, ставших ватными ногах вышла из комнаты. Ее мутило, казалось, что она вот-вот грохнется в обморок.

В дверях Ольга едва не столкнулась с отцом.

– Вот она, моя дочурка! – вскричал тот.

– Папа, я тоже рада тебя видеть! – Болтая в воздухе ногами, смущенная Ольга пыталась вырваться из его объятий. – Но вообще-то мне уже не десять лет, чтобы меня вот так...

– Ишь ты какая! Несколько лет где-то пропадала, а теперь родному отцу и тронуть нельзя... – Он поставил дочку на ноги и бодро воскликнул: – Так, я не понял, мы едем или нет? Пока вы соберетесь, эти ялги не то что открыться, закрыться успеют!

Когда катер Ольгиного отца подошел к переполненному парковочному причалу, над новым Центром ялгской культуры уже вовсю полыхал праздничный фейерверк.

– Сколько транспорта! Сюда что, весь остров съехался? – проворчал отец, втискивая катер на только что освободившееся место, опередив еще нескольких желающих его занять.

– И неудивительно, – ответила Ольга, – ведь это такое значимое событие для Елтина!

– Чем же оно, интересно, значимо? Открылся обычный развлекательный центр, каких у нас и без того полно.

– Пап, ну ты что такое говоришь? Это не просто развлекательный центр. Это же Центр ялгской культуры! Понимаешь? Культуры самих ялгов!

– Ну и что? По мне, хоть ялгов, хоть пиктов, хоть алеутов... Все одно.

Ольга обиженно насупилась.

– Честно говоря, я тоже не совсем понимаю, для чего на Елтине строить Центр ялгской культуры, – поддержала отца мать. – У нас что же, своей культуры нет? Мы выходцы из страны с тысячелетней историей.

– Во-первых, строительство ялгского центра укрепит связи наших народов, – возразила Ольга, тут же поймав себя на том, что цитирует телевизионные новости. – А во-вторых, ялги – величайшая из рас планеты. Большинство из того, что есть у человечества, мы имеем именно благодаря им! К тому же их культура одна из самых древних и восходит корнями к самой цивилизации Ваалкомере!

– Доченька, я понимаю, что ялги дают тебе работу. Но это ведь не повод во всем их превозносить, – строго взглянул на нее отец.

– Они не просто мои работодатели, папочка. Они – идеальны!

– А по-моему, все люди одинаковы и расовая принадлежность тут совершенно ни при чем, – вставила мама. – Везде встречаются и хорошие, и плохие люди.

– Вот только среди ялгов плохих нет!

Ольга и ее семейство выбрались из катера и, стараясь не потерять друг друга в толпе, стали пробираться к виднеющемуся впереди гигантскому колоннообразному зданию, увенчанному стеклянным куполом.

– Не понимаю этих людей, – продолжал причитать отец, продираясь сквозь толпу в двери здания. – Чего все сюда приперлись? Что такого могут построить эти ялги, чего нет у нас на...

Отец замер с открытым ртом.

– Ну как? Впечатляет? – толкнула его в бок Ольга.

Они стояли на стеклянной прозрачной платформе, словно паря над сверкающим миллионами огней кратером. Оказалось, то, что они видели снаружи, было лишь верхней частью этого удивительного сооружения, основная же располагалась под землей. Это оказался целый город, раскинувшийся на стенах гигантской ротонды. Причем сказочный город. Со дна до крыши тянулись ярусы, соединенные аллеями, причудливыми золочеными лестницами и резными мостами, а на самих ярусах располагались роскошные дворцы. С самого верха среди цветущих оранжерей струились подсвеченные потоки водопадов и стекали в раскинувшееся на дне ротонды озеро, в центре которого возвышался золотистый замок с пляшущим на его крыше сияющим фонтаном. Все это великолепие накрывала прозрачная сферическая крыша, над которой в ночном небе полыхали грозди салюта.

– Говорят, у ялгов все города так выглядят, – заворуженно произнесла Даша. – Они живут как в сказке! Ах, как бы я хотела побывать хотя бы в одном из них.

– Да, было бы чудесно, – поддержала Ольга. – Но ялги не пускают посторонних в свои города, для них это табу. Ну, хотя бы так увидеть, как выглядят их творения.

– Жаль только, что мы пришли слишком поздно, – с сожалением вздохнула Даша. – Тут наверняка показывали ялгские танцы и их воздушных акробатов. Я один раз видела – поразительное зрелище!

– Зато я хожу в студию, где занимаюсь ялгскими танцами, – похвастался Рома. – У меня даже получается.

И он принялся скакать, вытворяя ногами нечто невообразимое.

– Напоминает ирландские танцы, – сказала мама.

– Это придумали ялги! Мне учитель рассказывал, – возразил Рома. – Может, твои ирландцы просто у них сперли.

– Так, я не понял, мы сюда болтать и по сторонам глазеть пришли или отметить Ольгино назначение? – прервал их восторги отец. – Предлагаю заскочить в какое-нибудь кафе и попытаться занять столик.

– Да, правда, пойдёмте, – обрадовалась Ольга. – Могу поспорить, вы ни разу не пробовали олаагу.

– Это что еще за зверь? – насторожилась мама.

– Это не зверь, а национальное ялгское блюдо. Пальчики оближешь! Пойдемте скорее...

И Ольга потащила родителей к сияющему неоновыми огнями ближайшему кафе. Внутри создавалось ощущение, что весь остров Елтин разом проголодался и нагрязнул именно сюда. После получаса ожидания, Ольге повезло втиснуть-таки свое семейство за столик. Подошла официантка – на вид славянка, но в ялгском национальном костюме – и с запрограммированно вежливой улыбкой спросила, чего они желают. Ольга тут же завладела меню.

– Сейчас я вас таким угощу, чего вы в жизни не пробовали, – не без гордости сказала она. – Обожаю ялгскую кухню!

Заказа пришлось ждать еще около получаса. Наконец официантка водрузила на стол огромное вкусно пахнущее мясное блюдо и четыре стакана с напитками. Родители с удивлением наблюдали, с какой старательностью и трепетом Ольга накладывает мясо к себе в тарелку. Она словно осуществляла какой-то таинственный ритуал. Похоже, в культ у нее превращалось все, так или иначе связанное с ялгами.

– М-м-м... Просто чудо! – воскликнула она, положив кусочек мяса в рот. – Ялги, как всегда, на высоте!

– Вот это вкуснятина, – поддержал ее Рома, впиваясь зубами в кусок.

– Действительно, просто сказочный вкус, – согласилась Даша. – Оленька, ты настоящий гурман.

– Не я, а ялги!

Отец с матерью тоже осторожно взяли по кусочку.

– Да, неплохо, – скептически произнес отец в ответ на вопросительный взгляд дочери. – Правда, нечто подобное я уже ел. Очень напоминает наш бефстроганов.

– Скажешь тоже... – Ольга едва не поперхнулась. – Вообще-то, это олаага – традиционное ялгское блюдо.

– Честно говоря, дочка, я кое-что смыслю в кулинарии, – осторожно заметила мама. – Бефстроганов действительно готовится почти так же. Ну, может, совсем немного отличается.

– Небось те, кто его придумал, содрали у ялгов.

– Ну, не знаю, не знаю... – строго сказал отец. – Бефстроганов готовила еще моя бабка, а научилась она у своей матери в те времена, когда ни про каких ялгов никто и слухом не слышивал. Да и вообще, это блюдо придумали при дворе какого-то русского графа еще в девятнадцатом веке.

– Уверена, ваш дурацкий бефстроганов ни в какое сравнение не идет с нашей олаагой. – Ольга обиженно надула губы.

– Ого! Уже «нашей»! – сердито хмыкнул отец, с раздражением отодвинув тарелку. Он встал. – Сейчас вернусь.

– Но в целом лично мне понравилось, – примирительно сказала мама, глядя на исчезающую в толпе спину мужа.

Отец вернулся быстро, еще более сердитый и обескураженный. Он что-то шепнул жене на ухо.

– Оленька, такой вопрос... Где тут находится туалет?

– Да вон же он. Написано же. По-ялгски.

– Могли бы написать, если уж не на официально принятой в Грасии латыни, так хотя бы по-русски. Это ведь русский остров! – всплеснул руками отец.

– Папа, не русский, а елтинский, – поправила Даша.

– Елтинский, русский... Какая разница? Ведь мы-то помним, откуда пришли наши предки. Каждый школьник знает, что название этого острова произошло от фамилии основателя тут в 1826 году русское поселение офицера Константина Николаевича Елтина... Или не каждый? – поразился отец, перехватив озадаченный взгляд Ромы. – Вам что, на уроке истории об этом не рассказывали?

– Что-то такое было... – пожал плечами мальчуган.

– Прости, дочка, но мы правда по-ялгски ничегошеньки не понимаем, – сконфузилась мать.

– Стыдно должно быть, мама, в твоём-то возрасте не знать самого популярного на архипелаге языка, – сказала Даша. – Его даже моему братцу бестолковому в школе преподают.

– Сама ты бестолковая, Дашка-промокашка! – отгрызнулся Рома. И добавил еще кое-что обидное по-ялгски.

– Знаешь, дочка, а по-моему, ничего постыдного нет в том, что я не знаю этого языка, – ответила мать. – В мою молодость, например, было модно учить английский, в молодость деда – немецкий, а прапрадеда – французский. Мода переменчива.

– Мам, ну ты и сравнила: ялгский и какой-то там французский или немецкий, – усмехнулась Ольга. – По-моему, не знать ялгский в наше время – просто варварство какое-то. Уверена, скоро на архипелаге вообще перестанут говорить на латыни и перейдут на ялгский. Его сейчас все знают. Ведь ялги – поистине величайший народ...

– Я вовсе не оспариваю заслуг ялгов, Оля. Хотя наш народ тоже далеко не последнюю роль сыграл в мировой истории. Взять, к примеру, войну с Наполеоном или Вторую мировую... Но дело не в этом. Даже если ялги действительно так хороши, язык-то их при чем?

– Ну, мам, ты даешь... Ведь он такой красивый!

– Чем же он красивее, например, латыни или нашего национального – русского?

– Ну как?.. Странный вопрос...

– Ничего странного. Меня вообще удивляет, что уже многие жители Елтина так хорошо говорят на ялгском, а своего родного русского, на котором испокон веков говорили наши предки, не знают совершенно.

– Так вот и ответ на твой вопрос. Для чего учить ненужный язык? Раз елтинцы добровольно отказываются от родного языка и говорят на ялгском, значит, он удобнее и совершеннее прежнего.

– Может быть, ты и права, дочка, – вздохнула мама. – Да только печально все это как-то. наших национальных центров культуры на Елтине раз-два и обчелся, зато чужие строят размером с города. Язык, видите ли, тоже чужой милее, чужая еда – вкуснее, танцуют чужие танцы под чужую музыку, а на стены модно вешать пейзажи чужих островов. Даже историю уже изучаем чужую... Страшно как-то это все.

– Чего страшного-то? – снисходительно улыбнулась Ольга. – Это время, мама! Вре-мя!..

Вдруг совсем рядом раздался оглушительный хлопок, а затем – крики. Кафе наполнилось удушающим дымом. Ольга растерянно вскочила со стула, но тут же оказалась сбита с ног в панике рванувшими к выходу посетителями.

– Оля, помоги! – услышала она сквозь шум крик сестры и увидела, как та пытается помочь упавшей матери.

Они вместе подхватили мать под руки и устремились к выходу вслед за всеми, маневрируя между перевернутыми стульями и столами, скользя по опрокинутым на пол шедеврам ялгской кулинарии. Рядом из дыма возник встревоженный отец.

– Все целы? – прокричал он и, подхватив Рому на руки, поспешил к выходу.

На пороге Ольга оглянулась. Сквозь режущий глаза дым ей удалось разглядеть несколько корчащихся в углу зала человеческих тел.

Когда они оказались снаружи, вокруг кафе уже стояло оцепление полицейских, сквозь которое с любопытством глазела толпа зевак. Тут же появились журналисты и заклацали фотокамерами. Замелькали люди в пожарных комбинезонах. Вдали раздавались сирены машин скорой помощи.

– Ну, чего там? – спросила Ольга у Ромы, забравшегося на отцовские плечи и пытавшегося заглянуть через головы зевак.

– Ничего не видно, – ответил тот, вытягивая шею. – Дым сплошной.

Когда толпа расступилась перед группой людей в белых халатах, Ольге стало стыдно. «Я ведь тоже спасатель! И не просто, а глава правительственного Центра Милосердия! Но стою тут и пялюсь, как все...» Сказав родным, чтобы ждали ее в катере, она начала пробираться к оцеплению.

– Туда нельзя, – остановил ее полицейский.

– Я умею оказывать первую помощь. Возможно, там я могла бы пригодиться...

– Все, чем вы можете помочь, – не совать нос в чужую работу, – жестко отчеканил полицейский и отвернулся.

Ольга выглянула из-за его спины и увидела, как из дверей кафе двое медиков вынесли на носилках скрюченного от боли человека и быстро понесли его к выходу. Среди полицейских появились люди в черной форме госбезопасности. Несколько человек в костюмах химзащиты, вооружившись какими-то измерительными приборами, скрылись в валившем из кафе дыму.

– Внимание! Жители и гости острова Елтин! – прокатился голос из громкоговорителей. – Просим, соблюдая дисциплину, покинуть Центр ялгской культуры. Он закрывается на карантин!

Полицейские принялись оттеснять зевак к выходу.

– Но вы же можете хотя бы объяснить, что произошло? – спросила Ольга.

– Известно что – теракт, – холодно ответил полицейский. – Никак эти эмерийцы не успокоятся...

Домой Ольга вернулась сама не своя. Едва переступив порог, она сразу же включила телевизор. В новостях уже вовсю обсуждали взрыв, «устроенный эмерийскими пиратами в Центре ялгской культуры на острове Елтин». На «Первом Грасийском» Ольга увидела и Лару Минину.

«Специалистам пока не удалось классифицировать распыленный при взрыве газ, – вещала Лара. – Пока что медики ему присвоили условное обозначение – вирус МРОД, хотя в народе его уже прозвали „елтинской чумкой“. По предварительным данным, в причастности к взрыву подозреваются последователи так называемого культа Сорша – религиозного течения, распространенного среди эмерийских пиратов. Сейчас ведется расследование, каким образом преступникам удалось заложить взрывчатку в охраняемом здании...»

Ольга выключила телевизор и еще долго сидела, задумчиво глядя на пустой экран.

– Иди спать, дочка... – Мать погладила ее по волосам. – Все обойдется.

Ольга все же ушла в свою комнату, легла в постель, но так и не смогла заснуть. Едва она закрывала глаза, перед ней тут же возникали то чудовищные образы застланного дымом кафе со стонущими на полу людьми, то искореженное торговое судно, ограбленное и сожженное эмерийскими пиратами, то маленькая девочка Луиза, умоляющая о помощи...

19 дней до возвращения

Ольге удалось задремать лишь к утру, но едва она сомкнула глаза, «внутренний голос» сообщил, что пора ехать на работу. Пришлось выбираться из постели. Стараясь не разбудить родных, Ольга прокралась сначала в ванную, затем на кухню, где наспех перекусила парой бутербродов, запив их удвоенной порцией кофе. Несмотря на это, она едва не уснула прямо за кухонным столом.

– Не вздумай в первый же день опоздать на работу! – одернула она себя.

На улице Ольга съезжилась от утренней прохлады. Она добежала до пристани. Приплясывая, чтобы хоть немного согреться, дождалась первого, почти пустого аквабуса. Она села на холодное обтянутое искусственной кожей сиденье, взглянула в окно. Мимо проплывали изгороди с калитками, за которыми в зарослях кустов и деревьев виднелись крыши одноэтажных домишек. «Наш народ уже много поколений живет в этом островном раю, где все друг друга знают, и потому почти не бывает краж, но привезенная с родины традиция – отгораживаться от соседей высокими заборами – так и осталась», – подумала Ольга. Спустя минут десять этот деревенский пейзаж пропал, аквабус заскользил вдоль мраморной набережной, у которой высились дома в три-четыре этажа, украшенные колоннами, скульптурами и лепниной, выстроенные еще пару столетий назад. Хотя даже современные здания тут старались строить в таком же стиле. Ольга провела на Елтине все детство, но каждый раз, попадая в город Даль, особенно в его центр, она ощущала, будто проваливается в прошлое. Впрочем, каждый народ архипелага любит старину, словно сия допотопная архитектура помогает людям держаться корней и не забывать, откуда родом их предки. Зато это придает каждому району островного государства какую-то самобытность и своеобразную красоту.

Аквабус наконец подошел к портовой пристани, где уже выстроилась вереница суденышек с надписями «Межостровной экспресс». Ольга взошла на борт столичного, прошла в салон, где дремали на сиденьях трое таких же ранних пассажиров. Расплатившись с кондуктором, она сама откинулась на сиденье и тут же провалилась в сон. Ей показалось, что она едва заснула, как вдруг кто-то тронул ее за плечо. С трудом продрав глаза, Ольга встретилась взглядом с таким же заспанным кондуктором.

– Как, мы уже на Магнусе? – поразилась она, вставая.

У парковочного пирса она разыскала свой катер. Одно радовало: от порта Септентрио до Центра Милосердия расстояние – всего несколько морских миль, причем преодолеть их можно, не заходя в городские каналы, где обычно полно транспорта. Хотя вряд ли бы она сейчас увидела там пробки. На протяжении всего пути Ольга повстречала лишь несколько лениво ползущих навстречу катерков. И это несмотря на то, что на часах уже было почти восемь – время, когда на всем архипелаге официально начинается рабочий день. «Неплохо бы занять квартиру в столице, – решила Ольга, причаливая у Центра Милосердия. – Если каждый день добираться сначала до порта, затем на экспрессе и на аквабусе, а потом точно так же обратно – с таким режимом с ума можно сойти. Да еще и вставать в такую рань!» Но так жила вся Грасия – в столице мало кому разрешалось жить, тут только работали, ну и отдыхали. Жили же столичные работники на «спальных» островах, куда добирались кто личным транспортом, кто паромами. Зато ей, Ольге, как члену правительственной организации, могли выдать служебную квартиру на Магнусе. Ялги сами это предлагали. И пусть это будет конура метр на метр, все же лучше, чем добираться полтора часа от дома до работы.

Очувтившись в офисе, Ольга тут же включила компьютер и обрадовалась, обнаружив несколько десятков новых писем. Но ее радость мгновенно улетучилась, едва она поняла, что все эти письма примерно того же содержания, что и вчерашние. Люди просили обо всякой всячине: от просьб помочь найти работу до организации туристического тура по островам Грасийского архипелага, от требований с кем-нибудь разобраться до просьб одолжить денег до зарплаты. В общем, просили о чем угодно, только не о том, для чего, как считала Ольга, был создан их Центр. Она снова с грустью подумала, что теперь это и станет ее постоянной работой: сортировать письма да пересылать их по различным административным инстанциям.

И тут она вспомнила, что у них все-таки есть одно важное дело, как раз по их части. Письмо девочки Луизы! «Вот если бы именно такие просьбы приходили на этот ящик... Пусть их будет хоть тысячи, я найду в себе силы помочь всем!» – подумала Ольга.

Она нажала кнопку «Написать письмо». Ее пальцы застучали по клавишам:

«Советнику дукса Грасийского архипелага по международным отношениям прокуратору Доан Ваалг от главы Центра Милосердия при правительстве Грасии Ольги Гириной.

Заявление

Прошу предоставить мне командировку на остров...»

И в этот момент Ольга вдруг вспомнила, куда именно собирается отправиться. Ее невольно передернуло при мысли о вчерашнем взрыве в кафе и об остатках торгового корабля, показанного в новостях. Эмери!.. Ольга отпрянула от компьютера. Но лишь на мгновение. Ей тут же стало стыдно. Она ведь не пиратам собралась помогать, а всего лишь маленькой девочке. И перед ее глазами возникло лицо несчастной Луизы, умирающей от болезни лишь потому, что призванная ее спасти тетя испугалась трудностей.

«Да, но вдруг эта Луиза – дочь одного из тех самых пиратов, совершивших эти страшные злодеяния?» – мелькнула новая мысль.

Ольга осторожно придвинула к себе клавиатуру, какое-то время смотрела на неоконченное письмо – и робко добавила:

«Прошу предоставить мне командировку на остров Эмери для оказания экстренной медицинской помощи тяжелобольному ребенку».

Будь что будет! Отправить!

Распахнулась дверь. В кабинет вошла Мишель. Тоже сонная, но, похоже, вовсе не оттого что плохо спала, а скорее потому, что не спала вовсе, тусуясь в барах и ночных клубах.

– О! Как будто не уходила, – воскликнула она. – Ухожу – она еще здесь, прихожу – она уже здесь! Ольга, нельзя же столько работать. Ты молодая женщина. Пора бы подумать и о личной жизни.

При этих словах медсестра потянулась и зевнула.

– Видимо, у нас с тобой разные представления о понятии «личная жизнь», – улыбнулась Ольга.

В этот момент «внутренний голос» оповестил о том, что на почту пришло новое письмо. Ольга бросила взгляд на экран и поразилась. Как, уже?.. Она раскрыла письмо. Ответ из Министерства международных отношений оказался коротким: «Ольге Гириной в командировке на Эмери отказать». То есть как?!

– Я думала, у нас на архипелаге нет мест, куда бы запретили доступ представителю прайвильственной службы! – Ольга была одновременно и разочарована и удивлена.

– Если, конечно, для отказа нет веских причин, – заметила Мишель и, прочитав через ее плечо ответ, воскликнула: – Командировку на Эмери?! Ты серьезно?.. Неудивительно, что тебе отказали. Что мы там забыли?

Ольга коротко пересказала послание от девочки Луизы.

– Но она же эмерийка! – презрительно фыркнула Мишель.

– Человек нуждается в помощи. Да еще и ребенок. Разве мы не должны помочь?

– Да. Но Эмери... – Медсестра дернула плечами. – О! Идея! Почему бы просто не переслать это письмо в Министерство здравоохранения? Пусть они с этим и разбираются! Если смогут, помогут.

– А мы на что? – возмутилась Ольга. – Или, по-твоему, наша служба создана лишь для того, чтобы пересылать никчемные письма по различным инстанциям?

– Ну, другого я и не ожидала, – вырвалось у Мишель.

Ольга удивленно взглянула на нее. И вдруг ее поразила догадка: «Для чего такой гламурной девушке, как Мишель, устраиваться работать туда, где придется карабкаться по скалам, лезть в пламя или таскать носилки с пострадавшими? Такой, как она, место в офисе, но никак не в службе спасения. Разве что барышня с самого начала рассчитывала, что ей не придется всем этим заниматься...».

Ольга откинулась на спинку кресла.

– Мишель, можно задать тебе вопрос? По-твоему, для чего создан наш Центр?

– Ну... – Медсестра смутилась под ее суровым взглядом. – Помогать всем нуждающимся и...

– Да нет же, не нужно мне цитировать новостные байки. Оставь это журналистам, – скривилась Ольга. – Я хочу знать, что ты на самом деле думаешь об открытии нашего Центра.

– Я всего лишь медсестра и не особенно компетентна в подобных вопросах... – заюлила Мишель. – А что именно тебя беспокоит?

– Видишь ли, раньше, спасая какую-нибудь рыбку от техногенных отходов, я, конечно же, осознавала, что моя работа – капля в море по сравнению с общей проблемой загрязнения океана. Но зато я знала наверняка, в чем именно заключается конкретно моя польза. Было время, я работала в больнице – оказывала первую помощь, ассистировала на операциях – и тоже видела, в чем именно моя роль, моя польза. Даже когда отмывала полы от крови в коридорах приемных покоев. Я всю жизнь стремилась помогать всем и думала: «Вот бы создать глобальную службу спасения – на уровне правительства страны. Это ж сколько можно помочь!» И я так радовалась, когда ялги ответили на мое предложение и согласились воплотить мою идею в жизнь. А что же вышло в итоге? Мы сидим тут, чтобы отвечать на всякие письма, которые не имеют к спасению людей никакого отношения?

– Выходит, ты, поступая на эту должность, действительно собиралась спасать людей?

– Конечно! – поразилась Ольга. – А как же иначе?

– Ну... – Мишель пожала плечами. – Не знаю, как ты, а лично я сразу поняла, что все это – фикция.

– Что значит фикция? – У Ольги защемило сердце от нехорошего предчувствия.

– Объясняю, – вздохнула Мишель. – Предположим, завтра случится пожар, преступление, несчастный случай или архипелагу станет угрожать экологическая катастрофа. Ну, или просто понадобится снять котеночка с дерева. Позвонили нам. Что мы будем делать?

– Как что? Помогать!

– Чем? Этим? – Мишель с усмешкой обвела взглядом их пустой кабинет. – Что-то я не вижу тут пожарной машины, медикаментов или средств какой-нибудь химзащиты. Нет даже элементарной лестницы, чтобы снять котенка! Конечно, по телевизору в новостях недавно показали, что это все у нас есть: палаты с оборудованием, персонал в халатах, новенькая «Стрела надежды», готовая прорваться сквозь любые препятствия...

Ольга так и застыла, раскрыв рот.

– Если происходит пожар – вызывают пожарных, – продолжала Мишель, – если преступление – полицию, больные звонят в больницу, ну а спасти котенка с дерева сгодится и сосед. А для чего же, по-твоему, позовут нас?

– Но... – Ольга не могла подобрать слов. Она вдруг вспомнила, как после вчерашнего теракта здание оцепили полицейские, как медики носили раненых в машины скорой помощи, как обрабатывали помещение люди в костюмах химзащиты... и как нелепо звучало ее предложение помощи. Мишель права. Чем она могла помочь в такой ситуации? Ольга провела ладонью по вспотевшему лбу. – Для чего-то же правительство создало наш Центр?

Мишель закатила глаза:

– Понятно, для чего... Для видимости!

– К чему создавать то, что не приносит пользы?

– Как тебе сказать... По-своему эта видимость пользу приносит. Моральную! Для примера возьмем такую ситуацию: в одной деревне нет пожарной службы, до ближайшей – десятки миль. Понятно, что люди будут постоянно переживать и роптать – мол, а если пожар и все такое?... Но средств для создания такой службы нет. Что делать? Тогда местная администрация выкрашивает ворота одного из деревенских гаражей в красный цвет, ставит туда старый, давно отъездивший малиновый грузовик и сажит какого-нибудь пенсионера, гордо назвав его начальником пожарной службы. И все: люди спокойны!

– А если и правда пожар? – захлопала глазами Ольга.

– А если пожар... – с усмешкой повторила Мишель. – Будут тушить всей деревней, как делали в течение многих поколений до этого, и ждать помощи пожарных, которые на всех парах примчатся через десятки миль. Ну а счастливый обладатель малинового грузовика и красных ворот станет тушить вместе со всеми, сетуя, что, вот незадача, именно сегодня пожарная машина в ремонте, персонала не хватает, обеспечение плохое...

– Так ты хочешь сказать, что наш Центр – то же самое? Как и эта мнимая пожарная служба?

– Нет, круче. Для нас даже пожара или другой напасти случиться не может. Как я уже сказала, у нас на архипелаге созданы службы на все случаи жизни: есть полиция, скорая, пожарные... Если у человека случится реальная беда, он позвонит вовсе не нам, а куда следует. Мы же – чистой воды фикция, средство для осознания населением своей еще большей защищенности. Все знают, что есть некий Центр Милосердия при самом правительстве, где человеку, если что, помогут. Правда, никто не знает, с какой именно проблемой туда нужно обращаться. Потому нам на почту и приходят такие нелепые просьбы. Причем, я уверена, люди пишут так, на всякий случай, особенно не ожидая результата: вдруг прокатит? Зато осознание того, что такая служба помощи при правительстве есть, придает населению страны уверенности в завтрашнем дне. Все счастливы, и этого вполне достаточно. Так и появляются правительственные комитеты по вопросам счастливого детства, центры любви и процветания, службы поддержки природопользования. Чем, по-твоему, занимаются все эти ведомства? А они есть!

Эти названия я взяла из правительственной брошюры. Листала как-то, пока ждала парикмахера...

– И ты, с самого начала понимая это, все равно пришла сюда работать? – поразилась Ольга.

– А что? Какая разница, где деньги получать? Работа, как говорится, непыльная...

– Если все это правда, чем же мне в таком случае заниматься?

Мишель пожала плечами:

– Давай журналистам интервью и пресс-конференции, ходи на благотворительные мероприятия... Чем там еще занимаются подобные чиновники? Ну, или просто изображай видимость работы.

– А письма?

– Составь один нейтральный ответ на все случаи жизни, вроде: «Спасибо за обращение в наш Центр. Ваша просьба обязательно будет рассмотрена» – и шли его каждому попрошайке, а их письма – в корзину. И людям приятно – им ответили аж из правительства, и тебе меньше головной боли. Уверена, большего люди и не ждут. Ну а если кто-то и ждет, будет думать, что его вопросом все еще занимаются или вопрос этот оказался слишком мелким для высокопоставленных столичных чиновников. В Палатиуме-то люди занятые сидят!

– Я так не могу, – замотала головой Ольга.

– Вот это-то, честно говоря, меня и удивило, – усмехнулась Мишель.

– Что именно?

– То, что ялги на это место назначили такую, как ты. Видимо, они плохо тебя знают.

Какое-то время Ольга сидела перед компьютером не в силах взяться ни за какую работу. Толку трудиться, если это никому не нужно? Мишель спокойно полировала ногти на своем рабочем месте.

Вдруг Ольга решительно встала.

– Быть может, наш Центр и фикция, в чем лично я сомневаюсь, ялги ни за что не могли так поступить, но я-то – нет! И если в моих силах помогать людям, я буду это делать, несмотря ни на что!

Медсестра бросила на нее равнодушный взгляд и вернулась к своим ногтям.

– Мишель, если меня спросят, я буду примерно через час, – твердо сказала Ольга и направилась к двери. На пороге обернулась. – И еще, ответь, пожалуйста, на эти дурацкие письма...

Спустя полчаса катер Ольги уже подплывал к Арцису – старинному форту в центре города. Арцис строили в первой половине XIX века для защиты Палатиума – правительственного дворца, а точнее, одновременно с ним. Крепость выстроили в виде девятиконечной звезды, по официальной версии, символизирующей девять народов, населяющих архипелаг. По неофициальной – Арцис проектировал лично первый грасийский дукс Джозеф Бернар, который, будучи масоном, вписал в архитектуру крепости главный символ вольных каменщиков – всевидящее око. Арцис якобы состоит из трех треугольников, а водоем внутри, окружающий Палатиум, есть око великого архитектора Вселенной. По крайней мере, так считают те, кто повсюду ищет следы мирового заговора. Так или иначе, но Арцис выстроили в виде девятиконечной звезды, что позволило впоследствии всем народам, населяющим архипелаг, на каждом ее луче возвести вокруг Палатиума свои представительства – империумы. К одному из них – Империуму ялгов – и спешила Ольга.

Когда она свернула с Виа Септем на Виа Анулус – канал, кольцом опоясывающий форт Арцис, высокие дома перестали закрывать обзор, и Ольга увидела возвышающуюся над стенами форта позолоченную статую мужчины со сложенными на груди руками. Милосердный Яин! Ее охватил благоговейный трепет. Не счесть, сколько раз она бывала тут, чтобы поклониться этому верховному благодетелю, который даже после мучительной смерти вот уже тысячи лет несет в их мир любовь и добро. Вскоре стали видны переполненная сотнями кате-

ров и аквабайков парковка и тянущаяся от нее вереница людей: с непокрытыми опущенными головами паломники медленно шли поклониться святыне. По длинной лестнице они поднимались на стену Арциса, а с нее по перекинутому мосту переходили на крышу Империиума ялгов, где располагался главный храм Грасии.

Заглушив мотор у парковки, Ольга с сомнением посмотрела на крепостные ворота Порты Новэм со стоящими около них по стойке смирно двумя караульными в парадной военной форме времен позапрошлого века. По воде за стены Арциса пропускали только служебный транспорт. Ольга решила было оставить катер на парковке и пройти пешком, как вдруг вспомнила: «Я же теперь член правительства! Пора привыкать к этому». И она уверенно повела катер по узкому каналу прямо к воротам. Правда, с каждым метром эта уверенность таяла. Даже когда она смущенно протягивала караульному удостоверение, все ожидала, что тот строго проворчит: «Не положено!» – и укажет ей в сторону парковки. Но юноша караульный с добродушной улыбкой вернул ей документ, козырнул – и ворота Порты Новэм плавно распахнулись перед Ольгой. И направляя катер в сторону возвышающегося перед ней на скале похожего на средневековый замок Палатиума, она с восторгом думала: «Это мне не снится! Я действительно работаю на правительство!»

Оставив катер у небольшой пристани рядом с несколькими роскошными суденышками, Ольга взошла по гранитным ступеням, и перед ней во всей красе предстал Империиум ялгов. До этого она не раз бывала за стенами Арциса и видела это здание. Но в этот раз вдруг поймала себя на мысли, что Империиум ялгов чем-то напоминает врытый в землю старинный корабль: слегка выгнутые стены, словно борта, с рядами квадратных окошек, подходящих на орудийные отверстия. Расположенный на крыше храм представился ей возвышающимися на корме каютами, а статуя Яина – носовой фигурой, какие ставили на каких-нибудь древних каравеллах. Этаким корабль надежды в океане людского невежества. И Ольгу захлестнуло чувство благодарности за то, что волей судьбы ей выпало стать одним из членов команды этого несущегося под парусами милосердия судна.

– Сюда нельзя! – прервал ее восторги стальной голос.

Ольга опустила глаза и увидела перед собой мужчину в светло-серой форме ялгской охраны. Огромный, широкоплечий, он смотрел на нее немигающим взглядом, на словно вылепленном из воска лице – никаких эмоций. «Бывают же такие, – подумала Ольга. – Он больше похож на манекен, чем на человека!» Впрочем, манекены не шевелятся. Охранник же правой рукой поглаживал висящую на боку резиновую дубинку, причем с таким видом, словно показывал: если понадобится – пуцу ее в ход. И, глядя в эти пустые глаза, Ольга поняла: пустит – и точно так же ни один мускул не дрогнет на его лице! «Для чего ялгам набирать себе в охрану таких жутких людей? – подумала Ольга. – Не человек, а запрограммированный робот!»

– Это правительственное здание, – зашевелились губы на восковом лице. – Посторонним тут находиться запрещено!

При этом рука охранника замерла у дубинки. Ольга поспешно достала из сумочки удостоверение. Охранник мельком взглянул на него, равнодушно, будто она протягивала какую-нибудь обертку от конфеты, а не правительственный документ, и снова уставился на Ольгу немигающим взглядом, безмолвно спрашивая: «И что?» Она объяснила причину визита.

– Вы записывались?

– Нет, но...

Охранник достал дубинку и указал ею в сторону парковки.

До этого Ольге не раз приходилось бывать по делам в империиумах разных народов и даже в самом Палатиуме, и она всегда беспрепятственно входила внутрь, выписав на вахте пропуск. Но с таким отношением она столкнулась впервые. «Конечно, ялги всегда славились своей нелюдимостью и отчужденностью, – подумала Ольга. – Они весьма настороженно отно-

сятся к представителям других народов, а на свои острова вообще не пускают чужаков. Это и понятно, учитывая, через что пришлось пройти этому многострадальному народу. Но чтобы настолько!.. Хотя, скорее всего, тут дело вовсе не в ялгах. Просто этот твердолобый охранник слишком буквально понял инструкции, оттого и перегибает палку».

– Прокуратор Ваалг мне лично сказала, что я могу обращаться к ней по любому вопросу! Она говорила словно со статуей. Охранник продолжал молча указывать дубинкой на парковку.

– Спросите у нее самой! – добавила Ольга.

Ей стало не по себе под ледяным взглядом молчаливого верзилы. Особенно оттого, что в глазах его заплясали какие-то садистские искорки. В них ясно читалось: «Покиньте территорию! Считаю до трех: раз... два...»

Ольга с опаской попятилась к своему катеру. Она уже собиралась повернуться и уйти, и вдруг ее захлестнуло негодование.

– Да что вы себе позволяете? – вскричала Ольга, шагнув к верзиле. – Я член правительства! Почему какой-то охранник должен мне указывать, что я имею право делать, а что – нет? Ваша работа – следить за порядком и докладывать вышестоящему начальству. Порядок я не нарушаю. Так докладывайте!

Она умолкла, увидев, что рука с дубинкой поднимается вверх. «Сейчас ударит!» – с ужасом подумала Ольга и зажмурилась. Но лишь на мгновение. Чувство собственной правоты захлестнуло ее сильнее, чем страх. Она выпрямилась и, снизу вверх пристально глядя в холодные глаза охранника, чеканя слова, промолвила:

– Только попробуйте! И вас не только вышвырнут с этой работы, а прямиком отправят на Гевангенис. Именно там место тем, кто преступает закон. Я свои права знаю!

Ольга сама поразилась, каким образом у нее всплыло в памяти название грасийского острова-тюрьмы, но по выражению лица охранника она поняла: он-то его точно знает. Рука с дубинкой замерла. При этом на лице у охранника наконец впервые возникла эмоция – озадаченность.

– Доложите прокуратору Ваалг, что пришла Ольга Гирина, глава Центра Милосердия, – уже спокойнее сказала Ольга. – Если она по каким-либо причинам не сможет меня принять, я уйду без посторонней помощи.

И, облокотившись о парапет, она демонстративно принялась ждать.

Охранник снял с пояса рацию, отошел в сторону. Когда вернулся, коротко сообщил: «Прокуратор вас примет». И, что поразило Ольгу, его лицо снова стало спокойным и лишенным эмоций, будто он и не собирался пару секунд назад жестоко избить женщину. Дубинка вернулась на пояс. Ольга поспешила к дверям Империиума, делая глубокие вдохи, чтобы успокоить дрожь во всем теле.

У дверей Ольгу встретили еще два верзилы. «Тут что, всю охрану набирали на кастинге здоровенных идиотов?» – поразилась она. Два огромных широкоплечих охранника с каменными лицами тупых исполнителей прогнали ее через металлодетектор, а затем вытряхнули на стол и тщательно осмотрели содержимое ее сумочки. «Даже в Палатиуме не было такого досмотра. Быть может, из-за вчерашнего теракта повсюду усилили бдительность? – размышляла Ольга. Но по виду охраны поняла, что для них это дело привычное. – К чему ялгам такие предосторожности? Вряд ли на архипелаге найдется человек, способный причинить вред такому светлому народу, как ялги».

Очутившись наконец внутри, Ольга взглянула по сторонам и ахнула – такого она никак не ожидала увидеть. Империиумы, в которых ей раньше приходилось бывать, изнутри выглядели скромно и серо, как обычные офисные здания: светлые стены коридоров, красные ковровые дорожки. В лучшем случае эту блеклость разбавят пара цветочных горшков с зеленью и какой-нибудь аквариум. Даже главное строение Грасии Палатиум, хоть его название и переводится

с латыни «дворец», внутри выглядит как всякое другое административное здание. Здесь же все сверкало золотом, пестрело картинами и благоухало цветами. Ольга словно очутилась в королевском дворце позапрошлого века. «Ялги и тут превзошли все народы!» – с восхищением подумала она.

– Прокуратор ждет вас, – прервал ее восторги вкрадчивый голосок. Перед ней в легком поклоне стоял небольшого роста служащий в сером костюме. Ольга отметила, что он, как и охранники, не ялг.

– Вы так тихо подошли, что я и не... – начала она, но служащий поспешно поднес палец к губам: «Тише!» – и жестом повелел следовать за ним.

Шагая за маленьким служащим по роскошному коридору, Ольга поняла, чем еще отличается это здание от империумов других народов: тут совсем нет людей! Другие административные здания, а особенно Палатиум, внутри походили на муравейники. Интеллигентного вида люди сновали по длинным коридорам, вдоль стен которых тянулись вереницы одинаковых дверей. Люди то исчезали в них, то возникали вновь, всем своим видом показывая: «Не трогай меня, я очень занят!» Помнится, Ольга прикинула, сколько может быть кабинетов в одном таком коридоре, умножила на количество этажей в здании и поразилась: «Чем тут может заниматься столько народа? А ведь это всего лишь один Империум из девяти! Неужели в остальных чиновников не меньше? Что же тогда говорить о Палатиуме?!» И Ольга тогда невольно улыбнулась, представив, сколько гектаров плодородной земли смогла бы вскопать эта «занятая» армия, выдай каждому по лопате.

Ялги и этим отличались. На протяжении всего пути Ольге повстречалось от силы человека три, да и те никуда не спешили, ходили медленно и чинно, словно прогуливались. Эти внешне выглядели как типичные ялги и были явно высокопоставленными чиновниками. «Наверное, здесь пусто оттого, что ялги – самый немногочисленный народ в архипелаге», – решила Ольга. Ведь они появились в Грасии в середине XX века, а к тому времени за предыдущие три сотни лет острова архипелага были густо заселены другими народами. Оттого, по всей видимости, ялги и не могут себе позволить армии чиновников.

Служащий проводил Ольгу на третий этаж. Причем, поднявшись туда, он стал ступать еще осторожнее, хотя, казалось, тише некуда. Он шел так, словно оказался в спальне со спящим ребенком. И Ольга поймала себя на том, что тоже идет чуть ли не на цыпочках и едва дышать не перестала. Когда Ольга нечаянно уронила сумочку, служащий замер и посмотрел на нее с таким ужасом, будто она ударила в гонг. Подняв злополучную сумку, Ольга на цыпочках поспешила в конец коридора, где возвышалась арка с золочеными дверями, больше напоминающими ворота сказочного дворца. У этих сказочных ворот служащий остановился, осторожно приоткрыл их. «Сюда?» – хотела спросить Ольга, но, уловив движение ее губ, тот снова поднес палец к губам и кивнул, мол, да, сюда, ждите, после чего поспешно, но бесшумно удалился.

«Ну и дисциплина у ялгов! – подумала Ольга. – Хотя тут, пожалуй, больше подходит слово «дрессировка».

Она вошла в роскошный зал, видимо, для ожидания, и присела на краешек обитого красным бархатом дивана с резными деревянными подлокотниками. Мысленно она стала готовить речь, которая должна была убедить прокуратора отпустить ее на Эмери на помощь больной девочке. Она про себя произнесла эти слова столько раз, что выучила наизусть, как вдруг задумалась, сколько уже прошло времени. Никто так и не появился! Ольга все чаще поглядывала на часы (спросить вслух у «внутреннего голоса» она не решилась, вспомнив, с каким трепетом тут относятся к соблюдению тишины). Прошло еще пятнадцать минут, полчаса, час – никого. Когда минул еще час, Ольга забеспокоилась: быть может, служащий не доложил о ней? Или прокуратор просто забыла? И в тот момент, когда Ольга уже собралась вернуться вниз и уточнить у охраны, действительно ли ее сегодня примут, двери кабинета распахнулись, и секретарь объявила, что Ольгу ждут.

Прокуратор Ваалг восседала во главе длинного сверкающего полировкой стола. В первый миг Ольге показалось, что глава ялгов сильно недовольна ее визитом – та смотрела куда-то вниз с явной досадой. Однако, как решила Ольга, это ей показалось, так как в следующий миг прокуратор подняла голову и на лице ее уже сияла обычная добродушная улыбка. Она встала и с распростертыми объятиями пошла Ольге навстречу.

– Очень рада тебя видеть! – Прокуратор обняла ее и по-матерински поцеловала в лоб. – Что привело тебя, дитя?

– Прокуратор, вы говорили, что я могу всегда обращаться к вам... – сбивчиво начала Ольга. Подготовленная и заученная речь мгновенно вылетела из головы. Ольга всегда терялась перед ялгами от охватывающего ее благоговения.

– Конечно, конечно. Но что может быть такого важного, чего нельзя решить телефонным звонком или электронной почтой?

Ольге показалось, что в этих словах прокуратора все-таки мелькнула досада.

– Дело в том, что сегодня я направила в ваш Империум просьбу предоставить мне командировку. Но мне пришел отказ и...

– Отказ? – поразилась прокуратор. – Кто же посмел тебе отказать? Не на Луну же ты собралась проповедовать учение Яина?.. Тиана, ты слышишь меня? – сказала Ваалг, нажав кнопку на огромном телефонном аппарате.

– Да, прокуратор! – отозвалась секретарь.

– А ну-ка, просмотри сегодняшнюю переписку. Приходил ли запрос от...

Прокуратор озадаченно взглянула на Ольгу.

– Ольга Гирина, – напомнила та. И на всякий случай прибавила: – Центр Милосердия.

И как она могла забыть? Ведь открытие Центра было только вчера.

– От Ольги Кириной, – сказала прокуратор.

– Да, был один запрос, – ответила секретарь. – Прощение на предоставление командировки на остров... Эмери?!.

Ольга отметила, с каким удивлением и отвращением секретарь произнесла это слово. Но еще больше ее поразила реакция прокуратора. Улыбка не исчезла с ее лица, но она словно заледенела. Впрочем, неудивительно, учитывая репутацию этого острова.

– Для чего тебе на Эмери, девочка моя? – сухо спросила прокуратор Ваалг. От первоначальной приветливости не осталось и следа.

– Дело в том, что... Вот!

Ольга вынула из сумочки флешку. Секретарь принесла ноутбук, они включили видеоролик с посланием от девочки Луизы. Прокуратор Ваалг смотрела молча, с каждой секундой становясь все мрачнее.

– И чего же ты хочешь? – спросила она, не дождавшись окончания видеозаписи.

– Я хочу помочь этой девочке и забрать ее с Эмери, – с готовностью объявила Ольга.

Прокуратор Ваалг уже не улыбалась. Она какое-то время молча смотрела на Ольгу с недоверием, словно оценивая уровень ее психического здоровья. Наверное, она так же смотрела бы, заяви Ольга, что решила прыгнуть без парашюта с телебашни «Ротондус».

Вдруг черты прокуратора смягчились. Она обняла Ольгу за плечи и, взглянув ей в глаза, спросила тоном, каким обычно говорят с маленькими детьми:

– Что ты знаешь об Эмери, дитя?

– Ну... Я слышала, что это проблемный регион...

– Проблемный? – усмехнулась прокуратор. – Он не проблемный, деточка! Он смертельно опасный!

– Я понимаю, какие могут возникнуть трудности...

– Видимо, не очень, раз просишь о таком, – вставила секретарь.

– Но ведь там больная девочка, а девиз нашего Центра гласит: «Помогать и спасать»! – с трепетом воскликнула Ольга. – Этот ребенок нуждается в помощи. Вы же ялги! Самая милосердный народ на архипелаге, а скорее всего – даже во всем мире. Вам ли этого не понимать!

– Я все понимаю, дитя. – Прокуратор Ваалг вздохнула и покачала головой. – Но все равно не могу дать согласия. Пойми, я в первую очередь думаю о тебе. Ведь отправить тебя на Эмери – значит обречь на верную смерть.

– Но там ребенок, и ему нужна помощь...

Прокуратор Ваалг какое-то время молчала, поглядывая на Ольгу. Той стало не по себе от этого взгляда. Так смотрят на неполноценных – смесь жалости и отвращения!

– Хорошо, – наконец сказала прокуратор. – Давай взглянем на ситуацию по-другому... Предположим, ты все-таки рискнешь и отправишься туда. Конечно же, погибнешь, в чем я не сомневаюсь. И что же? Ты не думаешь о том, что, отдав сейчас жизнь за одно сомнительное дело, ты лишишь своей помощи сотни или даже тысячи других нуждающихся? Будет ли твоя гибель оправданной? Детка, ведь на наших островах есть еще множество мест, где может потребоваться твоя помощь. Действительно, мы создавали этот Центр Милосердия, чтобы, как ты сама сказала, помогать и спасать. Но вовсе не для того, чтобы губить людей! А отправить тебя туда – значит погубить. – Прокуратор снова обняла Ольгу. – Пойми же, Эмери – это очень, очень опасное место. И, как член нашего правительства, как советник дукса Грасии по международным отношениям я категорически против того, чтобы ты подвергала себя такому риску. Извини, но я вынуждена тебе отказать.

– Но, прокуратор Ваалг!.. – взмолилась Ольга.

– Я все сказала! Обращайся с любой просьбой, но не говори больше об Эмери. Всего доброго, Ольга, и... будь милосердна!

Прокуратор Ваалг прикоснулась ко лбу Ольги холодными, словно лед, губами и, больше не говоря ни слова, вернулась за стол. Ольга постояла какое-то время в замешательстве. И когда ее руки коснулась секретарь, давая понять, что аудиенция окончена, она, едва сдерживая рвущиеся наружу слезы, покинула Империиум ялгов.

В тот день Ольга ушла из Центра Милосердия намного раньше официального окончания рабочего дня. Быть может, она так поступила впервые в жизни. Но она никак не могла заставить себя работать, а изображать видимость занятости не умела, да и не желала. Мишель истолковала ее ранний уход по-своему, многозначительно подмигнув:

– Значит, у нашей тихони все-таки есть личная жизнь!..

Ольга не ответила. Выйдя из здания, она подошла к сваренному из стальных труб парапету и долго вглядывалась в океанскую даль. Справа, вращая длинными жирафьими шеями, с металлическим скрежетом трудились краны грузового порта Онус. Время от времени раздавался грохот – очередной контейнер опускался на бетонный причал. Мимо неспешно проползло длинное груженное контейнерами судно, оглашая округу протяжным гудком. Ольга вдруг почувствовала: еще минуту простоит так, глядя в безмолвную равнодушную синеву, – и шагнет через парапет, не в силах вытерпеть навалившиеся тяжелым грузом мрачные мысли. Что ее ждет завтра, послезавтра, через год?.. Вереница бессмысленных и бесполезных дней! Она уже едва ли не возненавидела работу, о которой еще вчера мечтала всем сердцем. И ведь теперь не откажешься!

Слева на парковке покачивался на волнах ее, как выразилась Лара Минина, «музейный артефакт». Рядом с ним возвышался катер, так пафосно названный журналистами «Стрелой надежды», – бывший войсковой десантный корабль, списанный из-за старости. Два ржавых корыта, так щедро предоставленные ялгами. Да и к чему давать лучше, если открытый ими Центр Милосердия – всего лишь фикция...

Ольге стало тошно глядеть на эти корыта, гордо прозванные кораблями, и она даже засомневалась: может, ну его, этот «артефакт», и пойти пешком? Да только до Арциса отсюда

больше пяти миль, идти слишком долго. Она нехотя пошла к парковке. Зачем-то натирающий лобовое стекло рубки «Стрелы надежды» старичок капитан Уилкс, словно почувствовав ее взгляд, оторвался от работы и помахал ей щеткой. Ольга махнула в ответ, быстро отвязала от причала свой «артефакт», запустила двигатель и помчалась прочь. Обогнув порт Онус и вырулив на канал Виа Септем, она направила катер к виднеющемуся вдали форту. Тому самому форту, за стенами которого укрыт и Империиум ялгов. Ей вдруг стало неприятно от мысли, что именно это здание по совместительству является главным храмом Грасии – Обителью Милосердного Яина. Но другого места, где она сейчас сможет найти успокоение, она не знала.

Оставив «артефакт» на парковке перед фортом, Ольга, опустив голову, пошла следом за другими паломниками к золоченой лестнице. Когда она поднялась на стену Арциса и ступила на перекинутый на крышу Империиума помост, словно гигантский корабельный трап, снова поймала себя на мысли, что здание ялгов напоминает ей средневековое судно. Не хватает только мачты с парусами! Ольга поспешно отогнала эту мысль: в храм нужно входить, полностью очистившись от посторонних дум.

Оказавшись на крыше Империиума, Ольга на мгновение задержалась перед венчающей вход в Обитель аркой, бросила купюру в стеклянный ящик для пожертвований и, покорно склонившись, вошла внутрь. Огромный сверкающий золотом храм был наполнен тихим говором. Сотни людей стояли на коленях, благоговейно глядя на возвышавшуюся до самого потолка золотую статую. Их губы едва заметно шевелились, вознося молитвы, у некоторых на щеках блестели слезы радости. Возблагодарив Милосердного Яина за щедроты, которые тот принес в мир, паломники бесшумно вставали и уходили, а их место тут же занимали другие. Вскоре нашлось местечко и для Ольги. Она упала на колени, сложила руки на груди, и слезы сами собой потекли по ее щекам. Да только в них не было радости! Она не знала, зачем именно сюда пришла, и не знала, чем именно ей может помочь стоящий на пьедестале золотой человек, будь он даже самым милосерднейшим существом на Земле. Она прекрасно понимала, что тот, в чьих силах действительно было что-то сделать, сейчас сидит в этом же здании, этажом ниже, за похожими на сказочные дверями и уже сказал свое «Нет!» И все же Ольга осознавала, что, когда она выплывет перед Яином и выйдет отсюда, ей станет намного легче. Точно так же каждый человек, стоящий рядом на коленях и пришедший в Обитель из-за какой-то жизненной сложности, тоже понимает, что этот визит не разрешит его проблем, зато принесет душевное успокоение.

– Милосердная Ольга! – раздался удивленный возглас. – Ты ли это?

Ольга вздрогнула и оглянулась. Рядом с ней стоял человек в расшитом золотом плаще с гербом Яина на груди.

– Милосердный Диид! – обрадовалась Ольга. Они не виделись с ним с тех пор, как она уехала работать на океанскую платформу.

– Ты плачешь, милая? Что-то случилось?

Отвращиваться было поздно. Он взял ее за руку и отвел в дальний угол Обители, чтобы не мешать другим паломникам.

– Милосердный Диид, я в отчаянии, – прошептала Ольга. – Я не знаю, что делать.

– Поделись. Быть может, вместе благодаря Милосердному Яину нам удастся решить твои беды.

– Скажите, наставник, должна ли я быть милосердной к любому существу на Земле?

– Конечно, милая, – ответил наставник. – Милосердный Яин именно этому учил нас. Мы должны отзываться на любой зов страждущего.

– Но если в моих силах спасти человека, а все обстоятельства против меня?

– Нет обстоятельств выше, чем сострадание!

– А что делать, если, исполняя долг милосердия, мне придется нарушить закон государства? – всхлипнула Ольга.

– Нарушить закон? – Наставник Диид удивленно наморщил лоб. – Возможно ли такое? Закон общества как раз и создан для того, чтобы оберегать людей. По идее, закон и милосердие – понятия неразделимые.

– А если помощь нужна человеку, для спасения которого все-таки нужно преступить закон?

– Если закон запрещает тебе кому-либо помогать, быть может, на то есть веские причины? Задумайся, не совершишь ли ты этим поступком зло.

– Как я могу совершить зло, творя милосердие? – вскричала Ольга.

Она умолкла, увидев обращенные на нее взгляды.

– Ответьте, наставник, разве Милосердный Яин разделял людей на достойных и недостойных его милости? – продолжала Ольга тише. – Разве могу я, ступив на его путь, выступая под его гербом, остаться в стороне, когда погибает человек, который обратился ко мне за помощью?

Наставник задумался.

– Что ж... – наконец произнес он. – Тогда поступай так, как велит тебе сердце. Только помни, что и милосердие должно подчиняться разуму. Ведь именно милосердие Яина привело когда-то к краху Алмазного Дворца и изгнанию ялгов из Ваалкомеры. Это урок, который не стоит забывать. Будь разумна, дитя мое!

Ольга поклонилась:

– Спасибо, наставник. Я подумаю над вашими словами.

Она еще раз взглянула на золотую фигуру Милосердного Яина, словно надеясь получить у нее поддержку. Но губы статуи, как всегда, остались неподвижны. Она еще раз поблагодарила наставника и ушла.

Очувтившись в кресле своего «музейного артефакта», Ольга долго сидела, опустив голову на штурвал.

– Куда едем? – спросил «внутренний голос». – Я настрою навигатор.

– Домой, Хела... Домой!

Ольге хотелось яростно мчаться, выжимая всю мощь из потрепанного суденышка, чтобы забыть обо всем. Но вместо этого катер с черепашей скоростью тащился по каналу в медленно ползущем транспортном потоке. Продвинувшись на полкорпуса вперед, катер замирал на пять-десять минут. Ольгу беспощадно подрезали водилы из соседних рядов, обгоняли, мчась по линиям, предназначенным для аквабусов, между катерами проносились аквабайки, поднимая такие волны, что приходилось включать дворники и стгонять воду с лобового стекла. Впереди показался перекресток: в центральный канал с двух сторон вливалось еще два транспортных потока, отчего продвижение вперед вообще сводилось на нет. В какой-то момент Ольга не выдержала, и вся ее ярость обрушилась на пластиковую панель ни в чем не повинного катера. Она била кулаком до тех пор, пока на стекле спидометра не появились трещина и капли крови, а кисть не заныла от боли. Тогда она со слезами уронила голову на штурвал.

– Почему? Почему все так?

Ольга прекрасно понимала, что дело вовсе не в пробке. Ждать она умела, причем годами. Но ждать можно лишь тогда, когда в этом есть смысл. А если завтрашний день сулит лишь новые разочарования?..

В душе Ольга старательно оправдывала прокуратора Ваалг, говорила себе: «Она ведь в первую очередь думает обо мне, о моей безопасности». И все же Ольга не могла простить себе свою беспомощность. «Помогать и спасать»... Но теперь вдруг выяснилось: помогать и спасать, но не всем!

Ольга вздрогнула, услышав рев клаксонов. Перед ее катером образовалось пустое пространство, и водителей, что двигались позади, справедливо возмутило, что она не торопится его занять. Ольга заметила рядом поворот в узенький канал, ведущий в подворотню, повернула и заглушила мотор на парковке у какого-то офисного здания. Заперев «артефакт», она пошла к ближайшей станции метро.

Обычно она с теплом относилась ко всему на свете, старалась быть позитивной, но в тот день ее все раздражало. Особенно люди. Эти идут слишком медленно – так, что хочется зло растолкать их локтями! А те наоборот – обгоняют и подрезают, едва не сталкивая с тротуара! В какой-то момент Ольге захотелось попросту обругать всех прохожих и наброситься на них с кулаками. Но, взглянув на их лица, она вдруг прочла в них те же мысли.

«Неужели на улицах всегда так людно? – подумала она. – Почему я не замечала этого раньше?» Ведь в прошлом она больше года проработала в столице. И тут же поняла: да потому что я впервые оказалась на тротуаре в час пик! На работу – пораньше, с работы – попозже, таков ее обычный распорядок дня. Некоторые знакомые считали ее трудоголиком, но большинство – сумасшедшей. Правда, сейчас при мысли о работе Ольге стало тошно. Едва она вспомнила о том, что с утра пораньше нужно будет снова тащиться в Центр Милосердия и заняться ерундой, ей тут же захотелось туда опоздать. А лучше вообще не ехать, прогулять! И она вдруг подумала, что если поступит так, то этого все равно никто не заметит. Ведь ее работа никому не нужна!

Опускаясь на самое дно столицы – в подземку, Ольга вглядывалась в лица людей, движущихся вверх на соседнем эскалаторе. Усталые, хмурые, с отпечатком нескончаемых забот. Эти люди, скорее всего, думают, что жизнь их – сплошная мука, полная проблем, разочарований, горя и принятия бесконечных решений. Ольга и сама именно так неоднократно рассматривала свою жизнь. И впервые задумалась: так ли все у нас плохо на самом деле? Насколько тяжела жизнь среднестатистического гражданина Грасии? Насколько сложны и неразрешимы его проблемы? Насколько серьезны разочарования и невыносимо горе? Ведь все познается в сравнении.

Взять, к примеру, Средневековье. Сейчас города не выкашивает никакая-нибудь чума – медицина давно поборола самые страшные болезни и продуктивно ищет способы избавиться от оставшихся. Современные люди не боятся, что завтра явятся какие-нибудь кочевники, чтобы вырезать их семьи, а выживших угнать в рабство. Для большинства людей слово «война» ассоциируется исключительно с учебниками истории или кинобоевиками. Когда-то едва ли не каждый год пожары уничтожали целые города, наводнения смывали деревни, а после засух наступали многолетний голод и мор. Теперь у нас есть пожарные службы, против наводнений построены дамбы и гранитные набережные, а налаженная торговая сеть не позволяет голодать. Людям теперь не нужно тратить недели, чтобы добраться в другой конец страны или мира: наука дала им самолеты, пароходы, поезда, автомобили, а можно вообще поболтать с другим континентом, не выходя из дома, – есть интернет и телефон. Еду хозяйкам давно помогают готовить микроволновые печи, кухонные комбайны, индукционные плиты. А образование? Любой ребенок сейчас способен умножать многозначные числа, читать и писать, о чем лет сто назад не могли даже мечтать большинство взрослых. А способов развлечений теперь придумано столько, что люди устают отдыхать. Но спроси любого из них: счастлив ли ты? И что же услышишь в ответ? Нет! Имея все это, большинство людей продолжают считать себя несчастными! Человечество ненасытно в своих желаниях! А каково приходится тем, кто и сейчас продолжает жить в Средневековье? Каково, например, девочке Луизе, живущей среди варваров и вынужденной умирать от болезни, которую давно победила современная медицина?

Когда Ольга сошла с межостровного экспресса на Елтине, лил дождь. Она сначала хотела сесть на аквабус, но передумала и пошла пешком. Четыре мили? Плевать!

– Хела, включи какую-нибудь музыку, – попросила она.

В наушнике заиграла спокойная мелодия с нежным женским вокалом. Ольга не разбира- лась в современной эстраде, понятия не имела, что это за певица, но сейчас именно эта музыка соответствовала состоянию ее души. Да уж, Хела точно научилась угадывать настроение своей не виртуальной подружки!

Подставляя лицо бодрящей мороси, Ольга шла по широкой и пустынной пешеходной дорожке – дождь загнал всех по домам. Вокруг благоухал зеленью ее родной край, простира- ясь вдаль, сколько хватало глаз, низенькими домиками, купающимися в зелени садов. Жилой Елтин, в отличие от шумной офисной столицы, выглядел домашним, навевал мир и покой. В родительский дом Ольга пришла мокрая, замерзшая, но зато отдохнувшая от мрачных мыс- лей и почти не думающая о проблемах. Все – завтра!

– Оленька, какая-то ты сегодня странная, – заметила мать, глядя, как дочь без аппетита ковыряет вилкой омлет. – Что-то случилось?

– Я в отчаянии, мама, – призналась та, отодвинув тарелку. – Ко мне обратились с прось- бой, у человека настоящая, серьезная беда. Я же, как оказалось, не в силах помочь!

– А, ты про ту девочку с Эмери, о которой говорила вчера? – насторожилась мать.

– Да. Сегодня прокуратор Ваалг отказала мне в командировке.

– Быть может, прокуратор права?.. – осторожно начала мать. И в ее интонации было слышно, что она рада, именно на это она и надеялась.

– Права?! – Ольга едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. – Ко мне обратился за помо- щью ребенок, а я должна сидеть и делать вид, что ничего не произошло? Ты считаешь, что это правильно, мама?

– Ну... Каждого в первую очередь заботит судьба его собственного ребенка, – ответила мать, с тревогой взглянув на Ольгу.

– Конечно же, беды чужих детей – проблемы их родителей! – горько усмехнулась та.

Мать опустила голову.

– Ой, дались тебе эти пираты! – воскликнула Даша, выглянув из своей комнаты, при этом не прекращая обрабатывать тушью длиннющие ресницы. – Будто других забот нет...

– Что? – Ольга вскочила от негодования. – Это говоришь ты, сестренка? Ты, у которой иных проблем нет, кроме как не пропустить по телеку концерт какого-то смазливового маль- чишки и навести марафет в салоне красоты, а мысли заняты лишь тем, какую картинку уви- дят друзья в соцсетях? И ты мне говоришь «других забот нет»? Да и вообще, за те пару дней, что я получаю письма в своем Центре Милосердия, у меня возникло ощущение, что в нашей стране не осталось иных трудностей, кроме как устроить бездарного внука в консерваторию, где бы отдохнуть покомфортнее да как за бесценку подправить свою стареющую физиономию. В нашем современном мире почти не осталось серьезных проблем, а благодаря совершенной медицине большинство людей живут так долго, что едва ли не умирают от скуки. А где-то там, за океаном, есть девочка, которой нужна реальная помощь! Ре-аль-на-я!..

Ольга отвернулась, вытирая слезы. Она долго молчала, глядя, как за окном дети играют в войну. Дождь кончился, и детвора снова высыпала на улицу. Впереди всех бегал ее младший братец Рома, размахивая игрушечным пистолетом.

– Мама, я поеду туда! – тихо, но твердо сказала она.

– Оля!..

– И плевать на любые доводы. Я дала присягу: «Помогать и спасать». Всем помогать! И всех спасать! Без исключения!

– Доченька, ты понимаешь... – начала мать и тут же замолчала. Она не могла влиять на решения упрямой старшей дочери с той поры, как та пошла в детский сад: если та что-то решила – сделает непременно, чего бы ей это ни стоило.

Ольга хлопнула ладонью по столу:

– Я выезжаю завтра!

18 дней до возвращения

Приехав с утра пораньше в Центр Милосердия, Ольга сразу же отправилась на причал, туда, где стоял катер, пафосно названный журналистами «Стрелой надежды». Капитан Уилкс ползал по кораблю, надраивая его до блеска. Он занимался этим постоянно, словно готовил свое суденышко к параду. Ольге еще в момент знакомства понравился этот бодрый и веселый старичок с вечно всклокоченными белыми, как морская пена, волосами и аккуратно подстриженной, но пышной бородой. Он и минуты не мог усидеть на месте, и глядя издали на его бесконечную суету, можно было решить, что это мужчина в расцвете сил, а вовсе не семидесятилетний дед. Лишь седина и морщины красноречиво говорили о его возрасте, а многочисленные шрамы – о многолетней боевой славе. Именно благодаря активной жизненной позиции капитан, уйдя в отставку, не отправился доживать век на какой-нибудь комфортный островок, а вместе со списанным из армии десантным кораблем, на котором он ходил долгие годы, согласился послужить еще, пусть и в мирном Центре Милосердия.

– Доброе утро, капитан! Скажите, наш катер готов отправиться в плавание? – с ходу начала Ольга.

– Всегда готов. Я командовал этой девочкой сорок лет и уверен, что она пробежала бы, не запыхавшись, еще лет двадцать, если б не списали. Но с командованием, как говорится, не спорят... – Капитан прыгнул с острого носа катера на пирс. – А куда идем?

– К Эмери.

– Эмери? – Капитан вытаращил на Ольгу глаза. – Если прикажете, я готов хоть в Бермудский треугольник, но... Ты ничего не путаешь, дочка?

– Не путаю. Мне нужно именно на Эмери.

Капитан Уилкс задумчиво гладил бороду, с недоверием поглядывая на свою начальницу.

– В тех местах я отстреливал пиратов всю свою сознательную жизнь. Но что вам-то понадобилось в этой клоаке?

Ольга вкратце рассказала про письмо.

– Да уж, доброе дело, – кивнул капитан. – Да только мы не сможем туда отправиться вот так, ни с того ни с сего.

– В чем проблема?

– Конечно, катер-то готов к любому походу, хоть на край мира. Я лично все каждый день проверяю. Старая привычка. Как-никак четыре десятка лет на этой девочке ходил... Но для такого путешествия мне понадобится помощник.

– Кто-кто? – растерялась Ольга.

– Понимаете, Оленька, в экипаже каждого корабля, который собирается отправиться в столь опасные места, обязательно должны быть как минимум два человека, способных управлять судном. А если со мной что-нибудь случится, да еще и вдали от цивилизации? Что вы будете делать? Тем более у Эмери! Там-то подмоги будет ждать неоткуда.

– Но помощник капитана нам не положен по штату! – воскликнула Ольга.

– То-то и оно, а должен быть! Видимо, те, кто создал эту службу, рассчитывали, что нам не придется заниматься спасением за пределами цивилизованной части архипелага. Хотя, честно говоря, думаю, когда вам выдавали этот катер, никто и не помышлял о том, что ему вообще хоть раз придется покинуть причал. Потому, наверное, меня, старика, сюда и приставили. Не столько для дела, а скорее так – для вида...

«Похоже, все, кроме меня, с самого начала понимали, что наш Центр Милосердия – фикция, – с досадой подумала Ольга. – Ничего, я поступками всем докажу, что это не так!»

– Откуда вообще берутся эти самые помощники капитанов? – спросила она.

– Ну, сначала их готовят в училище на Артисане, а потом распределяют на корабли – торговые или туристические. Для военного флота учат в военной академии на Ди Гуэрра. Иногда в службах занятости можно встретить вольнонаемных специалистов вроде меня, уволенных в запас или списанных в резерв, но которые еще хоть куда! – Капитан самодовольно хмыкнул, покрутив ус.

– Списанных в резерв, говорите... – повторила Ольга, и у нее в памяти колыхнулось какое-то смутное воспоминание. Что-то связанное с Ларой Мининой. – Ладно, я что-нибудь придумаю.

Ольга привыкла доверять своим предчувствиям. Раз в памяти всплыла Лара, значит, нужно звонить Ларе. По пути к Центру Милосердия она достала телефон и набрала номер подруги.

– Привет, подружка. Как дела? – раздался из трубки веселый голос журналистки.

– Слушай, Лар, я по делу. У тебя случайно нет знакомых флотских офицеров, которым нужна работа?

– Есть конечно. Целая эскадра только и ждет команды к отплытию. Выбирай любого.

– Что, правда? – обрадовалась Ольга.

– Шучу. – Лара хихикнула. – Откуда? Я же журналюга, а не боцман! Но если у тебя появится какой-нибудь симпатичный на примете, ты звякни, если что... А вообще, тебе зачем? Решила-таки приударить за каким-нибудь капитаном? Ты, случаем, не забыла, что выскочить замуж за капитана всегда было моей, а не твоей мечтой? – Лара залилась звонким смехом, но тут же осеклась. – Надеюсь, это не связано с твоими расспросами об Эмери?

– С чего ты взяла? – возразила Ольга. – Так, просто спросила... На всякий случай...

– Ты это, подружка, не дури, – серьезно сказала Лара. – С такими вещами не шутят. Эмери – это...

– ...очень опасное место. Наслышана. Ладно, забудь. – Ольга отключилась.

Что делать? И «внутренний голос» тут не помощник...

Зайдя в кабинет, Ольга принялась просматривать в интернете на сайтах с вакансиями резюме вольнонаемных моряков. Разослала несколько предложений. Даже обратилась в одну службу занятости, но тут же отказалась от подобных попыток: когда там узнали, что требуется специалист не в штат, а на время, да еще и плыть на Эмери, менеджер по трудоустройству чуть ли не шепотом сообщила, что у них серьезная фирма и «сомнительными делами» они не занимаются. «Они, наверное, решили, что я перевожу контрабанду», – поразила Ольга.

Около полудня неожиданно зазвонил телефон. На экране незнакомый номер. Ольга ответила.

– Здравствуйте! Ольга? – Голос у собеседника был такой, словно он беспробудно пьянствовал не один месяц, да и сейчас еще не отошел после вчерашнего.

– Да, это я, – ответила Ольга. – А вы, простите, кто?..

– Меня зовут Нико. Николас Дуарте. Помните, мы позавчера виделись на аллее Опус у фонтана. С вами была еще такая заводная подружка – из тех, кто «несет правду»...

– А, да, да... – Ольга вспомнила назойливого парня, что клеился к Ларе, и тут же припомнила, что тот представился как... помощник капитана в резерве! Так вот почему при мысли о морских офицерах в ее памяти всплыла Лара! Да только пропитый голос собеседника тут же погасил ее восторг. Видимо, Лара тогда была права – наверняка конченный алкаш.

– Мне пришла эсмэс от вашей подружки. Она написала, что вы ищете помощника капитана для путешествия на Эмери...

Ольгу пробил озноб: «Неужели Лара кинула клич по всей своей адресной базе? Теперь полстолицы знает, куда я собралась!»

– Дело в том, что я сейчас без работы... – продолжал звучать пропитый голос Нико.

– Извините, но мы уже рассматриваем одно предложение, – быстро проговорила Ольга.

– Но, поверьте, я вам подойду лучше других!

– Почему это?

Нико замялся.

– Ну... у меня большой опыт... А еще мне приходилось бывать в тех местах.

– С этим проблем нет. Думаю, капитан нашего катера знает тот район получше вашего. Он там служил. Всего хорошего. – Ольга хотела отключиться.

– Вы должны взять на Эмери именно меня! – вскричал Нико.

Ольга аж растерялась от такого напора.

– Я же вам сказала, – твердо, едва ли не по слогам проговорила она. – Вакансия закрыта!

И бросила телефон на стол.

«И все-таки помощника-то где-то взять нужно, – с горечью подумала Ольга. – Причем как можно быстрее. Если прокуратор Ваалг узнает, что я намерена нарушить ее указание, мне не дадут даже покинуть Магнус...» Она снова пролистала сайты с вакансиями, но там ее ждало разочарование. Ольга уронила голову на руки. На все отправленные ею предложения пришли отказы. Ни одного кандидата! Те же, что ответили на вакансию, тут же отказались, едва узнав, куда предстоит отправиться.

– Ладно, я понял, – раздался из телефона голос.

Ольга вздрогнула. Она была уверена, что давно отключилась.

– Простите, что похитил ваше время, – сдался Нико. – До свидания.

– Погодите! – вскричала Ольга, снова схватив телефон.

«Милосердный Яин, что я делаю? Помощник капитана нам, конечно, нужен, но у этого парня явные проблемы!..» И тут же одернула себя: «Но где я сейчас найду другого?»

– Думаю, мы сможем договориться, – вздохнула она.

– Когда и откуда стартуем? – быстро спросил Нико, словно опасался, что она передумает.

Ольга продиктовала адрес.

– Раз дело касается Эмери, я не подведу. Можете мне верить! – весело сказал он.

Ольгу насторожила эта веселость. Чего он так обрадовался, если другие моряки приходили в ужас, едва она называла цель их путешествия? А еще он даже не спросил о сумме гонорара!..

Следующие три часа ушли на погрузку катера. Ольга пробежалась по окрестным магазинам и потратила кучу наличных, закупив недельный запас продуктов, различные медикаменты и кое-какое снаряжение, которое, по словам капитана, может потребоваться им в пути. Она время от времени поглядывала на часы, но Николас Дуарте все не появлялся. Ольга уже начала беспокоиться, вспоминая его похмельный голос. Насколько надежен этот человек? Она ведь его едва знает!.. Но за двадцать минут до назначенного для отплытия времени Николас вошел в Центр Милосердия – подтянутый, выбритый и в хоть и поношенной, но опрятной и выглаженной парадной форме флотского офицера.

– Ну что ж, я готов! – воскликнул он, широко улыбнувшись, и этот его довольный вид еще больше насторожил Ольгу.

Капитан Уилкс скользнул по новоявленному помощнику суровым взглядом и недовольно проворчал:

– Типичный пират!

Вопреки переживаниям Ольги никто не помешал их отплытию. Видимо, прокуратор Ваалг даже подумать не могла, что она посмеет ослушаться и проявит своеволие. Команда тоже не роптала, покорно соглашалась с приказами своей начальницы. Хотя у всех на лицах она прочла озабоченность, а у Мишель – даже страх. Глядя в их тревожные глаза, Ольга подумала вдруг: «Милосердный Яин, что же я делаю? Ведь еще не поздно передумать!» Но она тут же отогнала эту мысль и, чтобы не видеть удаляющийся за кормой столичный остров Магнус, перешла на нос корабля: «Так или иначе решение принято! Теперь – только вперед!»

Спустя час они прошли мимо ульфельдийского острова Фреммед, в международном порту которого стояли такие огромные океанские лайнеры, что их катерок выглядел рядом с ними мухой у слона, затем обогнули корабельные верфи Скибсварфта и вышли к регио Ялг. Спустя еще час, когда миновали ялгский остров Пуэрто, капитан Уилкс указал вдаль на едва виднеющийся клочок суши и торжественно объявил:

– Вот он – регио Эмери! Уж и не думал, что когда-нибудь судьба снова забросит меня в эту дыру.

– Надо же, и не верится, что это те самые места, где свирепствуют настоящие пираты, – едва не захлопала в ладоши Мишель.

Ольга не разделяла ее восторга. Она пристально вглядывалась вдаль.

– Что это впереди? – спросила она.

– Пасео, – ответил капитан Уилкс. – Второй по величине остров этого района. Его контролируют грасийские войска, потому он относительно безопасен. Если около Эмери вообще бывают безопасные места...

– Да нет, я об этом... – Ольга указала туда, где на океанской глади виднелась цепочка темных точек. Они располагались примерно на равном расстоянии друг от друга, и создавалось ощущение, что по океану раскинута гигантская сеть.

– Мурус, – сказал стоящий позади Нико и добавил с усмешкой: – Щит цивилизации от эмерийских пиратов. Да будет славен он вовек!

И, сделав жест, словно произнес тост, помощник капитана отхлебнул из фляжки.

– Мурус? – удивилась Ольга. – Так ты хочешь сказать, что все эти точки...

Нико протянул ей бинокль.

– Это же корабли! – поразилась Ольга, всматриваясь в серые плавучие крепости, ошестиненные стволами орудий. – И какие большие!

– Крейсера. – В голосе капитана Уилкса послышались одновременно гордость и печаль. – Я всю жизнь прослужил на них.

– Как их много!

– Практически все грасийские войска сосредоточены здесь, – объяснил Нико. – На архипелаге ведь, кроме этого, не осталось районов, где есть необходимость стрелять. Везде обходится полицией. Ну а в случае чего эти силы всегда можно быстро перекинуть в любой другой.

– И насколько огромна эта стена из кораблей?

– Не стена, – поправил Нико, – а кольцо!

– Хотите сказать, что этот флот окружает весь район?

– Не весь, но большую его часть. Ту, которую контролируют эмерийцы. Полторы сотни крейсеров стоят на расстоянии примерно морской мили друг от друга. Таким образом, остров Эмери заключен в стальное почти стопятидесятимильное кольцо, которое отделяет его от остального мира.

– Но если между кораблями такое большое расстояние – в целую милю, разве пираты не могут проскочить в эту брешь? – Ольга с восхищением рассматривала эту боевую сеть.

– Сложно. Военные ведь не дураки, чтобы оставлять лазейки. Между кораблями постоянно курсируют патрульные катера, а на крейсерах установлены радары. Стоит к Мурусу приблизиться даже крохотному кораблю без разрешения, его мгновенно накроют десятки орудий. Причем неважно, с какой стороны подойдет судно. Для всех, кроме грасийских военных, проход закрыт в обе стороны.

– Но ведь пиратам ничто не мешает собрать флот, ударить разом в одном месте и, прорвав Мурус, например, напасть на какой-нибудь мирный остров архипелага.

– Мешает. И еще как! – усмехнулся Нико. – Есть причина, которая не позволяет пиратам совершать подобные атаки. Как это ни парадоксально, но им мешает то же самое, что не дает правительству Грасии стереть эмерийцев с лика планеты.

– А оно может?

– Вы же сами видите, какой флот охраняет архипелаг. Пусть он несколько устаревший, ведь развитие морского дела у нас в Грасии застряло где-то в эпохе Второй мировой. Зато за последние полсотни лет этих допотопных кораблей настроили до черта. Как думаете, чего стоит один только залп всех этих крейсеров? Атакуй они все разом, Эмери в мгновение ока превратится в выжженную пустыню.

– Выходит, правительство архипелага в любой момент может покончить с пиратами? – поразилась Ольга. – Так почему же оно до сих пор этого не сделало?

– Тут все дело в политике. Представляете, как во всем мире отнесутся к нашей стране, если узнают, что она под корень истребила целый народ? Организация Объединенных Наций и так смотрит на всю эту ситуацию с подозрением. Да и внутри нашей страны журналистам стоит лишь рот раскрыть в новостях – и вы же первая встанете на защиту «бедных эмерийцев» и осудите геноцид, завопите: «Эмерийцы тоже люди!» Именно поэтому и существует этот Мурус: с одной стороны – он защищает архипелаг от буйного нрава пиратов, с другой – не позволяет погибнуть эмерийскому народу, истребление которого может спровоцировать конфликт между нашим архипелагом и другими государствами.

– Если все обстоит так, как вы говорите, позиция Грасии в таком случае ясна: наша крохотная страна вынуждена считаться с мнением мирового сообщества. Хотя и не очень ясно, какое право имеют чужие страны вмешиваться в наши дела, – задумчиво сказала Ольга. – Но пиратам-то что мешает грабить наши острова? Они-то не скованы ни политикой, ни общественным мнением.

– Не совсем так. – Нико с довольной улыбкой отхлебнул из фляжки. – Судите сами. Если эмерийцы, как вы говорите, начнут грабить острова и убивать мирных жителей, вся общественность архипелага возмутится и станет требовать от правительства покончить с «эмерийской чумой». Наше правительство в свою очередь предоставит ООН доказательства, что, мол, поведение эмерийцев угрожает безопасности не только Грасии, но и всей планеты. И тогда мировая общественность закроет на конфликт глаза и наши военные мигом сделают свою работу. Эмерийцы, несмотря на свою воинственность, прекрасно это понимают. Так что между ними и правительством архипелага существует нечто вроде негласной договоренности. Пираты атакуют лишь залетные корабли, слишком близко подошедшие к их острову, военные же отстреливают особо наглых пиратов и проводят регулярные патрульные рейды за Мурус для уничтожения особенно активных пиратских эскадр. Но ни те, ни другие ни за что не перейдут к более серьезным боевым действиям.

Тут Ольга вспомнила недавний взрыв в Центре культуры ялгов на ее родном острове.

– И все же кое-кому из пиратов удается перебираться через Мурус, раз в Грасии случаются теракты.

Нико не ответил, лишь пожал плечами.

– Я смотрю, вы так хорошо осведомлены об эмерийских проблемах и способах пересечения Муруса... – Капитан Уилкс метнул холодный взгляд на своего помощника.

– На что это вы намекаете? – Тот с вызовом повернулся к капитану.

– На то, что больно подозрительно ты себя ведешь, – ответил капитан, тоже выпрямившись и сжав кулаки.

– Так, успокойтесь оба! – воскликнула Ольга, быстро встав между ними. – Нико, вам следует с большим уважением относиться к своему капитану. Не заставляйте меня пожалеть о том, что я наняла вас в команду. Да и вы, капитан, оставьте свои подозрения. Если у вас были какие-то возражения, нужно было их высказывать на Магнусе. Теперь же мы члены одной команды, и я не потерплю раздоров!

Нико вздохнул и отвернулся, отхлебнув из фляжки. Капитан Уилкс ушел к штурвалу, но продолжал бросать в сторону своего помощника недовольные подозрительные взгляды.

– Смотрите, нас встречают! – прокричала Мишель, указывая вдаль.

От одного из крейсеров, которые уже стали так близки, что невооруженным взглядом можно было разглядеть их пушки, отделились три точки и устремились им навстречу. Вскоре стало ясно, что это три небольших катерка.

– Вот увидите, сейчас нам скажут убираться туда, откуда мы пришли, – сказал капитан Уилкс. – Тут не любят гражданских.

В подтверждение его слов со стороны катеров раздался голос, усиленный громкоговорителем:

– С вами говорит командир патруля крейсера Э-148. Вы вошли в зону, контролируруемую грасийскими войсками. Немедленно разверните корабль и покиньте территорию.

– Что я говорил? – вздохнул капитан Уилкс. – Только топливо зря потратили и время потеряли. Ну что, разворачиваемся?

– Нет, – твердо сказала Ольга. – Я отправилась сюда выполнить миссию и не вернусь, пока этого не сделаю!

– Но...

– Просто остановите катер.

– Ничего из этого не выйдет, – вздохнул капитан, но подчинился.

Патрульные корабли приблизились почти вплотную. На ближайшем появился мужчина в офицерской форме с мегафоном в руке.

– Эй, вы оглохли? – рявкнул он в громкоговоритель, хотя расстояние между ними теперь было всего метра три. – Быстро разворачивайте свое корыто и...

Пока он говорил, Ольга взошла на нос катера и подняла над головой удостоверение – так, чтобы офицер смог разглядеть его корочку, сине-зеленую, как флаг Грасии. Такие имели только члены правительства. Офицер явно разглядел, так как мгновенно умолк и застыл с открытым ртом.

– Как вы уже поняли, я представитель правительства архипелага, – сказала Ольга, – и прибыла сюда с важной миссией. А потому требую, чтобы нас немедленно пропустили через Мурус!

Офицер растерялся еще больше.

– Но... я не компетентен принимать такие решения, – пролепетал он уже без помощи мегафона.

– Так отведите меня к тому, кто компетентен!

– Минутку. Пожалуйста, оставайтесь на месте, – быстро сказал офицер и скрылся в рубке своего катера. Вскоре появился, при этом вид у него был весьма озадаченный.

– Мне приказали сопроводить вас до порта Пасео. Следуйте за нами, – скороговоркой объявил он и строго добавил: – Предупреждаю, любые подозрительные действия будут расцениваться как акт агрессии.

И снова исчез в рубке.

Один из патрульных катеров пристроился перед носом их судна, два других – со стороны кормы. Им в спины направили стволы пулеметов.

– Мы же прибыли с этой стороны Муруса, – удивилась Ольга. – Да и удостоверение мое они видели. К чему такие предосторожности?

– Здесь столько контрабандистов и террористов, что эта перестраховка вполне оправдана, – сказал капитан Уилкс, взявшись за штурвал и направляя катер следом за патрульным. – У нас на флоте был один случай. Это произошло еще до установления Муруса, и между войсками и эмерийцами шла открытая война. Так вот, как-то на крейсер прибыла группа десантников. Их, как и полагается, приняли на борт. А оказалось в итоге, что это никакие не новобранцы, а переодетые эмерийские пираты. Всю команду вырезали, а крейсер до сих пор встречают в качестве флагмана пиратской эскадры. А вы говорите о доверии.

Ольга слушала, а сама не сводила глаз с огромных ощетилившихся пушками правительственных боевых кораблей. Вблизи они оказались такими огромными, что на своем крохотном катерке она ощутила себя ничтожно маленькой. Затем они повернули к острову и следующие минут пятнадцать шли вдоль зеленой стены густого леса, лишь время от времени в этой зелени мелькали яркие пятна – сплошь покрытые розовыми цветками кусты. Кое-где из гущи деревьев пробивались втекающие в океан речки, виднелись живописные водопады и множество скал. Ольга всматривалась в чащу, стараясь различить среди этой зелени хоть какие-то постройки. Ничего! Край выглядел совершенно диким.

– Я думала, в архипелаге не осталось больших островов, не превращенных в мегаполисы, – воскликнула Ольга, замороженно рассматривая чащу.

– Это не лес, – отозвался Нико. – Это город!

– Город? – удивилась Ольга, но, кроме все того же лесного пейзажа, не увидела ничего нового. – Где?

– Да вот же он. Мы идем мимо него.

Ольга присмотрелась и теперь вдруг поняла: то, что она приняла за скалы, на самом деле оказалось домами. Выстроенные из скальной породы, они настолько поросли мхом и выющимися растениями, что казались частью ландшафта. Похоже, эти дома пустовали десятки лет. Многие развалились и превратились в руины, но в тех, что уцелели, теперь Ольга различила отверстия окошек и дверей. Кое-где, как ей показалось, среди леса виднелись даже остатки разбитых, заросших травой и кустарником площадей и дорог.

– У эмерийцев было принято возле каждого дома высаживать сад, – объяснил Нико. – Это делали у всех зданий, даже будь то офис или магазин. Но за годы запустения эти сады настолько одичали и разрослись, что превратили города в лесные дебри.

– Варвары, – сухо прокомментировал капитан Уилкс. – Живут как дикие звери, вот и выращивают вокруг себя леса.

– Между прочим, у нас на Елтине перед домами тоже принято высаживать цветники, кусты и даже деревья, – заметила Ольга.

Капитан фыркнул и снова уставился вперед.

– Такой красивый край, – заметила Ольга. – С трудом верится, что тут идет война.

– О, а вот и порт! – объявил Нико.

Теперь Ольга заметила, что прямо по курсу среди деревьев возвышаются большие ворота, а справа и слева над ними – две укрепленные вышки с пулеметами. Идущий впереди патрульный катер повернул к ним.

– Осторожно! – вдруг крикнул капитан Уилкс и рванул штурвал так, что катер качнуло и Ольга повалилась на палубу. Падая, она успела заметить, как среди листвы что-то блеснуло, и раздалось несколько хлопков.

– Чертовы пираты! – рявкнул капитан. – Благо сноровка еще осталась, а то пошли бы ко дну...

– Что случилось? – прокричала Ольга, вскочив на ноги. И тут увидела, что один из сопровождавших их патрульных катеров охвачен пламенем и дымом. Через его борт перевалился горящий человек, а затем раздался взрыв, и вместо суденышка остались качающиеся на волнах дымящиеся обломки.

На переднем патрульном катере появился все тот же офицер с перекошенным злобой лицом.

– Нас обстреливают с берега! – прокричал он в мегафон. – Быстро идите к порту. И без фокусов – за вами следят пулеметчики. Они не промахнутся!..

Его голос заглушил грохот – разом залаяли пулеметы обоих оставшихся патрульных катеров. Они понеслись вдоль берега, поливая огнем лес. Из листвы выпал человек с чем-то черным в руках, видимо, оружием, всплеснул руками, скатился по песчаному склону к воде и замер.

Это все, что Ольга успела заметить, потому что капитан Уилкс, вцепившись в штурвал, выжал полную скорость. Перед кабиной мелькнули распахнутые ржавые ворота, вышки с нацеленными на катер стволами орудий, после чего Ольга и ее команда очутились в широком заполненном водой тоннеле. Там они едва не столкнулись со спешащими к выходу несколькими десантными кораблями, как братья-близнецы похожими на их катер. Едва те оказались снаружи, створки ворот со скрипом захлопнулись, подобно челюстям гигантского чудовища.

Теперь катер Центра Милосердия медленно двигался в полумраке тоннеля, освещенного тусклыми желтыми прикрепленными к потолку лампами. Слева и справа навстречу выплывали хищные морды небольших военных кораблей, пришвартованных у бетонных пирсов. Ольга обратила внимание, что эти пирсы черны от старости, зато стены тоннеля сложены из белого кирпича. Видимо, когда-то этот причал располагался под открытым небом, а стены и потолок выстроили не так давно. Кое-где на камнях причала и парапета сохранились рекламные таблички, указатели и надписи, свидетельствующие о том, что когда-то порт использовался в мирных целях.

– Для чего они это сделали? – тихо спросила Ольга. Сцена пылающего катера и переваливающегося через борт горящего человека все еще стояла у нее перед глазами.

– Это же эмерийцы, детка, – ответил капитан Уилкс, – пираты, которым даже ребенка прирезать ничего не стоит. Жестокость у них в крови.

– Не говорите ерунды, – перебил его Нико. – Как вы можете судить о народе, который совершенно не знаете?

– Это я-то не знаю? – усмехнулся капитан. – Да я отстреливал этих варваров, когда ты еще на четвереньках ползал.

– Да-да, вы говорили, что сорок лет прослужили во флоте. И много вы видели эмерийцев не через прицел пулемета?

– Слушай, ты, щенок! – взревел капитан, вскочив с кресла. Его голос эхом прокатился по тоннелю. – Я тут кровь проливал, чтобы такие, как ты, могли спать спокойно...

– Не такие, как я, уж поверьте... – Нико тоже вскочил.

– Это точно! Стоит взглянуть на твою бандитскую рожу!

– А ну-ка, хватит! – крикнула Ольга. – Хочу напомнить вам, что вообще-то мы прибыли сюда с миссией милосердия. Чтобы помочь ребенку. Эмерийскому ребенку!

Капитан и его помощник отвернулись в разные стороны и сделали вид, будто занялись делами. Однако Ольга заметила, с какой яростью они поглядывают друг на друга. «Ох, чувствую, доставит мне хлопот эта парочка». – И Ольга в очередной раз укорила себя за то, что так необдуманно укомплектовала свой штат.

– Эй, гражданские!

Они заметили стоящего на пирсе солдата.

– Гребите сюда!

Капитан подвел катер к свободному месту у пирса, бросил трос. Солдат поймал его, закрепил.

– Ждите здесь, – сказал он. – Скоро за вами придут.

И ушел.

– Все равно я не понимаю, как люди способны убивать друг друга, – сказала Ольга. – Лично я верю в мир во всем мире. Верю, что все народы могут жить в согласии.

– Я тоже когда-то был молод и думал как ты, детка, – отозвался капитан Уилкс. – Считал, что все народы достойны жить. Более того, я входил в общество борьбы за мир.

– Ого! Вы? В такое общество?..

– Да уж, верится с трудом, – язвительно вставил Нико.

– И все же это правда, – покачал головой капитан.

– Но как тогда вас занесло в армию? – удивилась Ольга.

– Мой папаша. Он дослужился до полковника, всю жизнь провел в войсках, скитался по военным базам, на одной из которых я и родился. Гражданских мой папуля терпеть не мог: считал их белоручками, говорил, что они живы лишь потому, что есть такие, как он, – военные. Вообще, у меня с отцом было множество разногласий, мы не сходились с ним практически ни в одном вопросе. У меня даже с детства вошло в привычку с ним спорить. Может быть, именно поэтому я и вступал в любую партию, поддерживал любую идеологию, с какой был не согласен мой отец.

Когда я окончил среднюю школу и пришло время задуматься о дальнейшей жизни, отец настаивал на поступлении в военное училище. Я, конечно же, был против. Тогда тот заявил, что не станет оплачивать мое обучение в гражданском вузе, мол, не желает самостоятельно помогать сыну получить какую-нибудь унижительную профессию: либо военное училище, либо иди работать! Я бы и сам выбился в люди, без его подачек... Да только мне вдруг пришла в голову идея. В то время я был одним из самых активных членов школьной организации борьбы за мир. Я решил, что хватит размахивать лозунгами на демонстрациях, пора перейти к более серьезным действиям. Я заявил отцу: раз он хочет, чтобы я стал военным, пусть будет так, но я приложу все усилия, чтобы подорвать его любимую армейскую систему, причем изнутри.

Хорошо развитый физически и имея высокие оценки в аттестате, я без труда поступил в Грасийское военное училище имени Люсьена Вилларе на Ди Гуэрра. При этом я выбрал самую гуманную, на мой взгляд, специальность: капитан транспортного корабля – вроде и в армии, но в то же время стрелять ни в кого не придется. Очувтившись в казарме, я, не изменяя своим принципам, начал среди сокурсников активную пропаганду того, что армия – есть зло, а наше занятие в будущем – истребление других людей. Некоторые пытались мне возражать тем, что наш архипелаг давно бы захватили и поработили, не будь у нас надежной армии. К тому же как раз в те годы начали свои набеги эмерийские пираты. На что я отвечал: если бы ни у кого не было армий, некому было бы захватывать и поработать! Стремиться надо не к увеличению оборонной мощи государств, а наоборот – к сокращению их армий, причем повсеместно, во всем мире. Я бесчисленное количество дней провел на гауптвахтах за распространение листовок, меня постоянно срамил начальник училища на плацу перед строем курсантов, показывая, каким не должен быть будущий офицер. И все же благодаря хорошим оценкам, а главное – влиянию моего отца, меня не выперли из «военки».

Получив младший офицерский чин, я был направлен на один из крейсеров грасийского флота. В то время Муруса еще не было и в лапах эмерийцев находилось довольно много островов архипелага. Когда я начал службу, наши войска стояли в районе острова Жардин. Крейсера к тому времени свою работу уже выполнили – эмерийские корабли были выбиты из его прибрежных вод, а дальше оставалась работа для пехоты – очистить от пиратов сам остров. Я был назначен помощником капитана десантного катера. Наша задача заключалась в том, чтобы доставлять с крейсера на остров группы пехотинцев. Мы также должны были пулеметным огнем прикрывать своих с берега, но стрелять я отказывался наотрез.

К слову сказать, экипаж крейсера меня сразу невзлюбил, ведь я так и не сменил своих пацифистских взглядов и не считал нужным их скрывать. Более того, я решил: где, как не здесь, в действующей армии, больше всего нужна моя пропаганда, среди людей, которые и несут смерть! Но это продолжалось недолго...

Капитан Уилкс помолчал.

– Однажды, патрулируя окрестности острова, мы обнаружили небольшой торговый корабль, – продолжал он. – На связь он не выходил, похоже было, что судно покинуто. Такое ведь бывает: или эпидемия выкосит команду, или еще чего... Патрульные катера сделали вокруг него виток, но ничего подозрительного не обнаружили. И тогда капитан крейсера решил отправить туда десантников. Десяток парней вооружились, погрузились на наш катер, и мы повезли их к этому проклятому судну...

– На этом катере? – перебила Мишель.

– Нет. Этот мне достался позже, – ответил капитан и продолжил: – Мы подошли к кораблю, десантура вскарабкалась на палубу. Мы с капитаном катера так и не узнали, что именно там произошло, но каково было наше удивление, когда спустя несколько минут на катер вдруг ворвались десятка два пиратов и наставили на нас стволы. Думаю, уже ясно, что это была западня. Капитан катера среагировал мгновенно – первый же ворвавшийся в рубку пират получил пулю в лоб. Однако самого капитана тут же изрешетили автоматами остальные бандиты. Я трясущимися руками вынул из кобуры свой пистолет. Пират, на которого я его направил, замер.

«Ну? Чего медлишь? Стреляй! – усмехнулся тот, делая шаг мне навстречу, и кивнул на изуродованное тело капитана. – Хочешь повторить его судьбу?»

Я направил пистолет ему в грудь, но на курок нажать так и не смог. Нет, я не боялся, что, как только я пристрелю этого человека, меня самого ожидает смерть. В тот момент я думал лишь о том, что, если выстрелю, все мои принципы – ложь! Ведь я сделал бы то, против чего сам всегда протестовал! А в следующий миг пират выхватил пистолет из моих трясущихся рук и ударил его рукояткой мне по лицу.

«Чего ты не пристрелил этого подонка?» – услышал я голос сквозь боль и шум в голове.

«Он еще пригодится», – был ответ.

Пираты потребовали, чтобы я отвез их на наш крейсер!

Под дулом пистолета я сообщил по радиации, что на обследованном нами корабле пусто и мы возвращаемся. Я вел катер, а сам видел, как пираты раздевают моих убитых сослуживцев и переодеваются в их одежды. Понять их задумку было несложно. За тот маленький путь, что мы шли до крейсера, в моем сознании произошла настоящая революция. Я понимал, что случится, если я доведу судно до места и высажу этот смертоносный десант. Вдруг я увидел торчащий из воды риф. Решение я принял мгновенно. Я резко повернул штурвал, и катер на полной скорости помчался на смертоносный риф. Однако достигнуть цели я не успел. Меня оттащили от штурвала, управление перехватил один из пиратов.

«Решил сыграть в героя, да?» – вскричал схвативший меня эмериец, достав пистолет.

Я думал, он просто меня пристрелит. Но нет, я-то им был еще нужен! Он взял мою руку, приставил ствол к ладони и нажал на курок. Палец отлетел, кровь хлынула фонтаном.

«Еще одна такая выходка, я возьму тесак, отрежу тебе сначала одну руку, затем другую и так далее, пока не останется одно туловище, – пообещал пират. – Тебе ясно?»

Я едва слышал его голос сквозь пелену боли.

«Ты понял меня?» – повторил пират и, не услышав ответа, схватил меня за другую руку и поднял пистолет.

«Понял я, понял!» – прохныкал я, отдернув руку. Героизма у меня мгновенно поубавилось.

«То-то! А теперь – вперед! Тебе еще предстоит высадить нас на крейсер». – И пират швырнул меня обратно к штурвалу.

Я больше не возражал и не пытался геройствовать. У крейсера добровольно вышел на палубу.

«Все в порядке?» – спросил встретивший меня матрос.

«Да, все отлично», – соврал я, затылком чувствуя смотрящие мне в спину стволы. Скажете, что я струсил? Да, так и есть. Но сложно быть героем, когда тебе двадцать два и у тебя едва молоко на губах обсохло, а кровожадные убийцы угрожают тебя четвертовать.

«Точно все нормально? – Матрос все же насторожился, видимо, заметил мое волнение. – Что с рукой?»

«Порезался. Все хорошо».

Матрос сбросил веревочную лестницу. Переодетые десантниками пираты, пряча лица под касками, полезли вверх. Я остался на катере под прицелом отстрелившего мне палец эмерийца и с содроганием слушал треск выстрелов и крики, доносящиеся с крейсера. Их план сработал: команда корабля, уверенная, что вернулись их сослуживцы, оказалась застигнута врасплох. Эмерийцы отлично знали, как устроены крейсера грасийского флота. Они сразу же захватили оружейные, а дальше попросту началось убийство – расправа над безоружными. Больше сотни трупов!

«А с этим что делать?» – спросил охранявший меня пират, когда с командой крейсера было покончено.

«Есть отличная идея! – предложил один из убийц. – Давайте устроим этим воякам достойные похороны».

Мой катер доверху нагроулили трупами – сложили грудой, словно дрова: в трюме, в рубке, на палубе.

«Ну что, давай проводи своих товарищей в последний путь, – сказал тот, что лишил меня пальца. – Только поторопись, наше терпение не вечно».

Меня оставили в катере одного, пираты вернулись на борт крейсера. И вдруг я увидел, как одно из корабельных орудий разворачивается в мою сторону. Мне все стало ясно. Быстро перебравшись через тела товарищей, я вцепился в штурвал и, запустив двигатель, направил катер в открытый океан. Клянусь, я никогда в жизни так не гнал корабль, как в тот момент. Грянул залп. Катер качнуло и окатило водой. По мне били из пушки! Размазывая по лицу слезы, я гнал и гнал в синюю даль. Еще удар! Снова мимо. К счастью, эмерийцы оказались отвратительными артиллеристами. И все же один снаряд достиг цели и слегка зацепил катер. Трюм стал быстро наполняться водой. Я обернулся и замер: тела моих сослуживцев дрейфовали по кораблю, словно бревна. Помню, меня стошнило. С трудом подавив приступ паники, я все же заставил себя искать путь к спасению – принялся пробираться по трупам к выходу. Едва я успел схватить спасательный круг, катер пошел ко дну.

Я не знаю, сколько прошло времени, пока меня обнаружили. Думаю, недолго, иначе акулы, привлеченные запахом крови, растерзали бы меня. Но, к счастью, мимо проходила группа патрульных кораблей и меня спасли. Никогда не забуду лица матросов, которые вытаскивали меня из усеянной трупами розовой от крови воды... Именно с тех пор я понял, что далеко не каждый народ достоин права жить и далеко не каждый спор могут решить переговоры. А чтобы я никогда не забывал об этом, мне на память осталось это!

Капитан Уилкс поднял левую руку, демонстрируя четыре пальца – на ладони не хватало мизинца.

– Какой ужас! – прошептала Мишель.

– Да уж, занятная история, – хмыкнул Нико. – Я аж прослезился.

Капитан Уилкс метнул в него свирепый взгляд.

– Нико, как вы можете быть таким жестоким? – поразила Ольга. – Человек пережил настоящий кошмар, а вы насмехаетесь.

– Пережил, это да, – кивнул помощник капитана. – Но кто в этом виноват? Только он сам! Ведь у него был выбор проигнорировать требование отца и остаться на гражданке. Но он предпочел стать солдатом, то есть наемником, воюющим за деньги. И, судя по этому рассказу, поначалу не самым лучшим... Не кипятитесь, капитан, вы же это и сами признаете! Уверен, ваше руководство тогда так и не узнало, как именно был потерян крейсер. Иначе вас бы шлепнули свои же. И я вас не виню. Сложно быть героем, когда на кону собственная жизнь.

Глаза капитана Уилкса сверкнули.

– Что касается жестокости, – сказал Нико, – это война! И тут действуют законы военного времени. Чего вы еще ожидали, капитан, оказавшись на передовой? Увидеть, как все целуются и обнимаются? Все ваши сослуживцы также были солдатами и знали, на что идут, когда

подписывали контракт. И то, что они погибли, – их личная вина: они сами потеряли бдительность. Враги же проявили военную смекалку. Разве, будь у ваших сослуживцев возможность так обмануть врага, они бы этим не воспользовались? Еще как! А потом бы со смехом рассказывали, как им удалось обхитрить глупых пиратов. Эта история звучит так трагично лишь потому, что вы оказались на стороне проигравших.

Нико отхлебнул из фляжки и продолжал, не обращая внимания на все больше багровеющего от злости капитана.

– Кстати, задумывались ли вы о том, сколько убитых было на счету каждого вашего погибшего сослуживца – десантника или матроса? Уверен, у всякого эмерийца найдется подобная, может быть, конечно, и не столь зрелищная, как у вас, но не менее трагичная история, как его родных, друзей или близких убили грасийские солдаты, как разбомбили его дом. У каждого эмерийца есть повод, за что ненавидеть ваших братьев по оружию.

– Мы солдаты, мы выполняли свой долг, а они просто убивают ни в чем не повинных людей! – вскричал капитан Уилкс.

– Никто не убивает просто так, – спокойно возразил Нико. – Если вам нравится оправдывать то, что вы стреляете в людей, чувством долга или мести, – ваше право. Каждый может найти тысячи причин, дающих ему моральное право спустить курок. Да только убийство все равно остается убийством, чем его ни оправдывай. Но, по мне, лучше б вы и дальше пропагандировали мир во всем мире, а не искали для себя оправданий права проливать кровь.

Капитан Уилкс аж затрясся от ярости. Ольга напряглась, чувствуя, что на этот раз точно не избежать потасовки. «И зачем я взяла его помощником капитана?» – в который раз посетовала она. Глаза капитана Уилкса пылали. Нико, наоборот, привалившись на борт, спокойно продолжал потреблять алкоголь из своей бездонной фляжки. Но едва капитан метнулся вперед, случилось неожиданное. Через мгновение он уже лежал на палубе лицом вниз, а Нико восседал сверху, заламывая ему за спину кисть свободной от фляжки рукой.

– Николас, что вы делаете! Прекратите! – вскричала Ольга. – Отпустите его немедленно!

– Пусть сначала пообещает вести себя хорошо, – с улыбкой ответил тот.

– Да я тебя... на куски порву... щенок!.. – прокряхтел из-под него капитан.

Нико пожал плечами, мол, он сам виноват, ничего не могу поделать, и еще сильнее заломил капитану руку – так, что тот закричал от боли. Ольга в отчаянии смотрела по сторонам, ища поддержки, и тут же встретилась взглядом со стоящим на пристани около катера офицером, из-за спины которого выглядывали две удивленные солдатские физиономии.

– Это вы прибыли сюда от правительства? – сконфуженно произнес офицер. – И, простите за нескромность, а чем это вы занимаетесь?..

– Отрабатываем приемы рукопашного боя, господин лейтенант! – воскликнул Нико, встав с капитана.

Рядом с ним, одергивая форму, вытянулся по стойке смирно мигом вскочивший капитан Уилкс.

Ольга выступила вперед:

– Да, я член правительства. А это моя команда. Мы прибыли с миссией милосердия и хотели бы поговорить с кем-нибудь из вашего командования.

– С миссией милосердия, говорите... – Офицер скользнул взглядом по взъерошенным капитану и его помощнику. – Ну-ну... Что ж, следуйте за мной.

Их долго вели длинными тускло освещенными коридорами. Офицер шел впереди, замкнули процессию солдаты, и Ольга с содроганием отметила, что их автоматы направлены им в спины. И это беспокоило не только ее.

– Я чувствую себя военнопленной, – шепнула ей Мишель.

Коридор оборвался длиннющей лестницей.

– Какой этаж? – поинтересовалась Мишель.

– Верхний, – ответил офицер.

– А лифта у вас, случайно, нет? – Медсестра состряпала страдальческую мордашку.

– Какие тут могут быть лифты, детка? Ведь это здание строили эмерийцы, – принялся шепотом объяснять капитан Уилкс. – Это довольно отсталый народ...

– Не говорите ерунды, капитан, – оборвал его Нико. – В прошлом это здание было гражданским портом, так что лифты тут наверняка есть. Просто с тех пор, как началась война, их никто не обслуживает. Эмерийцы не такие уж варвары, какими их пытается выставить наш старый вояка.

Капитан Уилкс метнул в Нико свирепый взгляд, и Ольга не на шутку испугалась, что они опять сцепятся.

– Отставить разговоры! – рявкнул лейтенант, не оборачиваясь.

– Вообще-то, мы гражданские, и вы не имеете права нам приказывать, – обиженно возразила Мишель.

– Гражданские вы на гражданке! – грубо оборвал тот. – А здесь место боевых действий.

И делать вы тут будете все только по команде. Понятно?

– Но...

– Болтать команды не было!

Мишель открыла было рот, готовая поспорить, но Ольга слегка сжала ее руку: помолчи.

Поднявшись по лестнице до четвертого этажа, они очутились в просторном освещенном зале. Кругом сновали вооруженные люди. Сквозь изуродованные обстрелами окна виднелись вышки, заграждения из колючей проволоки, казармы, проезжающие армейские автомобили.

– Судя по дырам в стенах, войскам это здание досталось с боем, – отметил Нико.

Лейтенант остановился у покореженной металлической двери, что-то сказал стоявшим по обе стороны от нее двум солдатам.

– Ждите здесь, я доложу, – повелел он и скрылся за дверью. Спустя минуту вернулся. – Начальник вас примет. Входите.

За дверью оказался просторный светлый кабинет. Сквозь вставленную в огромное окно изъеденную ржавчиной решетку открывался великолепный вид на зеленый эмерийский город. Точнее, на то, что от него осталось. На ободранных стенах кабинета сохранились куски бежевых обоев, а кое-где даже висели почерневшие от копоти пожара картины. Посреди комнаты стоял огромный обгоревший стол, за которым восседал седовласый человек с хитрыми подвижными глазками.

– Меня зовут Рудольф Петц. Я начальник этого порта, – быстро заговорил старик, через стол протягивая руку. – Смею напомнить, что это закрытая территория для гражданских. Но, учитывая ваше высокое положение... Так что вас сюда привело?

– Нам срочно нужно попасть на Эмери. – Ольга решила сразу перейти к делу.

– Эмери... Эмери... Хм... Сложно, очень сложно...

– Дело в том, что мы прибыли с миссией милосердия и...

– Я все прекрасно понимаю, но... – Начальник порта уставился на собственное отражение в полировке стола. – Понимаете, какое дело... Это ведь закрытая территория. Я не полномочен принимать такие решения.

– А кто полномочен?

– Увы, только префект Арок!

– А можно как-то встретиться с этим самым префектом?

– В принципе, конечно, можно... – промямлил старик. – Но дело в том, что он обычно очень занят и не принимает по личным вопросам.

– У меня не личный вопрос!

– Да-да, конечно. – Начальник окинул Ольгу быстрым, каким-то оценивающим взглядом. – Но префект очень, очень занятой человек. Сами понимаете, управление таким сложным районом... Ну, если вы готовы, конечно, подождать, пока он освободится.

– Сколько подождать?

– Ну, может, день, два. А может быть, даже и больше...

Ольга задумалась.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Мы готовы ждать хоть неделю, лишь бы нас пропустили за Мурус. Надеюсь, мы сможем подождать на своем катере, здесь, в порту?

Рудольф Петц поставил локти на стол и принялся переминать пальцы.

– Вообще-то, порт – военная территория, и это большой риск для меня. Даже то, что вы присутствуете здесь, уже нарушение.

– Пожалуйста! Во имя Милосердного Яина, – взмолилась Ольга.

Но тут вперед выступил Нико, кивнув: «Позвольте мне».

– Скажите, а за сотню пекуний наш корабль сможет постоять тут денек-другой?

– Ну... – Глаза начальника порта забегали. – Мне необходимо свериться с графиком прибытия наших кораблей...

– Я имел в виду – по сотне за каждый день простоя, – добавил Нико.

Ольга возмущенно взглянула на него.

– Конечно, если немножко подкорректировать расписание... – Старик откинулся на спинку сиденья и хлопнул ладонью по столу. – По рукам. Можете ждать префекта в порту столько, сколько потребуется.

– А как вы оцениваете возможность повидаться с префектом раньше, чем через два-три дня? – тут же добавил Нико.

Старик заерзал в кресле:

– В принципе такая возможность есть. Дело в том, что дважды в день в резиденцию префекта отправляется караван с грузами. Следующий – через два часа. Конечно, пускать на него гражданских – серьезное нарушение правил...

– Поговорим о цене?..

Едва они покинули кабинет начальника порта, Ольга с негодованием набросилась на помощника капитана:

– Николас, не слишком ли самоуверенно вы взялись решать финансовые вопросы Центра Милосердия?

– Вы же видели этого пройдоху-старичка, – возразил тот. – Он начал торговаться с первых минут вашего разговора. Это во-первых. А во-вторых, мы бы все равно проторчали в порту до тех пор, пока у вас не кончатся деньги, а потом нас бы выставили вон и мы бы отправились восвояси. Уверяю, у нас нет шансов встретиться с префектом, не всучив взятку начальнику порта. Я сам бывший военный, понимаю, как тут все устроено. Да и примерный ценник знаю.

Сопровождающий их обратно к кораблю лейтенант оглянулся. Нико в ответ изобразил невинно-наглую улыбку.

– А вы, когда отправлялись на такую акцию, должны были хотя бы узнать, что к чему, – шепотом продолжал Нико. – Тут именем правительства грозить бесполезно. Военные найдут кучу причин, чтобы не пропустить вас туда, куда просите, потому лучше играть по их правилам. И поверьте мне, если и есть способ в нашей стране попасть на закрытый объект, то измеряется он исключительно количеством денег на вашем счету.

– Кстати, детка, – сказал Ольге капитан Уилкс, – нам не мешало бы дозаправить катер. Если нам предстоит путешествие на Эмери, лучше это делать с полными баками.

Она поинтересовалась у лейтенанта, можно ли у них разжиться топливом.

– Отчего нет, – ответил тот. – За пару сотен вам зальют баки под завязку.

– Так дорого? – поразилась она.

– Ваше право. Можете поискать другое место для заправки, – пожал плечами офицер, явно намекая на то, что других мест тут нет.

Ольга вздохнула и полезла в карман за кошельком, однако Нико остановил ее.

– Спасибо, офицер. Но мы обойдемся без заправки.

– Но... – Ольга возмущенно взглянула на него. Нико кивнул, мол, я знаю, что делаю.

– Что ж... – Лейтенант был явно недоволен проваленной сделкой. – Если передумаете, скажите часовому, он передаст мне.

И ушел, оставив у их катера солдата-охранника.

Каково же было удивление Ольги, когда спустя минут пять после ухода офицера сам часовой подошел к их катеру небольшое суденышко и, протянув шланг, принялся переливать из него топливо в их бак. Когда процедура была закончена, Нико сунул солдату пару купюр.

– Никогда не покупай у офицера то, что можно купить у солдата, – сказал он Ольге. – Чем выше чин, тем больше ценник. Ведь цены растут соразмерно званию.

Через час пришел все тот же лейтенант, чтобы сопроводить их к месту отправления каравана. На этот раз они еще дольше шли лестницами и коридорами, пока не очутились в просторном холле с огромными лишенными стеклом окнами. Судя по сваленным в кучи раскуроченным сиденьям, громоздящимся по углам, это помещение когда-то служило залом ожидания. Теперь же вместо пассажиров тут сновали солдаты, а вместо рядов сидений возвышались ящики с боеприпасами. Сопровождающий офицер распахнул когда-то стеклянные, теперь же заколоченные фанерой двери, и Ольга с командой оказались под открытым небом. Она оглянулась на здание, из которого они вышли, и отметила, что когда-то, похоже, это было весьма симпатичное строение. Несмотря на сколы, дыры и копоть, оно сохранило остатки былой архитектуры.

На бетонированной площадке перед зданием стояли в ряд два грузовика цвета хаки и пара бронемашин с пушками и пулеметами на башнях. У грузовиков суетились пара десятков бойцов, загружая в них какие-то тюки и ящики.

– Ждите здесь, – повелел лейтенант и направился к стоящему в стороне и наблюдающему за погрузкой офицеру. Они о чем-то переговорили, тот кивнул, холодно взглянув на Ольгу и ее команду.

– Вот, наденьте это, – сказал офицер и выдал каждому по бронежилету и каске.

– Ой, какая тяжелая! – прохныкала Мишель, напялив каску. Та оказалась явно не по размеру. Изящная медсестра стала в ней похожа на гриб. – А как эта штука надевается?

Мишель с трудом приподняла бронежилет.

Нико умело облачился в броню, застегнул все застежки так ловко, словно занимался этим всю жизнь, попрыгал, проверяя, хорошо ли сидит. Затем помог разобраться с амуницией Ольге и Мишель, демонстративно проигнорировав капитана Уилкса, который возился с застежками, кряхтя и причитая: «И как эта долбаная пехота такое таскает?..»

– Поедете во второй машине, – сообщил тот же офицер, что выдал снаряжение. Видимо, он был старшим каравана. – Главное правило – строго подчиняться командам и не высовываться. Понятно? Тогда – по машинам!

Солдаты организованно полезли в грузовики и уселись вдоль бортов. Для гражданских, видимо, места не были предусмотрены, потому их усадили прямо на тюки и ящики. Грузовики заурчали двигателями и двинулись следом за броневиком. Второй броневик замкнул строй.

– А что, кузов так и будет открыт? – спросила Мишель, указав на небо. – Я думала, тут должен быть хотя бы брезент.

– Поверь, лучше так, – сказал один из солдат. – Дело в том, что, если в закрытую машину всадят из гранатомета, она тут же превращается в братскую могилу. А так есть хоть какой-то шанс спастись.

– Вы меня нарочно пугаете, да? – Мишель жалобно улыбнулась.

– Да слушай ты его больше, малютка, – воскликнул другой солдат. – Хоть открыта, хоть закрыта – разницы нет. Если в нас попадут из гранатомета, так и так всем кранты!

Мишель побледнела. Солдаты дружно заржали.

– Не бойся, – шепнула Ольга, сжав ее запястье, скорее чтобы подавить собственное волнение. – Все будет хорошо. Они ведь не в первый раз идут этим маршрутом.

За кормой грузовика мелькнули вышки с часовыми, ограждение из колючей проволоки. Два бойца поспешно закрыли за колонной обтянутые сеткой ворота с гербами Грасийского архипелага – белыми девятиконечными звездами на сине-зеленом фоне. Сидящие в грузовике бойцы тут же прижались к бортам, вскинув автоматы, и стали напряженно вглядываться в окрестности.

– Чего они опасаются? – спросила Ольга. – Вы ведь говорили, что остров под контролем правительственных войск.

– Под контролем – да, но не под полным. Вспомните, что стало с военным катером, – напомнил Нико.

От этого воспоминания Ольгу замутило.

– Ноги затекли, – прохныкала Мишель.

– Так встань и разомнись, – сказал сидящий неподалеку военный.

– Можно, да? – Мишель приподнялась, одергивая платье.

– Конечно, – улыбнулся тот. – Эмерийские снайперы только этого и ждут! Башку отстрелят, моргнуть не успеешь!..

Медсестра испуганно рухнула обратно, еще больше вжавшись в неудобные тюки.

Но, несмотря на предупреждения, Ольга все-таки время от времени немного приподнималась над бортом и выглядывала наружу. Кругом среди кустарника и деревьев чернели остовы обгоревших автомобилей, раскуроченные рекламные щиты и разрушенные заборы. За разбитыми витринами просматривались внутренности выжженных магазинов. Во многих превращенных в руины домах посреди комнат высилась растительность – так давно были покинуты эти жилища. Но и те, что оставались обитаемыми, больше походили на пещеры. Окна в них были заколочены досками, а дверь чаще всего заменяла грязная тряпка. Перед такими домами пылали костры с висящими над ними котлами. Сидящие вокруг них люди в серых замусоленных лохмотьях провожали колонну свирепыми, полными ненависти взглядами. Голые дети копошились в канавах около дороги, но при виде колонны их в спешке забирали перепуганные мамы. На одной из стен Ольга заметила размашистую, выведенную углем надпись на латыни: «Смерть грасийцам!»

Когда колонна проезжала мимо бывшего пляжа, Ольга увидела баржу, в трюм которой под конвоем пехотинцев входила вереница местных жителей. Когда последний эмериец скрылся внутри, борт захлопнули, и баржа двинулась в открытый океан.

– Куда их повезли? – спросила Ольга.

– На расселение, – ответил один из солдат, не отрывая настороженного взгляда от окружающего машину мрачного пейзажа.

Ольга хотела уточнить, куда именно их расселяют, как вдруг заметила какое-то движение на крыше дома неподалеку. В этот момент оттуда вылетело нечто темное и покатило под их грузовик.

– Граната! – раздался крик, и в следующий миг мир содрогнулся.

Машину качнуло так, что она соскользнула с дороги и едва не перевернулась, но устояла, ударившись о стену дома. В ушах Ольги звенело. Привстав, она, словно в тумане, увидела, как стена дома, с крыши которого вылетела граната, крошится от пуль десятка автоматов. С крыши скатилось окровавленное тело. Из здания загрохотали одиночные ответные выстрелы. Одна из пуль ударила в кабину в нескольких сантиметрах от Ольгиной головы.

– Жить надоело? – раздался крик, и кто-то сильно дернул ее за руку, повалил и прижал ко дну кузова. Ольга поняла, что это Нико. В то место, где только что была ее голова, ударила еще одна пуля.

Борт грузовика между тем распахнулся, и солдаты, не прекращая стрелять, принялись выскакивать наружу. Рядом с Ольгой возник взволнованный офицер – тот самый старший колонны.

– Машина повреждена! – перекрикивая стрельбу, сообщил он. – Дальше поедете в другой. А теперь пригнитесь и быстро за мной! Не отставать!

Ольга спрыгнула с кузова и устремилась за мелькающей в дыму спиной Нико. Над ее головой пронзительно ухнула пушка бронемашин.

– Ой! – вскрикнула бегущая следом Мишель и замерла перед распростертым на земле телом пехотинца.

– Бегом, детка, бегом, – подтолкнул ее капитан Уилкс. – И пригнись!

Он схватил медсестру за руку и силой потащил за остальными. Как только они оказались в кузове второго грузовика, тот рванул с места и, объехав поврежденную машину, быстро помчался по дороге.

– Это были пираты? – тихо спросила Мишель у офицера. Лицо ее походило на белую маску.

– Нет. Так, мародеры. В караванах обычно возят провизию, вот они и хотели поживиться. У местного населения страшный голод, потому некоторые безумцы и рискуют... Кстати, мы приехали!

Ольга привстала и увидела огромные металлические ворота, от которых в обе стороны тянулась высоченная, размером с трехэтажный дом, кирпичная стена. Грузовик остановился у КПП, водитель о чем-то переговорил с подошедшим к кабине офицером, после чего створки ворот поползли в стороны, пропуская машину.

Оказавшись по ту сторону забора, Ольга поначалу не поверила глазам. Вокруг раскинулся чудесный город, причем такой красоты, словно их внезапно перебросили из ада в рай. Нечто подобное она видела совсем недавно – на своем родном Елтине, в новом Центре культуры ялгов. Хорошо знакомая с особенностями этого народа, Ольга сразу же отметила, что все здесь выстроено в их стиле. Великолепные шикарные дворцы утопали в цветах и зелени. Кругом, словно призрачные цветы, колыхались фонтаны, вдоль стен домов яркими портьерами свисали причудливые цветущие растения. Грузовик проезжал по великолепным мостам с узорными перилами, перекинутым через каналы с лазурной водой. Кое-где в эти водоемы с декоративных скал каскадами сбегали водопады. Украшенные мраморными статуями площади, зеленые аллеи, прогуливающиеся жители в роскошных золотистых одеждах... После ужасающего вида разрушенного эмерийского города Ольге казалось, что она попала в сказку. И, как в любой сказке, не обошлось без чудесного замка. Он сверкал золотыми куполами и величественными башнями, возвышаясь в центре города.

Как только грузовик остановился у ведущей ко дворцу дорожки, солдаты высыпали наружу и принялись выгружать ящики и тюки.

– Где это мы? – прошептала Мишель, восхищенно глаза по сторонам.

– Резиденция Арока – префекта регио Эмери, – ответил Нико. – Фактически он командует всей этой армией и Мурусом в том числе. Здесь он главная власть. Его слово тут весомее воли дукса.

Тут Ольга заметила, что от дворца к ним идет невысокий полный человек в темно-синей, покрытой золотыми нашивками военной форме. Судя по лицу, явно ялг по происхождению. Солдаты тут же построились и вытянулись по стойке смирно. Ольга и команда так и остались в нерешительности стоять в сторонке.

– Ольга Гирина! – воскликнул идущий, приветливо разведя руки. На холеном лице вежливая улыбка. – Как я рад!

– Мы разве знакомы? – удивилась Ольга.

– Ну как же... Новый правительственный Центр Милосердия... Раз я обитаю в этой далекой от цивилизации дыре, это не значит, что я не в курсе последних грасийских новостей. Наслышан, наслышан... Весьма рад. Нечасто у нас бывают гости из самого правительства! Позвольте представиться: префект Арок к вашим услугам.

Ольга невольно возгордилась, польщенная тем, что теперь ее знают даже в такой дали от столицы, да еще и столь важные люди. Однако Нико тут же погасил ее восторг, шепнув:

– Вы так наивны, Ольга. Не думаете же вы, что кого-то могли привезти к такой важной шишке, не оповестив заранее?

– А это, как я понимаю, ваши люди? – Взгляд префекта скользнул по ее команде и на какое-то время задержался на Нико.

– Господин префект, я к вам по делу... – начала Ольга.

– Ну что же мы стоим во дворе! – воскликнул Арок, покосившись на солдат. – Пойдемте в дом, там все и обсудим.

Они прошли по уложенной белоснежной плиткой дорожке вдоль цветущих газонов, мраморных статуй и фонтанов.

– Вот, такое будущее мы пытаемся подарить эмерийцам взамен их варварства, – сказал префект Арок, обводя широким жестом свой сказочный город.

– Восхитительно, – прошептала Ольга и, вспомнив руины, среди которых они только что ехали, удивленно добавила: – Почему же тогда они сопротивляются?

– Эмерийцы-то? Известно почему. Полное неприятие цивилизации! – Префект Арок вздохнул. – Их закостеневший в варварских веках строй заставляет этот народ жить по старинке, как они привыкли издревле. Вы наверняка заметили, в каких диких условиях они обитают. До сих пор готовят еду на кострах! А эти их ужасные дома в лесных зарослях... Жуть!

– Но если им нравится такой образ существования, почему бы не оставить их в покое? Пусть бы себе и жили по своим правилам.

– Мы бы и рады это сделать, но... – Префект развел руками. – Эмерийцы до безумия фанатичны. Если бы они могли жить сами по себе и никого не трогать... Но у них несколько иной взгляд на мир. Они считают все новое и им неведомое величайшим злом и всячески стараются истреблять это. Слышали, наверное, о культе Сорша? Их религия призывает к полному уничтожению любых благ цивилизации, а также преследованию тех, кто эти блага создает и принимает. То, что вы видели по пути сюда, это более-менее лояльно настроенная к правительству архипелага часть населения. Но истинные эмерийцы – адепты Сорша, – как они сами себя называют, живут там, – префект указал пальцем вдаль, – по ту сторону Муруса! Это настоящие головорезы: не жалеют ни стариков, ни женщин, ни детей – убивают всех, чей образ жизни не вписывается в их мировоззрение. Пожалуй, единственное, в чем они признают цивилизацию, так это в оружии. У эмерийцев неплохой флот, который они постоянно пополняют из числа захваченных кораблей, а любой их пират вооружен порой лучше нашего спецназовца. Мурус – единственная мера, способная сдержать эту угрозу. Не будь его, страшно даже представить, какую резню устроили бы эмерийцы на архипелаге. Да что там на архипелаге... Во всем мире!

– И ради какой-то бредовой философии эти люди готовы не только истреблять других, но и подвергать риску свои жизни, а также судьбы своих же жен и детей? – поразилась Ольга.

– Ну, что тут сделаешь... – Префект опять развел руками. – Фанатики! Переубедить их мы практически не в силах. Хоть, не даст соврать Милосердный Яин, пытаемся изо всех сил.

– Кстати, я видела, как группу местных жителей куда-то увозили на барже, – вспомнила Ольга.

– Да, есть, конечно, эмерийцы, которые в душе не желают жить по тем варварским законам, что исповедует основная часть их народа. Таких мы переселяем в подобные города. Именно их переправляли на барже. Но и этих немногих людей, которых нам удастся переселить, приходится постоянно оберегать от их же соотечественников: строить высокие заборы и ставить вооруженную охрану. Эмерийцы считают их отступниками и предателями и истребляют как врагов... О, да вы, наверное, проголодались? Небось целый день на корабельном пайке? Узнав о том, что в наш дикий край заглянули такие гости, я тут же распорядился подать обед. Прошу, прошу...

Префект Арок приветливо взмахнул рукой. Двое военных в парадной форме распахнули перед ними золоченые ворота замка, за которыми открылся освещенный сотнями огней сверкающий зал. Стол в его центре едва не прогнулся от всевозможных блюд.

– Итак, вы хотели со мной о чем-то поговорить, – напомнил префект Арок, усаживаясь во главе стола. – Если вы намерены провести пропаганду милосердия среди личного состава, я с радостью организую вам это...

– Нет, у меня дело несколько иного характера, – ответила Ольга, робко присев на краешек кресла у стола. – Я хотела просить у вас разрешение пересечь Мурус, чтобы посетить Эмери.

– Посетить... что? – Префект Арок аж поперхнулся куском мяса, который успел уже сунуть в рот. – Что вам понадобилось у этих варваров?

Пока Ольга рассказывала префекту суть дела, тот все больше хмурился.

– Эта поездка не займет много времени, – заверила Ольга. – Мы лишь заберем девочку и...

– Вот что я вам скажу, – перебил префект, откинувшись на спинку кресла и вытирая салфеткой жирные пальцы. Из его голоса мгновенно исчезли заискивающе-вежливые нотки. – В принципе не имеет значения то, зачем вы туда собрались. Есть четкое предписание правительства – гражданских через Мурус не пропускать.

– Но я не просто гражданский! Я представитель правительства!

– В предписании такие вещи не оговариваются. – Губы префекта изобразили теплую улыбку, но взгляд и голос его остались ледяными. – Напомню, даже само ваше присутствие здесь – уже нарушение. Это зона боевых действий.

– Ну пожалуйста!

– Ничем не могу вам помочь.

– Может быть, эмерийцы смогут переправить девочку сюда? – осторожно предложила Мишель.

– Исключено. Любой корабль, который приблизится к Мурусу с той стороны, будет мгновенно потоплен, дабы предотвратить возможность диверсии.

– Я подам официальный протест в правительство! – Ольга резко встала, быстро вытерев ставшие влажными глаза. – Я требую...

– Ваше право требовать все, что захотите, – все с той же сальной улыбкой сказал префект Арок. – Но, я полагаю, раз вы прибыли сюда неофициально – без запроса, в Палатиуме подобного разрешения вам попросту не дали. И не дадут! Потому что за последние восемь лет Мурус не пересекло ни одно гражданское лицо. По крайней мере, официально. А тех, кто попытался пробраться неофициально, давно сожрали рыбы.

– Сколько? – холодно спросила Ольга. – Сколько вы хотите?

Префект Арок повалился на стол, расхохотавшись.

– Вы предлагаете мне взятку? Я правильно понял? – Он едва говорил, задыхаясь от смеха. – Ну знаете...

Префект встал, пренебрежительно бросив на стол покрытую жирными пятнами салфетку.

– Итак, если у вас нет больше дел, кроме этой бредовой идеи совершить вояж на Эмери... Караван через десять минут возвращается в порт. Вас сопровождают до вашего судна. Всего хорошего!

– Но, во имя Милосердного Яина, это же бесчеловечно! – вскричала Ольга, отвернувшись, чтобы скрыть все-таки хлынувшие слезы.

– Бесчеловечно? – воскликнул префект Арок. – А глупым непокорством истреблять свой собственный народ, как это делают эмерийцы, – это, по-вашему, человечно? А одним своим существованием ставить под угрозу мир во всем мире – человечно? Вы думаете, мы просто так тут торчим и миллионы пекуний из налогов честных грасийцев идут на содержание этой гигантской армии и флота по моей прихоти? Да не будь нас, пираты давно бы хлынули не только на архипелаг, но и на континенты, и вы бы тогда узнали, что такое человечность по-эмерийски. Честно вам скажу, будь моя воля, я давно бы уже пустил к Эмери войска и избавил бы планету от этой язвы! И это был бы самый человеческий поступок в моей жизни: истребить тысячи ради спасения миллионов. Но разве ваш человеческий ООН и прочие всемирные организации позволят это сделать? Они раздуют такой скандал, вопя о том, что каждый народ имеет право на существование, пусть даже такой варварский и агрессивный, как эмерийцы. Вот и придется оборонять архипелаг, каждый день теряя людей в непрерывных стычках, со страхом думая о том, что будет, если Мурус где-нибудь да прорвут. Посмотрю я, как ты заговоришь, когда эти головорезы войдут в твой дом и дома твоих родных. А тебе, деточка, я советовал бы возвращаться домой и найти себе развлечение побезопасней.

Ольга вдруг представила, как пираты высаживаются на ее родном Елтине, и ее замутило от ужаса. Опустив голову, она отвернулась, уже не в силах сдерживать слез. Префект Арок подошел к ней.

– Вы только не подумайте, что я варвар какой-то, – сказал он уже спокойнее. – Мне тоже жаль эту девочку. Но поймите, я не имею права официально пропустить вас через Мурус. Если в столице узнают, что с вами что-то случилось по моей вине, у меня будут большие неприятности. Ведь есть правительственное предписание, запрещающее гражданским пересекать Мурус. А вы не просто гражданский, вы – член правительства.

Ольга промолчала и хотела уже направиться к выходу, но префект удержал ее.

– И еще. Я хочу предупредить, что, если вы все же попытаетесь проникнуть через Мурус нелегально, ваш корабль, несмотря на правительственные опознавательные знаки, будет потоплен, как и любой другой нарушающий закон. Хотя я не думаю, что вы вздумаете совершить такое безумие. Ведь так?

Ольга перехватила его ледяной взгляд, кивнула и вышла из сказочного замка.

Обратная дорога прошла без происшествий. Их довезли до порта и сопроводили к пристани.

– Ну, что теперь будем делать? – спросила Мишель. – Домой?

Ольга не ответила. Она уже который час сидела в кресле рубки, положив голову на штурвал, и печально смотрела, как по ту сторону лобового стекла по тоннелю проплывают военные катера.

– Что тут еще сделаешь? – заплетающимся языком произнес Нико, который уже успел здорово напиться. Похоже, он еще в столице каким-то образом умудрился протаскать на борт целый бар. – Прорываться нелегально сквозь Мурус – чистое самоубийство. Тем более на такой посудине, как эта.

– Да моя девочка еще любой яхте фору даст! – обиженно возразил капитан Уилкс. И все же тихо добавил: – Но идти напролом через Мурус я бы на ней все равно не рискнул.

– Так, может, правда вернуться? – спросила Мишель.

– Вернуться? – Ольга резко встала. – А как же наша миссия? Разве мы сможем спать спокойно, зная, что бросили умирать ребенка?

Она взглянула на их лица и по опущенным глазам поняла: они-то смогут! От этого Ольге стало вдвойне обидно, и она убежала на корму, подальше от всех, села на палубу и позволила выплеснуться тому горю, что все это время сдерживала в себе. «Вот тебе и милосердная Ольга! – истязала она свое раскисшее самоуважение. – Бросила умирать ребенка, который сам попросил о помощи! Как с этим жить дальше?»

Сквозь ее рыдания едва пробился «внутренний голос».

– На почту пришло новое письмо.

– Небось опять эти наши несчастные цивилизованные неженки будут жаловаться на плохую жизнь, – всхлипнула Ольга. – Ну их, Хела! Разберусь, когда вернусь в Центр...

– Тема письма, цитирую: «Я могу помочь попасть на остров».

Ей это показалось странным. Неужели речь идет об Эмери? Ни на какой другой остров она попадать не планировала. Быть может, кто-то из военных подслушал их разговор и решил помочь? Ей стало любопытно, и она попросила Хелу прочесть письмо целиком. Вот что там было сказано:

«Тема: Я могу помочь попасть на остров. Содержание: Приходите одна в 23:00 в бар „Алмазный грог“».

Ольга задумалась: что это может значить? Спросила у Хелы, который час: почти десять. Она быстро вытерла слезы. Что бы это ни значило, других вариантов у нее нет. Если ей дают шанс, она его использует.

Спустя минуту Ольга вошла в рубку.

– Ну что, детка, когда отчаливаем? – спросил капитан Уилкс.

– Не вижу смысла торопиться. Этот пройдоха начальник порта взял плату за стоянку за сутки вперед, – ответила Ольга, бросив на капитана загадочный взгляд. Глаза ее были слегка воспалены от слез, но в них снова полыхала прежняя уверенность. Не говоря больше ни слова, она зашагала к трапу.

На улице уже стемнело. Под любопытными пошлыми солдатскими взглядами Ольга обогнула освещенные тусклыми фонарями, затянутые маскировочными сетками окопы и доты с направленными в небо стволами и направилась к воротам окружавшего территорию порта ограждения из колючей проволоки. Около них Ольгу остановил дневальный. Он лениво взглянул на протянутое ею правительственное удостоверение и сонным голосом сообщил, что без разрешения начальника порта никто не имеет права покидать территорию. Ольга начала было по обыкновению давить на жалость, но вспомнила, что с военными этот прием бесполезен, и не стала унижаться. Надо придумать какой-то иной выход.

– Хела, который час? – тихо спросила она, отойдя от ворот.

– Десять тридцать, – отозвался «внутренний голос».

«Что же делать? Где я сейчас найду начальника, чтобы получить разрешение?» – подумала Ольга и окинула взглядом ограждение, прикидывая шансы незаметно перелезть через колючую проволоку.

– Вы, наверное, русская? – окликнул ее дневальный, не столько из интереса, сколько от скуки.

– Да, – удивилась Ольга. – Как вы догадались?

– У вас акцент. А еще, – солдат многозначительно подмигнул, – у нас все женщины такие светленькие... Просто прелесть!

– У нас? Так вы тоже с регио Елтин? – обрадовалась Ольга. – А откуда именно?

– С севера Елтина. Родители работают на Рыбном острове, что на западе. На консервном заводе.

– Знаю, знаю. Мне приходилось бывать там. А я живу почти на юге Елтина.

– Так мы земляки! – Солдат оживился. – Я уже лет пять не был дома. С тех пор как подписал контракт.

– И как служится?

– Честно? Отвратительно! Порой я и сам не знаю, что тут делаю. Когда мы сюда ехали, нам обещали все условия: нормальный паек, жилье, содержание. А мы торчим в этой вонючей дыре и жрем какие-то помои. И эти люди... Они же ненавидят нас! Тут дня не проходит без обстрела, а раз в неделю из порта выходит корабль, груженный трупами. Мы жизни отдаем, чтобы уберечь жителей этого острова от пиратов, а они того и гляди воткнут тебе нож в спину. Эмерийцы – патологически опасный народ. Тут ведь каждый второй – пират. Бывало, наших патрульных в городе обстреливали женщины и даже дети! Будь моя воля, я истребил бы их под корень. Всеми миру от этого стало б только легче.

– Если тут так плохо, чего же ты тогда до сих пор служишь? Есть ведь много гражданских профессий.

– Есть такое понятие – долг! Пираты взрывают наши дома, захватывают пассажирские лайнеры, а мы должны сидеть сложа руки? Должен же кто-то защищать архипелаг от этой угрозы! – Солдат гордо выпрямился. А потом добавил со вздохом: – Да и что я буду делать на гражданке? всю жизнь пахать за мелочь на каком-нибудь заводе, как мой папаша? Там же простым работягам платят гроши! Для нормальной должности нужно образование, а у меня мозгов не хватило поступить в какой-нибудь вуз. Вот и пошел служить. Здесь платят сносно. У меня уже на счету скопилось немало. Пройдет еще пара лет, тогда можно и на гражданку: получу расчет – на счету уже скопится приличная сумма. Куплю себе приличный дом, магазинчик открою...

Лицо солдата приняло мечтательное выражение.

– А как же защита Грасии от вероломных пиратов?

– К тому времени я свой долг перед архипелагом выполняю. Дальше придет черед другим – желторотым – под пули лезть.

«Да уж, даже гражданский долг тут имеет денежный эквивалент», – подумала Ольга.

– Как приятно повстречать тут земляка, – воскликнула она и тут же вкрадчиво спросила: – Ну, так как, пропустишь землячку?

Солдат сразу посерьезнел и выпрямился:

– Говорю же вам – не положено!

– Сколько? – не выдержала Ольга.

– Чего? – Дневальный прекрасно расслышал ее слова, потому как настороженно посмотрел по сторонам, проверяя, нет ли кого постороннего поблизости.

– Сколько надо за проход?

– Ну... – Солдат жадно облизнул губы.

Ольга вынула из кармана кошелек, и солдат мгновенно достал свой бумажник.

– Двадцатки, надеюсь, хватит?

Ольга протянула купюру, и та мгновенно исчезла в бумажнике дневального.

– Только не говорите, что прошли в мою смену, – шепнул солдат, приоткрывая ворота.

Дальше начинался погруженный во мрак город. Фонарей здесь не было, лишь около некоторых домов пылали костры. В их мерцании бледные силуэты домов на фоне темно-сливового неба походили на огромные черепа. Они словно рассматривали Ольгу глазами окон, в которых дребезжали тусклые отблески свечей. Пейзаж напомнил ей фильм ужасов, который смотрел ее братец. Она резко оглянулась, словно позади вот-вот появится кошмарный человек с окровавленным тесаком в руке, и взгляд ее остановился на спасительных фонарях порта. «Ну уж нет!» – твердо сказала она себе и уверенно зашагала вперед.

Вдаль тянулась напоминающая подземелье древнего замка улица. Огни костров, подобно факелам, убегали вдаль светлой дорожкой. Над головой смыкались и раскачивались на ветру кроны деревьев, и Ольга вздрагивала каждый раз, когда с ветки соскакивала какая-нибудь ночная птица. Она смотрела по сторонам в надежде увидеть огни бара, но видела только все

те же дома-черепа. Лишь редкие военные патрули, как будто призраки, выплывали навстречу да освещенные пламенем сидящие у костров эмерийцы провожали ее свирепыми взглядами. Но и они тут же отворачивались, как только Ольга пыталась обратиться к ним за помощью.

Улица оборвалась небольшой площадью, посреди которой чернел остов разбитого памятника. Приблизившись, Ольга разглядела на раскученном пьедестале надпись на непонятном языке.

– Хела, можешь прочесть? – спросила она.

– Там написано: «Героям за самоотверженный вклад в победу во Второй мировой войне», – перевел «внутренний голос». – Это по-испански.

Ольга с удивлением заметила у основания памятника горку свежих розовых цветов.

Она обошла площадь, от которой в разные стороны убегали абсолютно одинаковые темные улицы.

– Хела, можешь подсказать, где находится бар «Алмазный грог»?

– Карты этого острова в интернете нет, – ответил «внутренний голос».

Чего и следовало ожидать. «Отлично. Ну и какая из этих улиц ведет к бару? – в отчаянии подумала Ольга. – Могли бы и уточнить в послании, куда именно нужно идти».

На лавочке у одного из домов она заметила двух мужчин, которые о чем-то оживленно разговаривали на непонятном языке. Когда Ольга приблизилась к ним, оба замолчали и уставились на нее мгновенно ставшими враждебными глазами.

– Не подскажите, как пройти к бару «Алмазный грог»? – спросила она.

Мужчины продолжали молча сверлить ее взглядами. Но как только Ольга отошла, они как ни в чем не бывало продолжили беседу.

Вдруг перед ней появился выскочивший из подворотни маленький голый мальчуган.

– Убирайтесь отсюда! – картаво, но сердито проговорил он на латыни, зло глядя на нее. – А то мы расстреляем вас из ваших же автоматов!

Ольга замерла в растерянности. Из ближайшего дома выбежала женщина и испуганно подскочила к малышу.

– Извините, – окликнула ее Ольга. – Мне нужен бар «Алмазный грог». Не подскажите?.. Женщина лишь презрительно плюнула в ее сторону, схватила ребенка и исчезла в доме. «Ну и что теперь ты будешь делать, милосердная Ольга? Пойдешь ни с чем обратно?»

– Отпустите! – вдруг раздался крик неподалеку. – Пожалуйста, не надо!

Ольга взглянула в ту сторону. У одного из домов в отблесках костра она разглядела силуэт мужчины в темной одежде. В его объятиях билась хрупкая девичья фигурка.

– Вы что делаете? – подбежав, вскричала Ольга и попыталась разжать пьяные объятия, с удивлением опознав на мужчине офицерскую форму.

– Это что еще за явление? –дохнул на Ольгу перегаром офицер.

– Как вам не стыдно! Вы же офицер грасийских войск!

Тот продолжал разглядывать ее оценивающим взглядом. И, видимо, остался доволен увиденным, потому что наконец отбросил девушку и шагнул к Ольге.

– Может, ты хочешь заменить эту цыпочку? – воскликнул он, и Ольга с трудом увернулась от протянутой к ней потной ручищи. – Ну, куда же ты, лапочка?

– Если вы немедленно не прекратите, то... то я вызову патруль!

– Патруль? – Офицер громко расхохотался. – Эй, патруль! Идите, арестуйте меня! Меня, командира пятого десантного!.. Ну, где же вы? Разве вы не видите, что я обижаю эту милую эмерийскую девушку?..

Двое проходящих мимо патрульных, поднеся ладони к кепкам в воинском приветствии, подмигнув офицеру, прошли мимо. Тот вызывающе, с пошлой насмешкой взглянул на Ольгу.

– Я – официальное лицо, – взволнованно проговорила она. – И если вы не прекратите, я добьюсь, чтобы вас отдали под трибунал!

– Да плевать я хотел на трибунал! – хохотнул офицер. – Мы тут сами себе закон и правительство!

Он резко рванулся вперед, поймал Ольгу за руку, и в следующий миг она оказалась в его стальных объятиях.

– Ну что ты?.. Что ты?.. – зашептал офицер, оттесняя Ольгу в темный переулок.

Она в панике посмотрела по сторонам:

– Кто-нибудь!.. Помогите!

Взгляд ее скользнул по беспомощному, испуганному лицу плачущей только что спасенной ею девушки, по равнодушным патрульным, которые проходили мимо, делая вид, будто ничего не замечают. Офицер придавил ее к стене, и Ольга ощутила на своем теле потные ладони. Она что было сил била кулаками по широкой груди, но с таким же успехом могла колотить стену.

– Я буду нежен, – шептал офицер.

Его пальцы скользнули ей под блузку.

В очередной раз рванувшись, Ольга случайно задела висящую на бедре офицера кобурку с пистолетом. Дотянувшись до нее, рванула оттуда оружие, направила его вверх и нажала на курок. Раздался выстрел. Офицер тут же отскочил, присев и ошарашенно глядя по сторонам, и наконец сообразил, что произошло.

– Тихо, тихо... – Он ухмыльнулся и медленно двинулся к сжимающей пистолет Ольге. – Ух ты, какая агрессивная! А я уж решил было, что по нам эмерийские снайперы палят... А ну-ка, верни мальчику игрушку!

– Еще шаг – и следующая пуля будет твоей, – тяжело дыша, сказала Ольга, направляя пистолет офицеру в грудь.

– Оружие на землю! – раздался окрик. – Быстро!

Боковым зрением Ольга заметила, что ее держат на прицеле двое патрульных.

– Я глава правительственного Центра Милосердия, – не опуская пистолета, проговорила Ольга, свободной рукой вынув из кармана удостоверение. – Этот офицер напал на меня...

– На счет «три» открываем огонь! – крикнул патрульный солдат, передернув затвор автомата. – Раз!..

Ольга медленно положила пистолет. Едва оружие коснулось земли, ее тут же прижали к стене, заломив руки за спину. Один из патрульных принялся исследовать ее карманы, второй, подсвечивая фонариком, изучать документы. Пару секунд патрульный смотрел в ее удостоверение и вдруг отпрянул, поправляя на себе форму.

– Прошу прощения, Ольга Николаевна, – поспешно пробормотал он. – Извините за недоумение.

– Ты чего? – удивился его коллега.

– Идиот, она и правда из правительства! – шепнул тот ему на ухо.

Второй тут же отпустил Ольгу.

– Простите за беспокойство. Вы свободны, – сказал патрульный, возвращая ей документы.

– Кстати, а можно взглянуть теперь на ваше удостоверение? – Патрульные деловито повернулись к растерявшемуся и внезапно протрезвевшему офицеру.

Ольга отошла, переводя дыхание. Ее все еще трясло. Она быстро одернула измятый костюм, поправила волосы.

– Извините, можно вопрос? – спросила она патрульного. – Не подскажете, как мне пройти к бару «Алмазный грог»?

На лице у того возникли одновременно удивление и ухмылка.

– Дело в том, что мне там назначил встречу один человек, – пояснила Ольга. – Мне очень нужно туда попасть.

Патрульный, все еще изучая ее насмешливым взглядом, махнул куда-то рукой.

– Вон там... – И добавил: – Кто бы мог подумать, что даже представители правительства посещают подобные заведения...

Ольга взглянула в указанном направлении, но, кроме все того же темного пейзажа, не увидела ничего нового.

– Вон тот дом, – уверил патрульный. – Как раз прямо.

Ольга с сомнением подошла к указанному зданию. К ее удивлению, у овальной амбразуры входа действительно оказалась покосившаяся табличка – «Бар „Алмазный грог“». Длинная бетонная лестница вела в подвал. Пока она с сомнением смотрела вниз, решаясь, шагнуть на эти изломанные, загаженные ступени или нет, за ее спиной возникли два пьяных офицера и, поддерживая друг друга, едва ли не покатались в подвал. Ольга собралась с духом и пошла следом.

Чем ниже она спускалась, тем громче становились музыка и гомон множества голосов. Когда же она достигла-таки самого дна и распахнула похожую на люк бомбоубежища дверь, ей стало дурно. Она стояла на пороге пропитанного вонью спиртного, наркотическим дымом и потом, шумящего, дерущегося, пошлящего заведения.

– Дамочка, не желаете присоединиться к нашей веселой компании?

Ольга вырвала руку у схватившего ее какого-то солдата и, отрицательно замотав головой, быстро пошла вглубь, маневрируя между заваленными стаканами, бутылками и рвотного вида закуской массивными деревянными столами, с отвращением рассматривая пьяную элиту грассийской армии. Она плохо разбиралась в званиях, но, похоже, тут проводили досуг все чины – от рядовых до старших офицеров.

– Чего желаете? – сухо спросил пузатый мужчина за грязно-жирной барной стойкой.

– Сок, если можно.

Получив стакан и расплатившись, Ольга снова с надеждой взглянула по сторонам. «Даже если меня кто-то и ждет, как я его узнаю?» – мелькнула паническая мысль. Она чувствовала на себе пошлые пьяные взгляды посетителей и полные презрения и ненависти – посетительниц, которых, к ее удивлению, оказалось немало: вульгарно накрашенные, в вызывающе коротких юбках, курящие, пьющие и ругающиеся так, словно соревнуются с мужчинами. Неподалеку свора каких-то военных затеяла драку. Кто-то кого-то уронил на стол, затрещала мебель, зазвенела посуда, разлетелся о стену стакан.

– И эти люди называют нас варварами, – раздался голос совсем рядом.

Ольга обернулась. На соседнем стуле у барной стойки сидел темноволосый мужчина в потертой армейской куртке без знаков отличия и, отхлебывая из стакана, с усмешкой разглядывал творящееся вокруг безобразие. Смуглая кожа и черты лица выдавали в нем коренного жителя регио Эмери.

– Они ведут себя как животные, – согласилась Ольга.

– А ведь сегодня годовщина освобождения архипелага! Конечно, этот праздник в Грассии не отмечают, и все же... Эх, видели бы этих военных их выигравшие войну прадеды или деды, которые проливали кровь, сражаясь за острова во Второй мировой. Достойное наследие, ничего не скажешь...

– Неужели командование не может прикрыть подобные заведения?

– Скажете тоже – прикрыть. – Незнакомец усмехнулся. – Да оно их поощряет!

И, заметив ее удивленный взгляд, добавил:

– Военные годами не вылезают из гарнизонов, а энергию-то куда-то вымещать надо. Командование боится, что личный состав совсем без развлечений начнет сходить с ума и, чего доброго, станет от скуки палить друг в друга. Да и с женщинами разрядка необходима...

Ольга с отвращением дернула плечами: в памяти еще слишком свеж был недавний инцидент – попытка подобной разрядки.

– А эти женщины... Они ведь не местные?

– Еще бы! Ни одна эмерийка не опустится до такого!

Ольга, теряя терпение, продолжала смотреть по сторонам. Ну где же он – тот, кто назначил встречу?

– Хела, на почте больше не было писем? – тихо спросила она «внутренний голос».

– Нет, – отозвался прикрепленный к уху маленький динамик. – Я бы сказала.

Ольга допила сок и заказала еще.

– Кого-то ждете? – снова поинтересовался незнакомец.

– Не вас, это точно, – нервно отрезала Ольга.

– Кстати, меня Диего зовут. Диего Рохас.

Ольга натянуто улыбнулась, всем видом давая понять, что ей неинтересны подобные знакомства.

– Можно спросить, зачем вы здесь? – не унимался тот.

– По делу.

– Что за дела могут быть у такой женщины, как вы, в этой дыре?

– А какие у них дела? – Ольга кивнула на развеселых посетительниц за столиками бара.

– Ой, не смешите меня. Эти дамочки приезжают сюда нелегально в надежде заполучить перспективного супруга или просто хорошо подзаработать. И небезуспешно. Вы знаете, сколько платят военным в регио Эмери? Много! Порой даже слишком много! И чем выше звание, тем выше зарплата. Так вы сюда за этим приехали – за богатым женихом или на заработки? – Диего подмигнул и тут же рассмеялся, перехватив ее возмущенный взгляд. – Вот видите, я вас сразу раскусил: вы совершенно не вписываетесь в обстановку, а значит, попали сюда либо случайно, что маловероятно, либо пришли по какому-то делу. Я еще издали отметил – вы не похожи ни на одну из этих дамочек... Как, впрочем, и на большинство женщин с цивилизованных островов Грасии.

– Почему это? – Ольга удивленно взглянула на эмерийца. Последнее утверждение задело ее. – Чем же я от них отличаюсь?

– Ну, вся такая строгая и серьезная, одевайтесь чересчур просто. Уверен, большинство женщин вашего мира посчитают этот серо-белый наряд верхом безвкусицы. То, что у вас на голове, ни одна из них не назвала бы прической, а так – просто собранные в хвост длинные волосы. Вы совершенно не используете косметики: чуть-чуть, да и то, скорее всего, для того, чтобы подруги не считали вас совсем безнадежной. Ваш народ одарил вас прекрасными чертами, голубыми глазами и светлыми волосами. Вы немка. Нет, шведка... Хотя, судя по акценту, скорее всего, русская, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь.

– И в то же время у вас небольшой шрам на щеке. Похоже, с детства. А в наш век общедоступной пластической хирургии выглядеть можно идеально. И все же вы не стали исправлять этот изъян.

– Просто я не считаю внешность показателем человечности и ценю в людях совершенно иные качества... Кстати, и у вас на лбу жуткий шрам. Вы же тоже оставили его вовсе не для красоты.

– Ну, когда я говорю про «век хирургии», я вовсе не имею в виду регио Эмери. В силу обстоятельств наша медицина шагнула не вперед, а назад на сотни лет... Опять же, уверен, многих женщин архипелага стошнило бы при виде такого безобразного шрама, как у меня, а вы спокойно его обсуждаете.

– Я на практических занятиях в медицинском и работая в больницах такого насмотрелась, что шрамами меня не напугаешь.

– Опять же – такая профессия. Я слышал, что на архипелаге теперь поступать в медакадемии весьма непрестижно. Продвинутые современные люди предпочитают стучать по клави-

атурам в офисах, нежели копаться в крови и органах. Цивилизация делает людей мягкотелыми. Пожалуй, сейчас в Грасии единственная престижная профессия, связанная с кровью, – это военный. – Диего зло покосился на пьяных солдат за соседним столиком. – А в медицинский теперь поступают лишь те, кому некуда больше податься.

– Неправда. У меня был выбор. Просто я с детства мечтала помогать людям, и мне всегда было плевать на общественное мнение.

– И все-таки вы признаете, что ваша профессия нынче не модна. А после того что я сказал о вашей внешности, любая современная женщина задыхнулась бы от возмущения, но при этом даже пощечину бы побрезговала мне влепить, боясь случайно коснуться шрама или подцепить инфекцию.

– Я – не любая!

– Ага! То есть вы уже согласны, что отличаетесь от других!

Ольга нахмурилась.

– Ладно, убедили. – И, рассмеявшись, добавила: – Зато залепить вам пощечину я бы не побрезговала.

Диего тоже расхохотался и, повернувшись к бармену, крикнул: «Виски!»

– Мне тоже! – сказала Ольга и на удивленный взгляд Диего ответила: – Что, опять не вписываюсь в ваши стереотипы? Но я же не такая, как все, и мне плевать на любое мнение. Ведь так?

Бармен молча поставил перед ними два стакана с коричневой жидкостью. Ольга взяла один, отхлебнула, поморщилась и отхлебнула еще. Диего внимательно наблюдал за ней.

– У тебя проблема, да? – спросил он.

Ольга поставила недопитый стакан и уронила голову на ладони. Какое-то время она сидела так, пространно глядя на пестрые ряды бутылок за барной стойкой, а потом прошептала:

– Я в отчаянии.

– Расскажи. Может, я смогу помочь?

– Помочь?.. – Ольга еще раз отхлебнула из стакана и с отвращением оттолкнула его в сторону. – Чувствую, мне теперь никто не поможет. Я, как дура, приперлась сюда, ухватившись за призрачную надежду! Глупо надеяться, что кто-то способен провести тебя через Мурус...

– Мурус? – понизив голос, повторил Диего, с опаской оглянувшись. – Я бы на твоём месте не стал кричать о таких вещах. И уж тем более распространяться об этом каждому встречному. Это ведь незаконно! Хотя и выполнимо...

Когда смысл последней фразы вдруг дошел до Ольги, она удивленно взглянула на собеседника.

– Выполнимо?

– Кстати, ты пришла намного позже назначенного времени, – добавил Диего.

– Так это вы прислали то письмо! – воскликнула Ольга, и ее тут же обуяла злость. – К чему тогда были все эти разговоры о моей внешности и стереотипах?

– Просто хотелось получше узнать человека, которому собираюсь предложить столь опасную услугу. Ведь нелегальное проникновение за Мурус – вовсе не развлекательная прогулка.

– А, так вы контрабандист! – вскричала Ольга.

Диего пригнулся и посмотрел по сторонам.

– Да тише ты! – прошипел он. – Хотя бар «Алмазный грог» место толерантное, ни к чему лишний раз светить свою физиономию грасийским солдатам...

– То есть вы мне предлагаете проникнуть через Мурус нелегально? – теперь уже шепотом спросила Ольга.

– Конечно! Да, в принципе, иного способа вообще не существует. Любой корабль будет потоплен, если попытается пересечь Мурус без официального разрешения, которое, конечно же, никто не даст.

– Я не очень-то разбираюсь в подобных делах... Вы предлагаете мне сесть в самолет или подводную лодку?

– Конечно же нет! В принципе это реально. Но чтобы организовать такое, потребуется неделя, не меньше. К тому же это будет очень много стоить: помимо моего гонорара поиск транспорта, заправка и все такое... В общем, это очень дорого и долго. Речь идет именно о пересечении Муруса. По воде.

– А разве это возможно? – удивилась Ольга.

– Милочка, ты так и не поняла? Армией управляет коррупция, а не генералы.

– Но я пыталась предложить префекту Ароку...

– Что?! Ты пыталась предложить взятку самому префекту? – Диего загоготал так, что с соседних столиков на них покосились пьяные физиономии. – Ну, ты даешь! Наверное, у президента корпорации «Грасиятранс» не хватило бы денег, чтобы всучить ему взятку. Поверь мне на слово, вся эта контрабанда – бизнес исключительно префекта. Не считая, конечно же, некоторых заинтересованных людей в столице... И деньги тут крутятся колоссальные! Ведь речь идет об эмерийских алмазах. Говорят, Арок лично устанавливает цены на контрабанду и имеет хороший процент с каждого проданного в этом районе товара, будь то оружие, провизия или алмазы. Не удивлюсь, что во всей Грасии не найдется человека богаче префекта. Война – очень выгодный бизнес. Пока идет блокада острова, эмерийцам ничего не остается, как покупать по баснословным ценам оружие и продовольствие и за копейки отдавать свои сокровища. Контрабандисты все равно бы нашли лазейки для торговли, а потому ряд официальных лиц во главе с префектом решили это взять под свой личный контроль.

– Верится с трудом, – покачала головой Ольга. – По-моему, вы рассказываете какие-то небывлицы. Официальные правительственные люди зарабатывают на войне...

Диего сделал жест, мол, твое дело – верить или нет.

– Итак, касаясь Муруса, – продолжал он. – В армии есть годами отработанная схема и установленные расценки за пересечение Муруса, в которые входит в том числе и процент, попадающий в карман префекта. Капитан практически любого крейсера оцепления за энную сумму готов не обратить внимание на проходящий мимо его судна кораблик, а также выставить на вахты матросов, которые не поднимут тревогу. Если, конечно, с таким капитаном договорится проверенный человек вроде меня. Схема проста: мы стартуем из порта острова Пасео, пересекаем Мурус, доходим до Эмери, забираем вашу девочку... да, да, я об этом знаю!.. И тем же путем возвращаемся обратно. Все путешествие займет меньше суток. Оплата – по факту: сумма за проход через Мурус плюс мой гонорар.

Диего достал карандаш, что-то написал на салфетке и передвинул по столу Ольге. Та взглянула и выкатила глаза:

– Так дорого?

Контрабандист пожал плечами.

– Честно сказать, для нарушения государственной границы – не очень. Лично для тебя могу сделать небольшую скидку. Так сказать, за красивые глаза. – Он окинул ее оценивающим взглядом с ног до головы и подмигнул, явно испытывая удовольствие, оттого что она краснеет.

– Спасибо, конечно, за предложение, – разочарованно сказала Ольга. – Но я вынуждена отказаться. У меня нет таких денег. Да и в фонде Центра Милосердия тоже.

– Я бы на твоём месте за это не переживал, – махнул рукой Диего. – Можно будет за спасение девочки попросить у пиратов вознаграждение и тем самым возместить расходы. Поверь мне, это не зазорно, и более того, уверяю, они предложат его сами. Я знаю свой народ. Эмери – очень богатый остров. Наши алмазы ценятся во всем мире. Ну, так как насчет сделки?

Ольга задумалась.

– А какова вероятность того, что нас не потопят?

– Гораздо большая, чем попытаться пересечь Мурус бесплатно. Конечно же, определенный риск есть всегда. Но разве ты уже не рискуешь, сидя здесь, а не в своем теплом офисе на Магнусе?

– Мне нужно подумать, – наконец сказала Ольга, – и посоветоваться с командой. Я ведь рискую не только своей жизнью.

– Дело твое. – Диего пожал плечами. – Но не думай слишком долго, а то я найду других клиентов. Таковых тут, кстати, немало: контрабанда – дело нередкое.

– Как мне дать вам знать, если соглашусь?

– Положите на нос своего катера, скажем, спасательный круг. Свои люди, из тех, что служат в порту, мне сообщат.

Ольга удивленно взглянула на него.

– Все покупается, все продается... – Диего многозначительно улыбнулся.

Она встала:

– Что ж, мне пора. До свидания.

– Искренне надеюсь, что оно состоится! – Эмериец с улыбкой поклонился, взяв ее ладошку. Но прежде чем он поднес ее к губам, Ольга отдернула руку.

Она наконец выбралась из той вонючей клоаки, которую называли баром, и вдохнула полной грудью свежий воздух. «Ну вот, что теперь делать?» – произнесла она вслух мучившую ее мысль. Воспользоваться услугами этого контрабандиста – означало пойти на прямое нарушение закона. Ей, Ольге Гириной, представителю правительства! Той, что всегда всех призывала к порядку! Но если она откажется, ценой станет жизнь ребенка.

Она разглядела вдали над крышами эмерийских домов зарево от портовых фонарей и быстро пошла в том направлении.

– О, это опять ты, милая! – вдруг услышала она окрик.

Обернувшись, Ольга остолбенела: у одного из домов на лавочке развалился тот самый офицер, которого она чуть больше получаса тому назад держала под прицелом его же собственного пистолета. Офицер тяжело поднялся и, шатаясь, побрел прямо на нее.

– Я думала, вас арестовали, – растерянно вымолвила Ольга.

– Меня? – Офицер хохотнул, продолжая наступать. – Кто меня тут арестует-то?..

Ольга отступала.

– Что вы делаете? – голос ее задрожал.

– То, что и собирался сделать с самого начала.

Ольга было рванулась, чтобы убежать, но поздно – офицер, несмотря на свое состояние, со звериной прытью рванулся вперед, успел поймать ее за руку и притянул к себе.

– Что, крошка, думала, сдала меня патрулю – и все? –дохнул он перегаром ей в лицо. – Действительно верила, что меня, офицера-десантника, отправят на гауптвахту или под трибунал?

Ольга попыталась закричать, но рот ее был плотно зажат огромной потной ладонью.

– Ты из правительства, говоришь?.. Ничего, сейчас я тебе покажу, кто здесь настоящая власть! – И он потащил ее за угол дома.

Руки Ольги беспомощно шарили в поисках хоть чего-нибудь, что сможет ей помочь, но на этот раз впустую. Она попыталась укунить зажимавшую рот ладонь, но та переместилась ей на горло и сдавила так, что она тихо захрипела, беспомощно хватая ртом воздух. Раздался треск отрываемых пуговиц.

И вдруг прогремел выстрел. Запахло порохом. Хватка офицера ослабла, и он медленно сполз к ногам Ольги. Вместо правого глаза у него темнело кровавое пятно. Ольга испуганно взглянула по сторонам и встретилась взглядом с той самой девушкой, которую она недавно спасла. В руке та сжимала пистолет. Это было мимолетное видение, а в следующий миг девушка словно растворилась в ночном мраке.

Раздался топот тяжелых ботинок. Из-за угла показались двое патрульных. Один тут же прижал Ольгу к стене, после чего повторилась та же процедура обыска и идентификации личности. Второй присел рядом с офицером и покачал головой: мертв!

– Вы не видели, кто стрелял?

Ольга отрицательно мотнула головой.

– Проклятые эмерийцы! – воскликнул патрульный, обводя темную пустынную округу стволом автомата. – По улице спокойно пройти нельзя, только и жди выстрела в спину!..

Едва Ольгу отпустили, она со всех ног помчалась в сторону порта и остановилась лишь у ворот.

17 дней до возвращения

На катере Ольгу встретил обеспокоенный экипаж. Несмотря на поздний час, никто не спал.

– Ты где пропадаешь? За полночь, а ее не понять где носит! – набросилась на нее Мишель. – Мы уже думали поднимать военных и идти искать.

– Не надо... военных... – все еще переводя дыхание после бега, вымолвила Ольга и устало опустилась в кресло.

Она какое-то время сидела, опершись локтями о штурвал, молча глядя в темноту, простиравшуюся за лобовым стеклом. Потом вдруг резко развернулась в кресле и окинула настороженную команду решительным взглядом.

– Это даже хорошо, что вы все в сборе, – наконец сказала она. – Дело в том, что мне предложили одну сделку...

– Скажи еще, что ты решила нелегально пересечь Мурус, – пошутил капитан Уилкс.

Но, перехватив взволнованный взгляд своей начальницы, понял, что угодил в точку.

– Нет! – вскричал он. – Только не говори, что это так, детка!

– Именно так, – спокойно ответила Ольга.

– Ого! – Нико присвистнул.

– А это опасно? – встревожилась Мишель.

– В бытность моей службы на крейсере, если верить статистике, у Муруса мы перехватывали семьдесят пять процентов контрабанды, – проворчал капитан Уилкс.

– Это много? – Мишель захлопала длинными ресницами.

– Представь, что четыре клевые куколки, вроде тебя, решили проскочить в ночной клуб, нарушив дресс-код, – пояснил Нико. – Одна прошла, трех сцапали. Только тут вместо строгого охранника...

Он приставил указательный палец к ее виску и сказал: «Бац!» Мишель побледнела.

– В общем, если мы попытаемся, наши шансы не очень-то велики, – подытожил капитан.

– Человек, с которым я говорила, утверждает, что за некоторую сумму нас пропустят сами военные – капитан крейсера будет в курсе и на вахте выставит верных людей.

– Ты решила подкупить старших офицеров? – вскричал капитан Уилкс. – Это же невозможно!

Нико взглянул на него со смесью жалости и презрения.

– Даже не верится, что вы прослужили тут несколько десятков лет, – хмыкнул он. – Впрочем, ничего удивительного, учитывая, что ваша пенсия проходит на борту этого ржавого корыта, а не на Лазурном Берегу в собственном особняке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.